

ДОНИШГОҲИ МИЛЛИИ ТОҶИКИСТОН

Бо ҳуқуқи дастнавис

ВБД: 800+809.155.0 (81+81. 2 Тоҷ)

В – 20

ВАЛИЗОДА ҲОКИМХОН САФОЛИЁН

**ТАШАККУЛИ ЗАБОНШИНОСИИ НАВИНИ ТОҶИК ВА
МАРҲИЛАҲОИ РУШДИ ОН (СОЛҲОИ 1840-УМИ АСРИ XIX TO
ЗАМОНИ БОЗСОЗӢ)**

АВТОРЕФЕРАТИ

диссертатсия барои дарёфти дараҷаи илмӣ доктори илмҳои филологӣ
аз рӯйи ихтисоси 6.2.2 Назарияи забон

Душанбе – 2026

Диссертатсия дар кафедраи таърихи забон ва типологияи факултети филологияи Донишгоҳи миллии Тоҷикистон омода гардидааст.

- Мушовири илмӣ:** **Хочаев Давлатбек** – доктори илмҳои филологӣ, профессор, ходими пешбари шуъбаи забони Институти забон ва адабиёти ба номи Абуабдуллоҳи Рӯдакӣ
- Муқарризонии расмӣ:** **Ҳасанзода Абдучамол Ашраф** – доктори илмҳои филологӣ, профессори кафедраи забони тоҷикии Муассисаи давлатии таълимии “Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи Бобоҷон Ғафуров”
Раҳмон Наргис Шариф – доктори илмҳои филологӣ, профессори кафедраи забонҳои хориҷии Академияи идоракунии давлатии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон
Нозимов Абдулҳамид Абдуалимович – доктори илмҳои филологӣ, профессор, муовини директори Филиали Муассисаи давлатии автономии таҳсилоти олии касбии “Донишгоҳи миллии тадқиқотиҳои технологияи МИСИС дар шаҳри Душанбе”
- Муассисаи пешбар:** Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи Садриддин Айни

Ҳимояи диссертатсия санаи “25” сентябри соли 2026, соати 09:00 дар ҷаласаи шурои диссертатсионии 6D.KOA-117-и назди Донишгоҳи байналмилалӣ забонҳои хориҷии Тоҷикистон ба номи Сотим Улуғзода (нишонӣ: 734019, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, кӯчаи Муҳаммадиев, 17/6, e-mail: shtddm@gmail.com; тел.: (+992) 882891717) баргузор мегардад.

Бо мазмуну муҳтавои диссертатсия дар китобхонаи илмӣ Донишгоҳи байналмилалӣ забонҳои хориҷии Тоҷикистон ба номи Сотим Улуғзода ва тавассути сомонаи www.dbz.tj шинос шудан мумкин аст.

Автореферат санаи «__» _____ 2026 тавзеъ шудааст.

Котиби илмӣ шурои диссертатсионӣ,
доктори илмҳои филологӣ, дотсент

Соҳибназарзода Ҳ. Т.

МУҚАДДИМА

Диссертатсия ба таҳқиқи ташаккули забоншиносии навини тоҷик ва марҳилаҳои рушди он (солҳои 1840-уми асри XIX то замони бозсозӣ) бахшида шудааст.

Мубрамии мавзӯи таҳқиқот. Муҳимияти таҳқиқи “Ташаккули забоншиносии навини тоҷик ва марҳилаҳои рушди он (солҳои 1840-уми асри XIX то замони бозсозӣ)”, пеш аз ҳама, ба зарурати дарки илмӣ равандҳои таърихӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангии афкори забоншиносии навини тоҷик алоқаманд аст. Мавзӯи мазкур ҳамчун бахши асосии илми таърихи забоншиносӣ маҳсуб ёфта, дар фаҳмиши ташаккули худшиносии миллӣ ва рушди фарҳанги маънавии ҷомеа нақши муҳим мебозад. Маҳз омузиши ин мавзӯ, имкон медиҳад, ки марҳилаҳои гузариш аз анъанаҳои классикӣ шарқӣ ба методологияи илми муосир муайян карда шуда, равандҳои табдили афкори илмӣ, таъсири омилҳои сиёсӣ ва иҷтимоӣ, нақши мактабҳои гуногуни илмӣ муайян карда шаванд. Дигар ҷиҳати муҳимияти омузиши мавзӯ боз дар он зоҳир мешавад, ки дар ин марҳила пояҳои забоншиносии навини тоҷик гузошта шуда, масъалаҳои асосии сарфу нахв, луғат, овошиносӣ, услубшиносӣ, фразеология ва шеваҳои забони тоҷикӣ ба як қолаби муайяни илмӣ дароварда шуданд.

Таърихи афкори забоншиносии мардуми тоҷик монанди улуми фалсафа, адабиёт, нақди адабӣ, санъату меъморӣ решаи дурударози таърихӣ дорад. Гузаштагони тоҷикон ҳануз пеш аз истилои араб дорои алифбо ва ҳатти худ буданд. Шарқшиноси машҳури рус В. В. Бартолд дар иртибот ба ин мавзӯ чунин таъкид кардааст: “Хизмати суғдиҳо дар қори паҳн намудани алфавит ба онҳо ҳуқуқ медиҳад, ки дар таърих аз ҷиҳати мавқеъ дар қатори финикиҳо истанд” [15, с. 70].

Ин далели он аст, ки афкори забоншиносии тоҷик то истилои араб дар мардуми мо шояд бо роҳи баҳрабардорӣ аз таҷрибаи Юнону Ҳинд пайдо шуда, дар вазъи шаклгирӣ будааст.

Яке аз аввалин муҳаққиқони афкори забоншиносии тоҷик, профессор Д. Хочаев дар иртибот ба пажӯҳиши масъалаи мазкур чунин ибрази назар кардааст: “Ҳарчанд ки аз давраи қабл аз ислом барои равшан сохтани саҳифаҳои таърихи илми забоншиносии тоҷик маводди зарурӣ дастрас нест, аммо ба асоси рисолаву дастурҳои забони арабӣ, ки бинобар шаҳодати сарчашмаҳои таърихӣ, аксар муаллифонашон мардуми эронӣ, аз ҷумла, тоҷикон буданд ва маълумоти хеле муътамаду муфассале, ки дар рисолаҳои фалсафӣ, аруз, нақди адабӣ ва мусиқӣ дар аҳди ислом бо забони тоҷикӣ таълиф шудаанд, метавонем итминони комил дошта бошем, ки илми забоншиносии мо решаҳои таърихӣ доштааст” [78, с. 4].

Пас аз истилои араб афкори забоншиносии тоҷик зери таъсири нуфузи низоми дастури забони арабӣ қарор гирифт. Таъсир расонидани низоми дастури забони арабӣ ба афкори забоншиносии тоҷик ин тақозои замон буд, чунки забони арабӣ ҳамчун забони миллати ҳукмрон афзалият пайдо карда, тамоми қувваҳои илмӣ баҳри такмилу тадвини асосҳои дастури забони арабӣ сафарбар карда шуда буданд. Мувофиқи сарчашмаҳои таърихӣ, аксар тадвинкунадагони дастури забони арабӣ эронитаборон буданд, чунончи, муаллифи асари маъруфи “Ал-китоб” Сибавайҳи форс аз зумраи онҳо буд. Охиста-охиста нуфузи Хилофат дар

сарзаминҳое, ки мардумонашон ғайриараб буданд, суғудан гирифт ва ин халқову миллатҳо имкон ёфтанд, ки илму фарҳанги худро ё аз нав эҳё созанд ё таҳрирезӣ кунанд; аз ҷумлаи онҳо халқи тоҷик маҳсуб меёбад, ки он ҳам ба эҳёсозиву заминагузорӣ дар ҳамаи соҳаҳои ҳаёти иқтисодиёи фарҳангӣ ва илмӣ имкон пайдо кард.

Дар ҳамин замина роҷеъ ба илмҳои гуногун, аз ҷумла, илми забоншиносии тоҷик, дар осори донишмандони асри X ва минбаъд қайдҳои ишора ва тавзеҳоти муҳимми забоншиносӣ пайдо шуданд, ки намунаи онро мо дар “Донишномаи Алоӣ”-и Абуалӣ ибни Сино дида метавонем.

Ин донишманди тавоно вобаста ба қонунҳои илми мантиқ як қатор мавзӯҳои марбути забоншиносиро ҳам шарҳ додааст, ки аз диди забоншиносии муосир ҷолиби тавачҷуҳанд. Зиеда аз ин, роҷеъ ба илми савтиёт рисолаеро ҳам ба номи “Махориҷ-ул-хуруф” [1] таълиф кардааст. Ин аънаи, яъне дар заминаи илмҳои фалсафа, аруз, бадеъ, мусиқӣ шарҳ додани қавонини дастури забони тоҷикӣ, то нимаи аввали асри XX идома меёбад.

Ҳарчанд аънаи шарҳи асосҳои дастури забони тоҷикӣ минбаъд то нимаи аввали асри XIX дар асарҳои улуми сегонаи адабӣ, фарҳангҳои тафсирий, баъзе дастурҳо аз асосҳои дастури забони тоҷикӣ идома мепазирад, аз нимаи дууми асри XIX вазъи афкори забоншиносии тоҷик тағйир меёбад.

Дар нимаи дууми асри XIX дар сарзамини Осиёи Миёна ҳаракати маорифпарварӣ пайдо шуд, ки намоёндоганашон, пеш аз ҳама, ба ислоҳоти соҳаи таълим пардохтанд. Ба ин мақсад онҳо барои тақмилу таҷдиди барномаҳои таълимии мадрасаҳо, усули таълим ва мазмуну муҳтавои китобҳои дарсӣ андешаҷӯшонро иброз дошта, ҳадашон бевосита ба таълиму тадрис машғул гардиди, китобҳои дарсии нав таълиф намуданд.

Пас аз ҳамоҳашии Осиёи Миёна бо Русия, бо таъсири афкори маданияти рус ва ҷараёни маорифпарварӣ мактабҳои типии русӣ-тоҷикӣ (бумӣ) ва мактабҳои усули нав пайдо мешаванд. Дар ҷаҳонбинӣ шуури мардуми тоҷик дигаргунӣ ба вучуд меояд, баъди ба роҳ мондани раванди таълим ва пайдо шудани назару афкори навини забоншиносӣ замина ба вучуд меояд. Кӯшиш карда мешавад, ки дар асоси таҷрибаи забоншиносии рус меъёрҳо ва асосҳои дастурии забони тоҷикӣ барои зинаҳои гуногуни омӯзиш ва синну соли мухталифи кишрҳои ҷомеаи тоҷикон навишта шаванд. Натиҷаи ҳамин кӯшишҳо буд, ки соли 1841 бо диду усули нав бо унвони “Краткая грамматика персидского языка” [13] (“Грамматикаи мухтасари забони форсӣ”)-и Аббос-Қулӣ Оғо Боқилонов нашр мешавад. Соли 1875 М. А. Терентев китоберо бо номи “Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская” (“Грамматикаҳои туркӣ, форсӣ, кирғизӣ ва узбекӣ”) [69] ба нашр мерасонад.

Пас аз нӯҳ сол, яъне соли 1884, Мирзо Ҷаъфар китоби “Краткая грамматика персидского языка” [45] (“Сарф ва нахви форсӣ ба русӣ”)-ро менависад. Солҳои 1888-1990 И. П. Наликин ду китоб: яке бо номи “Русско-персидский словарь”, дигаре зери унвони “Руководство к практическому изучению персидского языка”-ро нашр менамояд.

Ин китобҳо, ҳарчанд ки барои хонандагонии синфҳои махсуси донишқадаю донишгоҳҳои забонҳои шарқи ҳамон солҳо тартиб дода шуда

буданд ва баъзе мансабдорони русе, ки дар Осиёи Миёна ба мардуми маҳаллӣ сару кор доштанд, аз ин китобҳо истифода мекарданд, дар ташаккул ва рушди минбаъдаи афкори забоншиносии давраи нав ва навиштани китобҳои дарсии нисбатан мукамал роҷеъ ба асосҳои дастури забони тоҷикӣ заминае гардиданд.

Аз ин ҷост, ки таҳқиқи ҳамаҷонибаи таърихи ташаккул ва марҳилаҳои он барои таърихи афкори забоншиносии навини тоҷик, рушди марҳилаи ҳозира, таълифи китобҳои дарсии зинаҳои гуногуни таълим аз ҷанми забони тоҷикӣ ва дастури ҷомеъ ё академикӣ аҳамияти бузурги назарӣ ва амалӣ дорад.

Шуруъ аз нимаи солҳои 20-30-юми асри XX дар матбуоти тоҷик фикру андешаҳо ва мувоҳисаҳои гуногун ба миён омаданд, ки дар онҳо масъалаҳои забони адабии тоҷикӣ мавриди баррасӣ қарор гирифтанд. Дар ин замина мақолаҳои зиёде ба таъби мерасанд, ки онҳо аз ҷиҳати илмӣ, муҳтаво, мундариҷа ва асолати милли дар як ҷоя нестанд, аммо маҳз ба воситаи ҳамин мақолаҳо асоси илми забоншиносии навини тоҷик то андозае гузашта мешавад. Хушбахтона, ин интишорот аз саҳифаҳои рӯзномаҳову маҷаллаҳо ва бойгонихо гирдоварӣ шуда, соли 2007 дар шакли китоб ба номи “Забони тоҷикӣ дар мабнои мувоҳисаҳо” [27] ба нашр расонида мешаванд.

Ҳамаи мунозираҳое, ки дар атрофи забони адабии тоҷикӣ, содагардонии он, масоили гуногуни забоншиносии тоҷик баён гардидаанд, заминае шуданд, барои шаклгирии афкори навини тоҷикӣ дар нимаи аввали асри XX, аммо то имрӯз арзиш ва таъсири ин сарчашмаҳо ба афкори забоншиносии марҳилаҳои баъдӣ он ба таври пурра таҳлилу таҳқиқ нашудааст. Аз ин ҷост, ки муайян кардани арзиши забоншиносии маводди мазкур аз нигоҳи забоншиносии муосир, муайян кардани саҳми ҷеҳраҳои барҷаста аз муҳиммӣ ва мубрамии таҳқиқоти мазкур маҳсуб меёбад.

Ҳамчунин, муҳимияти дигари мавзӯи таҳқиқоти мазкур дар он зоҳир мегардад, ки дар доираи он равандҳои шаклгирӣ ва рушди афкори забоншиносии навини тоҷик мавриди таҳлилу баррасӣ қарор мегирад.

Дарачаи таҳқиқи мавзӯи илмӣ. Роҷеъ ба вазъи забоншиносии навини тоҷик бори нахуст устод Айни изҳори назар кардааст. Устод Айни дар мақолаи “Оид ба вазъияти забоншиносии тоҷик” чунин менависанд: “Забони адабии тоҷик ҳарчанд таърихи ҳазорсола ва грамматикаи мустаҳкам дошта бошад ҳам, то Револютсияи Кабири Сотсиалистии Октябр дар ин мавзӯ асари дурусте ба майдон наомада буд” [9, с. 3-8].

Дар иртибот ба ин таъкиди устод ду нуқтаро меҳоме баён кунем, аввалан, аз ин миён, ҷунонки Д. Хоҷаев дар мақолаи “Назари устод Айни дар бораи афкори забоншиносии гузаштаи тоҷик” [80] зикр мекунад, ки илми луғотро метавон истисно кард, зеро илми луғот дар забони тоҷикӣ собиқаи тулонӣ дорад ва дар аҳди Сомониён ин бахши забоншиносӣ то андозае ба асоси ҳамон анъанаи гузаштаи худ инкишоф ёфт. Дигар ин ки то ибтидои асри XX доир ба асосҳои дастури забони тоҷикии дарӣ дар муқаддимаи фарҳангҳои тафсирий, улуми сегонаи адабӣ маълумоту тавзеҳоти зарурӣ дода шудааст ва баъзе дастурҳои таълимӣ низ таълиф шудаанд, ба монанди дастури таълимии “Ҷаҳор гулзор” -и Хоҷа Ҳасани Нисорӣ (асри XVI), “Рисолае дар сарфу наҳв ва имло”-и Ҳоҷӣ Муҳаммад Каримхони Кирмонӣ (асри XIX).

Соли 1962 мақолаи таҳлили В. С. Расторгуева зери унвони “Изучение таджикского языка в СССР” [57] чоп мешавад. Дар мақолаи мазкур муаллиф мақолаву рисола ва китобхоеро оид ба шеваҳо ва хусусиятҳои дастуриву услубии забони тоҷикӣ аз нимаи дуюми асри XIX зикр карда, ҳамчунин роҷеъ ба мақолаи профессори Донишгоҳи Қазон В. В. Григорев ба номи “О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кошгаре”, ки дар он оид ба шеваи тоҷикони Бухоро маълумот дода шудааст, мухтасар сухан рондааст. Ин мақола барои таҳқиқи ҳаматарафаи афкори забоншиносии навини тоҷик дар муддати зиёда аз сад сол маводди зарурӣ дода метавонад.

Мақолаи дигар таҳти унвони “Вазъияти забоншиносӣ ва вазифаи забоншиносони тоҷик” [56], ки он ҳам хусусияти шарҳдиҳиӣ умумӣ дошта, баъзе масъалаҳои ҳалталабро дар назди муҳаққиқони забоншиносии тоҷик мегузорад, ба қалами академик Б. Ниёзмӯҳаммадов тааллуқ дорад. Дар мақолаи мазкур муаллиф дар бораи гузаштан аз алифбои арабӣ ба алифбои лотинӣ (1929-30) ва соли 1940 аз алифбои лотинӣ ба алифбои наво, ки дар асоси графикаи русӣ тартиб дода шуда буд, маълумот дода, алифбои навро дар маърифати халқи тоҷик ва омӯхтани забони русӣ ҳодисаи муҳим шуморидааст. Дар иртибот ба ин масъала муҳаққиқ таъкид менамояд, ки тарҷумаи зиёд аз русӣ ба тоҷикӣ ба сохти грамматикӣ забони тоҷикӣ низ таъсири самарабахш расониданд. Муаллифи мақола муҳокимаи ҳудро ин тавр асоснок кардааст: “Дар натиҷаи ин таъсири забони русӣ дар забони тоҷикӣ шаклҳои нави ҷумлаҳои сода ба вучуд омаданд. Ба тӯфайли ин дар солҳои охир сохти синтаксисии забони миллии тоҷик бой, суфта ва раван гашт” [56, с.77].

Дар муҳокимаи ҷавҳи академик Б. Ниёзмӯҳаммадов ду нуктае ҳаст, ки баҳсталабу шубҳаноканд: аввалан, бе далел ҳукм карда шудааст, ки “Дар натиҷаи ин таъсири забони русӣ дар забони тоҷикӣ типҳои нави ҷумлаҳои сода ба вучуд омадаанд” [56, с. 77]. Ин типҳои ҷумлаҳои сода кадом ҷумлаҳои содаанд, ки то ин таъсир дар забони адабии классикӣ ва муосирӣ мо вучуд надошта будааст ва мо чи тавр бе онҳо мубодилаи афкор карда будае?! Нуктаи дигар ин аст, ки ба сохти наҳвиёти забони адабии мо, то он дараҷае ки муаллиф таъкид мекунад, таъсир расонидани забони русӣ ҷойи ифтихор надорад, зеро таъсири зиёд ба наҳвиёти забон ин нишона аз заифии забон буда, хатари махлутшавии забони таъсирпазирро мефаҳмонад. Аз ин нуктаи назар, таъсири забони дигарро дар баҳши наҳвиёти забони тоҷикӣ на ҳодисаи мусбат, балки раванди таъсири манфиовар баррасӣ намуда, ба аҳли қалам бояд хушдор дод, ки раҳна дар сохтори наҳвии забон ҳодисаи матлуб нест.

Дар фуруварди қисмати муқаддимотии мақолаи мазкур муаллиф чунин таъкид кардааст: “Омӯхтани баъзе соҳаҳои илми забоншиносии тоҷик (шевашиносӣ ва луғатшиносӣ пеш аз револютсия оғоз ёфта) ва таҳқиқ намудани забони адабии ҳозираи тоҷик дар солҳои Ҳокимияти Советӣ хеле пеш рафт ва дар ин соҳа муваффақиятҳои зиёде ба даст дароварда шудаанд ва дар ҳамин солҳо ба илми забоншиносии тоҷик асос гузошта шуд” [56, с.79].

Албатта, ин андешаи муаллиф мутобик ба замони таълифи мақола мебошад. Ҳоло дар асоси таҳқиқоти навтарин, ки маҳсули замони бозсозӣ ва

истиқлол аст, метавон қайд кард, ки дар гузашта донишмандони мо ба масъалаҳои дастури забон, тозагии он ва луғату истилоҳ диққат меоданд.

Шуруъ аз асри XIV баъзе рисолаву дастурҳои таълимӣ низ таълиф шудаанд. Аз ин рӯ, афкори забоншиносии тоҷик дар гузашта низ шакл гирифтаву то андозае рушд ҳам ёфта буд. Муҳокимаву хулосаи академик Б. Ниёзмӯҳаммадов, асосан, фарогири ташаккули забоншиносии навини тоҷик (замони шуравӣ) мебошад.

Пас аз ин, академик Б. Ниёзмӯҳаммадов доир ба таҳқиқи шевашиносии тоҷик, ки ду давра: давраи пешазинқилобӣ ва давраи шуравиро дарбар мегирад, изҳори назар кардааст.

Дар мақола муаллиф роҷеъ ба дастури забони адабии тоҷик мулоҳизаҳо оварда, ибраз доштаанд, ки бо забони тоҷикӣ асарҳои зиёде эҷод шуда бошанд ҳам, то Инқилоби Октябр сохти грамматикӣ он таҳлил ва таҳқиқ карда нашудааст ва ба ин эҳтиёҷ ҳам нашудааст, чунки дар мактаб ва мадрасаҳои кӯҳна забони тоҷикӣ ҳамчун фан таълим дода намешуд.

Ин хулосаи академик Б. Ниёзмӯҳаммадов низ нисбӣ аст, чаро ки ҳалке, ки чунин адабиёти оламшумул офаридааст аз нигоҳи қоидаҳои дастури забони тоҷикӣ нуксе дар осори адибони классикӣ мо ба чашм намерасад, дар асоси қавонини кадом забон осори худро эҷод кардааст? Агар арабӣ гуем, охир, бо забони нобу шоиронаи тоҷикӣ ҳаст-ку, на арабӣ. Албатта, он адибон низоми грамматикаи арабиро меомӯхтанд, аммо нозукию салосати забони тоҷикиро ҳис мекарданд ва ҳудашон қоидаҳои дастури забони модаринашонро матраҳ месохтанд. Масалан, Абуалӣ ибни Сино, Носири Хусрав, Шамси Қайси Розӣ, Насируддини Тусӣ, Маҳмуди Омуӣ, Хусрави Дехлавӣ, Атолло Маҳмуди Хусайнӣ, Абдуррахмони Ҷомӣ, Хоҷа Ҳасани Нисорӣ мураттибони фарҳангҳои тафсирий шуруъ аз “Луғати фурус” то “Ғиёс-ул-луғот” шарҳу тавзеҳи зиёде оид ба асосҳои дастури забони тоҷикӣ оварданд, баъзе дастурҳои таълимӣ низ дар ин замина таълифу тадвин шудаанд.

Муаллиф бо ҳамин равиш қорҳои илмӣ-пажӯҳишиеро, ки то солҳои 60-уми асри XX роҷеъ ба услубшиносӣ, луғатшиносӣ ва таҳқиқи муқоисавии тоҷикиву русӣ, терминология ва имло аз ҷониби олимони тоҷику шарқшинос навишта шуда буданд, номбар намуда, арзишу аҳамияти онҳоро таъкид кардааст.

Академик Б. Ниёзмӯҳаммадов таъкид кардааст, ки дар баробари дастоварду муваффақиятҳо дар соҳаи забоншиносии навини тоҷик камбудӣҳои зиёде ба назар мерасанд, ки вазифаи забоншиносони тоҷик ҳарчи зудтар рафъ кардани онҳо ва дар роҳи рушди илми забоншиносии тоҷик сайё кардан аст.

Мақола зери унвони “Забоншиносии тоҷик дар даврони советӣ” [64] ба қалами профессор Ш. Рустамов тааллуқ дорад. Тафовути мақолаи Ш. Рустамов аз ду мақолаи пешин дар ин аст, ки ӯ дар аввали мақола бо чанд ҷумла аз собиқаи забоншиносии тоҷик ёд оварда, пас ба шарҳу эзоҳи осори илмиву таълимӣ оид ба забоншиносии навини тоҷик мепардозад ва ёдрас менамояд, ки оғози забоншиносии тоҷик ба асрҳои гузашта мансуб аст.

Лексикографияи тоҷик, – меғуяд муаллиф, – аз асри X оғоз ёфтааст ва дар ин муддат луғатҳои зиёди тафсирий ба майдон омадаанд, ки дар бештарини ин

луғатҳо ҳангоми тафсири калимаҳо ба сохту таркиби онҳо низ эътибор доданд. Баъзе аз луғатҳои тафсири дорои муқаддимаи лексикиву грамматикӣ мебошанд, ки дар онҳо хусусиятҳои грамматикӣ ва калимасозӣ то андозае шарҳ ёфтанд” [64, с.19].

Пас аз муқаддимаи мухтасар муаллиф ба шарҳи ташкили пойгоҳҳои илмиву таълимӣ дар замони шуравӣ, таъири алифбо, саҳми устод Айнӣ дар инкишофи забони адабии тоҷик гузашта, саҳми олимони русу тоҷик И. И. Зарубин ва Л. Бузургзодаро дар таҳқиқи таркиби овозии забони тоҷикӣ таъкид карда, дастовардҳои муҳаққиқони забоншиносии тоҷикро то солҳои 70-уми асри ХХ номбар кардааст.

Дар иртибот ба ин мавзӯ, метавон мақолаҳои гузоришҳои Б. Азизӣ “Ба забони дарӣ дурри суханро суфтан меҳаҳам” ва “Дар бораи забони адабии тоҷик”; С. Айнӣ “Дар атрофи забони форсӣ ва тоҷикӣ”, “Забони тоҷикӣ”, “Ҷавоби ман”; Ф. Аълозода “Дар гирди забони адабии тоҷик”; Бектош “Дар атрофи забони адабии тоҷикӣ”; Бертелс “Дар бораи забони адабии тоҷик”; Н. Бухорӣ “Дар гирди масъалаи забони адабии тоҷик”; Ҳочаев Валӣ “Дар масъалаи сода кардани забони китобии тоҷик”; Думбол “Оё лозим аст, ки забони адабии тоҷикӣ аз нав эҳё шавад”; Т. Зеҳнӣ “Муҳоҳиса дар бораи забон ва адабиёт”, “Забони “Овози тоҷик”, “Маслиҳатҳои ман дар бораи забон”; Мунзим “Дар бораи забони адабии тоҷикӣ”; А. Муҳиддинов “Фикрҳои мо дар бораи забони адабии тоҷикӣ”; Муъинзода “Дар атрофи масъалаи забони китобӣ-адабӣ”; Раҳим Ҳошим “Ба мо забони оммафаҳм даркор аст”, “Дар гирди забони адабии тоҷик чӣ менависанд?”, “Забони меҳнаткашони форсизабон”, “Дар арафаи ҳал кардани масъалаҳои забон, алифбо ва имло”-ро ном гирифт, ки аксаран ба масъалаҳои муҳимми забоншиносии даст задаанд ва ба қулли масоили мавриди назар аз нуқтаи назари биниши нави забоншиносии баҳо додаанд.

Дар асари библиографии А. Юнусов “Таърихи забоншиносии тоҷик” “Нишондиҳандаи умумӣ”-ро оид ба таърихи инкишофи забони адабии тоҷик мавриди таҳқиқ қарор додааст. Муҳаққиқ то қадри имкон саъйи кӯшиш намудааст, ки маводди то Инкилоби Октябр ва дар давраи шуравӣ оид ба забоншиносии тоҷик дар зарфи 110 сол (солҳои 1861-1971) нашршударо нишон диҳад. Ҳамаи адабиёти “Нишондиҳанда” ба 14 боби асосӣ гурӯҳбандӣ шудааст, ки аксарияти онҳо фаслҳои алоҳидаро фаро гирифтаанд. Масалан, 1. Қисми умумӣ. 2. Хат ва имло. 3. Таълими забони тоҷикӣ. 4. Китобҳои дарсӣ. 5. Барномаҳо. 6. Масоили услубшиносии. 7. Таърихи забони тоҷикӣ (Дар ин боб асару мақолаҳои гирд оварда шудаанд, ки бевосита ба забони тоҷикӣ нисбат доранд ва ё онҳо дар матбуоти шуравӣ нашр гардидаанд). 8. Шеваҳои забони тоҷикӣ. 9. Муносибати забони тоҷикӣ бо забонҳои дигар. 10. Сохти забони адабии ҳозираи тоҷик. 11. Лексикология. 12. Лексикография. 13. Библиография. 14. Нишондиҳандаҳои ғирасон. Ҳар як адабиёт ба мавзӯи муайян дахл дошта, маводҳои библиографӣ, ки оид ба забоншиносии тоҷик мутааллиқанд, дар ҷилди охири китоб оварда шудаанд. Бояд қайд кард, ки асари мазкур ба ҳар як муҳаққиқ, ки ба омӯзиши таърих ва назарияи забоншиносии тоҷик сару кор дорад, мусоидат хоҳад кард.

Вобаста ба саҳми забоншиносони дохилию хориҷӣ, ки дар ташаккули забоншиносии навини тоҷик саҳм доштаанд, боз чандин таҳқиқоти донишмандони дигарро ҳам номбар кардан мумкин аст. Дар бахшҳои марбутан диссертатсия ба онҳо ба таври муфасссал маълумот дода шудааст.

Робитаи таҳқиқот бо барномаҳо (лонхаҳо) ва мавзӯҳои илмӣ.

Таҳқиқи мавзуи диссертатсия нишондиҳандаҳои муҳимми мутабақати қори илмӣ ба стратегияҳои давлатӣ, самтҳои афзалиятноки рушди илм, ҳамчунин, нишондиҳандаҳои муҳими сифатӣ ва аҳамияти қори илмӣ буда, бо Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи забони давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон” (05.10.2009, № 553), “Барномаи рушди забони давлатӣ барои солҳои 2020-2030” (аз 28.11.2020, №647), “Барномаи рушди забони давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2012-2016” (аз 30.06.2012, 335), Қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи Қоидаҳои имлои забони тоҷикӣ ва Аломатҳои китобати забони тоҷикӣ” (аз 30.06.2021, №268) ва мавзӯҳои кафедраи таърихи забон ва типологияи Донишгоҳи миллии Тоҷикистон робитаи бевосита дорад. Дар кафедраи мазкур мавзуи “Таърихи афкори забоншиносии тоҷик” як самти таҳқиқи илмиро ташкил медиҳад. Ин мавзӯ чандин фаслу зерфаслхоро дар бар гирифта, бахшҳои алоҳидаи он дар курсу семинарҳои тахассусӣ хонда мешаванд.

ТАВСИФИ УМУМИИ ТАҲҚИҚ

Дар тавсифи мухтасар ва мураттаби таҳқиқот ҷанбаҳои асосии таҳқиқ муайян гардида, мақсади таҳқиқот бо фарогирии бозбинии рушди забоншиносии муосир, бо вазифагузории иҷроӣ қори илмӣ, муайян намудани объекти муҳимми таҳқиқот, мушаххассозии мавзуи баррасишаванда, ҷамъбастанҳои қори илмӣ дар марҳилаҳои гуногун ва давраи таҳқиқот, асосҳои илмӣ мавзӯ ва робитаи он бо назарияҳои мавҷуда, маҷмуи натиҷаҳо, хулосаҳо ва дастовардҳои нави илмӣ, ки дар давоми пешбурди фаъолияти илмӣ ба даст омадаанд, мавриди баррасии амиқ қарор гирифтаанд. Дар нуктаҳои ба ҳимоя пешниҳодшаванда хулосаҳои асосии илмӣ ва қомилан нава ба ҳимоя манзур гардидаанд. Ҷанбаҳои асосии аҳамияти назариявӣ, дараҷаи эътимоднокии натиҷаҳои диссертатсия, мутабақатии диссертатсия бо шиносномаи ихтисоси илмӣ, саҳми шахсии доктараби дараҷаи илмӣ, тасвиб ва амалисозии марҳилаҳои муҳимми раванди таҳқиқот, интишорот аз рӯи мавзуи диссертатсия, сохтор ва ҳаҷми он яке аз масъалаҳои муҳимме мебошад, ки дар таҳқиқоти илмӣ пурра мавриди қорбарӣ қарор гирифтааст.

Мақсади таҳқиқот. Ҳадафи таҳқиқ ин муайян кардани омилҳо ва марҳилаҳои асосии ташаккули забоншиносии навини тоҷик, махсусан, дар нимаи дуюми асри XIX ва то солҳои 70-уми асри XX мебошад. Қўшиш ба харҷ рафтааст, ки тамоми маводди дастрас шурӯ аз соли 1840-и асри XIX то солҳои 70-уми асри XX мавриди омузишу баррасӣ қарор дода шавад. Дар асоси маводди таҳқиқшаванда сайё намудем, ки ташаккули афкори забоншиносии навини тоҷик ва рушди он дар ҳар марҳила вобаста ба омилҳои таъсиргузор муайян ва натиҷагирӣ шавад.

Вазифаҳои таҳқиқот. Барои ноил шудан ба ҳадафҳои дар пеш гузошташуда ҳалли масъалаи вазифаҳои зерин пешбинӣ мегардад:

- таҳлили амиқи асосҳои назариявии забоншиносӣ ва мафҳуми афкори забоншиносӣ;
- муайян кардани марҳилаи ташаккули забоншиносии навини тоҷик;
- ошкор намудани заминаҳо, омилҳо ва ҳадафҳои ташаккули афкори забоншиносии навини тоҷик;
- омузиш ва таҳлили марҳилаҳои асосии ташаккули афкори забоншиносии навини тоҷик;
- мушаххас намудани марҳилаи якуми ташаккули забоншиносии навини тоҷик пас аз Инқилоби Октябр;
- баррасӣ ва таҳлили муҳофизатҳои илмӣ солҳои 20-30-юми асри XX, инчунин, арзёбии осори чехраҳои барҷаста, ки дар ин раванд, ғайриқонуноӣ иштирок намуданд;
- таҳқиқи марҳилаи дуҷуми омузиши забони тоҷикӣ ва нақши он дар рушди афкори забоншиносии тоҷик;
- нишон додани тафовути марҳилаи сеюми рушди афкори забоншиносии навини тоҷик, сатҳи муҳаққиқони забоншиносии тоҷик дар ташаккули афкори забоншиносӣ.

Объекти таҳқиқот. Объекти таҳқиқи рисолаи осори илмӣ-паҷуҳишии шарқшиносони русу тоҷик аз соли 1840 то Инқилоби Октябр ва осори илмӣ муҳаққиқони забоншинос роҷеъ ба масъалаҳои гуногуни ташаккули забоншиносии навини тоҷик баъд аз Инқилоби Октябр то замони бозсозӣ фаро мегирад.

Мавзӯ (предмет)-и таҳқиқ. Мавзӯи паҷуҳишро мабодиси марбут ба “Ташаккули забоншиносии навини тоҷик ва марҳилаҳои рушди он (солҳои 1840-уми асри XIX то замони бозсозӣ)” ташкил медиҳад.

Асосҳои назариявии таҳқиқот. Асосҳои назариявии таҳқиқоти мазкурро дастовардҳои донишмандони ватаниву бурунмарзӣ: Абуалӣ ибни Сино, Носири Хусрав, Насируддини Тусӣ, Шамси Қайси Розӣ, Маҳмуди Омулӣ, Атоуллоҳ Маҳмуди Хусайнӣ, Абдурахмони Ҷомӣ, Хоҷа Ҳасани Нисорӣ, Б. Ниёзмӯҳаммадов, Д. Тоҷиев, М. Қосимова, Ш. Рустамов, Д. Хоҷаев, Д. Саймуддинов, С. Ҳалимов, А. Ҳасанзода, Т. Ваҳҳобов, С. Назарзода, Ф. Шарифзода, М. Султон, С. Сабзаев, А. Юнусов ва муҳаққиқони хориҷӣ, аз қабили Аббос-Қулӣ Оғо Боқихонов, М. Терентев, Мирзо Джафар, К. Г. Зелеман, В. А. Жуковский, И. П. Наликвин, В. В. Григорев, В. В. Виноградов, Ф. М. Березин, Е. Э. Бертелс, А. Н. Болдирев, В. А. Звезгинцев, А. Н. Гвоздев, В. С. Росторгуева, В. А. Ефимов, П. Н. Хонларӣ, М. Баҳор ва дигарон ташкил медиҳанд.

Навгониҳои илмӣ таҳқиқ дар нуктаҳои зерин ифода меёбад:

- ташаккули забоншиносии навини тоҷик ва марҳилаҳои рушди он дар солҳои 1840 то замони бозсозӣ ба сурати яқлухту бунёди баррасӣ шудааст;
- манбаъ ва омилҳои ташаккули афкори забоншиносии навини тоҷик дар заминаи марҳилаҳои таърихӣ мавриди таҳқиқ қарор гирифтааст;
- аз нигоҳи замон ва муҳтаво марҳилаҳои ташаккул ва рушди афкори забоншиносии навини тоҷик ба ду давра: давраи то Инқилоби Октябр ва

давраи пас аз Инқилоби Октябр бо далелҳои фаровон тақсимбандӣ карда шудааст;

— марҳилаи дуюм, ки замони инкишофу ташаккули забоншиносии навини тоҷик маҳсуб меёбад, акнун баъзе насли калонсолу ҷавонони маҳаллӣ ба майдони забоншиносии тоҷик дохил мешаванд, ба сурати густурда бо фарогирии чехраҳои дар он нақшдошта баррасӣ гардидааст.

Нуктаҳои ба ҳимоя пешниҳодшаванда:

1. Марҳилабандии таърихиву рушди забони адабии муосири тоҷик, густариши демократикунонии забони адабӣ дар се марҳила (солҳои 20-30-юм; 40 ва 50-ум; солҳои 60, 70 ва 80-уми асри XX) мушаххас карда шуд.

2. Таҳқиқи таълифи китоби грамматикаи мухтасари “Грамматикаи забони форсӣ” (“Краткая грамматика персидского языка”-и Аббос-Қули Оғо Боқихонов, “Краткая грамматика персидского языка”-и Мирзо Ҷаъфар, “Краткая грамматика персидского языка”-и К. Г. Залеман ва В. А. Жуковский) дар инкишофи афкори забоншиносии навини тоҷик заминаи бозғатимод гузошта, тибқи манбаъ ва сарчашмаҳои бунёдӣ андешаи олимони Аббос-Қули Оғо Боқихонов, Мирзо Ҷаъфар, К. Г. Залеман, В. А. Жуковский ҷиҳати рушди афкори забоншиносии тоҷик заминаи мусоид фароҳам овард.

3. Саҳми равшанфикрони маҳаллӣ Мирзосайид Абдусалом, Муҳаммадрасул Расулӣ, Маҳмуд Хоча Бехбудӣ, Исмаилюлло Раҳматуллозода дар тарғиби илм ва низоми таълим ба забони модарӣ дастурҳои забони форсӣ дар ташаккули забоншиносии навини тоҷик нақши муҳим гузошт.

4. Мубоҳисаҳои солҳои 20-30-юми асри XX масоили мавриди баррасии Анҷумани нахустини забоншиносони Тоҷикистон (23-28-уми августи соли 1930) аз нигоҳи мавзӯи гурӯҳбандӣ шуда, феҳристи мукаммали бахшу қисматҳои илми забоншиносии тоҷик: Забони адабии тоҷик ва масоили илмиву амалии он, алифбои лотинӣ ва қабули он, имлониғории нави тоҷикӣ, истилоҳ ва истилоҳгузинӣ, сарфу наҳви забони тоҷикӣ, навишти китобҳои дарсӣ, саҳми матбуот дар рушди забоншиносӣ, забони гуфтугӯи тоҷикӣ муайян карда шуд.

5. Саҳми устод Айнӣ, А. Лоҳутӣ, Э. Бертелс, Т. Зехнӣ, С. Ализода, Р. Ҳошим, А. Фитрат, Бектош, А. Мунзим, Б. Азизӣ, Ҳ. Бақозода, Б. Ҳочизода, ба ташаккули забоншиносии навини тоҷик заминаи мусоид фароҳам овард.

6. Олимону адیبони маҳаллӣ ҷиҳати ташаккули забоншиносии навини тоҷик мавқеи хос дошта, дар мубоҳисаву мунозираҳои вобаста ба масъалаҳои меъёри забони адабӣ, ҳусни баён, истифодаи вожаҳои иқтибосӣ, истилоҳот, риояи қоидаҳои дастури забони адабӣ, калимасозиву ибораорӣ, ҷумлабандӣ, истифодаи дурусти муродифоти лугавиву наҳвӣ, хусусиятҳои услубии воҳидҳои забон, талаффузу имло ва аломатҳои китобат нақши муассир гузоштан.

7. Гузариш аз низоми ҳатти арабиасос ба алифбои лотинӣ ва баъдан ба алифбои сирилликӣ тоҷикӣ яке аз марҳилаҳои муҳимми рушди таърихӣ низоми ҳати забони тоҷикӣ маҳсуб меёбад. Бо истифода аз маводди таърихӣ ва забоншиносии тоҷик ин раванд дар заминаи тағйироти сиёсӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангии ҷомеаи шуравӣ сурат гирифта, ташаккул ва тақмили меъёрҳои забони адабии тоҷикӣ собит гардид.

8. Дастовардҳои муҳими муҳаққиқону забоншиносони тоҷик дар шакли дастуру китобҳои дарсии зинаҳои гуногуни таҳсилот, луғату фарҳангро, рисолаҳои илмӣ ҷамъбасти дар солҳои 70-уми асри XX китобат шуданд.

Аҳамияти назариявӣ ва амалии таҳқиқот. Аҳамияти назариявии таҳқиқ дар он зоҳир мешавад, ки бори нахуст ташаккули забоншиносии навини тоҷик ва марҳилаҳои рушди он дар заминаи маводди фаровони солҳои 1840 то замони бозсозӣ, ки он ба рушди минбаъдаи илми забоншиносӣ, тақмили асосҳои методологӣ ва амиқтар дарк намудани афкори забоншиносии навини тоҷик мусоидат мекунад, ҳамаҷаҳаф ва ба таври густурда таҳлилу баррасӣ шудааст.

Аҳамияти амалии таҳқиқ дар он аст, ки ҷараёни ташаккули забоншиносии навини тоҷик ва марҳилаҳои рушди он дар замони шуравӣ аз марҳилаи дуум (солҳои 1925-1926) то замони бозсозӣ муназзам дар асоси маводди фаровон муайян карда шудааст, ки он барои муқаммал гардидани ташаккули забоншиносии навини тоҷик ва марҳилаҳои рушди он дар замони Истиқлол ва таҳияи китобу дастурҳои таълимии зинаҳои гуногуни таълим, дастури ҷомеи забони тоҷикӣ ва хондани курс – семинарҳои тахассусӣ маводди фаровон дода метавонад. Инчунин, натиҷаву хулосаҳои диссертатсияро метавон дар таълифу тадвини дастурҳои таълимӣ, методӣ ва китобҳои дарсӣ доир ба ташаккули забоншиносии навини тоҷик истифода бурд. Он ҳамчунин ба донишҷӯён, магистрантону докторантон дар раванди таълифи рисолаҳои хатму магистрӣ ва доктор PhD мавриди истифода қарор хоҳад гирифт.

Мутобиқати диссертатсия ба шиносномаи ихтисоси илмӣ. Мавзуи таҳқиқоти диссертатсияи “Ташаккули забоншиносии навини тоҷик ва марҳилаҳои рушди он (солҳои 1840-уми асри XIX то замони бозсозӣ)” бо шиносномаи ихтисоси 6.2.2. Назарияи забон мувофиқат мекунад.

Саҳми шахсии довталаби дараҷаи илмӣ дар таҳқиқот пеш аз ҳама, дар ҷамъоварии маводди фаровон оид ба ташаккули забоншиносии навини тоҷик ва марҳилаҳои рушди он (солҳои 1840 то замони бозсозӣ)”, омузиши назарияҳои донишмандони муносири ватанӣ хориҷӣ дар робита ба мавзуи баҳс, таҳия намудани мақолаву маърузаҳо оид ба мавзуи таҳқиқ зоҳир мегардад. Инчунин, интиҳоб ва бандубасти илмӣ мавзӯ дар мувофиқа бо мушоҳири илмӣ сурат гирифта, саҳми довталаб дар муайян намудани ҳадафҳои асосӣ, коркарди мавод, таҳлилу баррасӣ ва хулосабарориҳои илмӣ мавзуи интиҳобшуда зоҳир мегардад.

Таҳқиқот дар илми забоншиносии тоҷик пажӯҳиши нав ва муқаммал махсус меёбад. Дар рафти таҳқиқ муаллифи рисола ба ҳалли масъалаҳои муҳими дар пеш гузошташуда, аз ҷумла, таҳқиқи муқаммалӣ таърихи афкори забоншиносии навини тоҷик дар асоси маводди фаровон аз соли 1840-уми асри XIX то замони бозсозии асри XX муваффақ шудааст.

Тасвир ва амалисозӣ. Диссертатсия дар ҷаласаи васеи кафедраҳои таърихи забон ва типология, забони адабии муносири тоҷикӣ, забони тоҷикӣ ва усули таълими забон ва адабиёти тоҷики Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, бо иштироки мутахассисон аз Институти забон ва адабиёти ба номи Абуабдуллоҳи Рӯдакии Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон ва Донишгоҳи давлатии

омузгории Тоҷикистон ба номи Садриддин Айни (суратчаласаи №11, аз 08.05.2026) баррасӣ ва муҳокима гардида, ба ҳимоя тавсия карда шудааст.

Интишорот аз рӯи мавзӯи диссертатсия. Хулосаи асосии диссертатсия дар 24 мақолаи илмӣ, аз ҷумла, 18 мақола дар маҷаллаҳои илмӣ тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, 5 мақола дар маҷмуаҳои илмӣ конференсияҳои илмӣ-назариявӣ ва дар маҷмуаҳои гуногуни илмӣ ба нашр расидааст.

Соҳтор ва ҳаҷми диссертатсия. Диссертатсия аз муқаддима, 5 боб, хулоса, тавсияҳо оид ба истифодаи натиҷаҳои амалии таҳқиқ ва рӯйхати адабиёти истифодашуда иборат аст. Ҳаҷми умумии диссертатсия 360 саҳифаи чопи компютери ташкил медиҳад.

ҚИСМҲОИ АСОСИИ ТАҲҚИҚ

Дар муқаддимаи диссертатсия перомуни мубрами ва зарурати мавзӯи таҳқиқ, дараҷаи таҳқиқи мавзӯ, робитаи таҳқиқ бо барномаҳо ва мавзӯҳои илмӣ, мақсад, вазифаҳо, объект, предмет, асосҳои назарӣ, асосҳои методологӣ, сарчашмаҳо, навгонии илмӣ таҳқиқот, нуктаҳои ба ҳимоя пешниҳодшаванда, аҳамияти назариявӣ амалии таҳқиқот, мутабоқати мавзӯи диссертатсия бо шиносномаи ихтисоси илмӣ, саҳми шахсии довталаби дараҷаи илмӣ дар таҳқиқот, тасвиби амалии натиҷаҳои таҳқиқот, наشري таълифоти илмӣ дар мавзӯи диссертатсия, соҳтор ва ҳаҷми диссертатсия маълумот дода шудааст.

Боби якуми диссертатсия **“Ташаккули забоншиносии навини тоҷик дар нимаи дууми асри XIX”** фарогири панҷ фасл буда, дар он таҳқиқоте, ки аз ҷониби донишмандон оид ба вазъи афкори забоншиносии навини тоҷик дар нимаи дууми асри XIX сурат гирифтааст, маълумот дода шудааст.

Афкори забоншиносии классикии тоҷик собиқаи тулоии таърихӣ дошта бошад ҳам, дар ташаккули марҳилаи ибтидоии забоншиносии навини тоҷик, ки давраи муайяни таърихро то Инқилоби Октябр дарбар мегирад, ба таври мустақим мавриди таҳқиқи алоҳида қарор нагирифтааст. Аз ин рӯ, манбаъ ва омилҳои шаклгирии афкори забоншиносии навини тоҷик дар нимаи дууми асри XIX дар заминаи таъсири мутақобилаи шароитҳои таърихӣ иҷтимоӣ ва фарҳангӣ ташаккул ёфтаанд.

Яке аз омилҳои муҳим, ки ба ташаккули афкори забоншиносии навини тоҷик мусоидат намуд, таълифи “Грамматикаи забони форсӣ” мебошад, ки дар он шарҳи муфассал ва таҳлили амиқи донишмандони мухталиф оид ба қоидаҳои муштараки забони тоҷикӣ ва форсии муосир оварда шудааст. Аз ҷумла, “Краткая грамматика персидского языка” [13]-и Аббос-Қули Оғо Бокихонов (Тифлис, 1841); “Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская” [69]-и Михаил Терентев (Санкт-Петербург, (1875); “Краткая грамматика персидского языка” [45] (Қазон, 1884.-и Мирзо Ҷаъфар; “Краткая грамматика новоперсидского языка” [28]-и К. Г. Залеман, В. А. Жуковский (1890) аз зумраи онҳост.

Дуруст аст, ки таваҷҷуҳи ҳукумати подшоҳии Русия ба омузиши забонҳои форсӣ, туркӣ ва тоҷикӣ таърихи боз ҳам қадимтар дорад. Мувофиқи

маълумоти манбаъҳо аввалин бор омузиши забони зиндаи форсӣ дар Русия ба нимаи якуми асри XVIII рост меояд. Пётри I ҳануз соли 1716 панҷ нафар донишомузро барои омӯхтани забонҳои форсӣ ба Эрон мефиристонад. Афкори забоншиносии ин давра, асосан, масоили таҳқиқи шеваҳои маҳалиро дар бар мегирад. Ҳама манбаъҳои, ки ба таърихи омузиши забони тоҷикӣ ишора менамоянд, тасдиқ мекунад, ки омузиши забони тоҷикӣ аз шеваҳои шуруӣ шуда, он ба номи профессори Донишгоҳи Қазон В. В. Григорев рафт дорад ва ба нимаи дууми асри XIX рост меояд. Чунончи дар манбаъҳои зикр мекунанд, В. В. Григорев аз Мирзо Шамси Бухорӣ хоҳиш менамояд, ки ёддоштҳои худро дар бораи баъзе ҳодисаҳои муҳими Бухоро, Қуқанд ва Қашғар бинависад. В. В. Григорев дар асоси ёддоштҳои Мирзо Шамси Бухорӣ соли 1861 очерки грамматикӣ “Обозрение диалектических отличий употребительного у бухарских таджиков персидского языка” [20] (“Мушоҳидаҳои онд ба хусусиятҳои фарқкунандаи шеваи тоҷикони Бухоро аз забони форсӣ”) хулосаҳоиашро ҷамъбаст намудааст. Ин ёддошт ҳамчун заминаи назариявӣ барои илми шевашиносии тоҷик минбаъд дар шакл гирифтани забоншиносии навини тоҷик замина фароҳам овардааст.

Соли 1898 шарҳиносии рус А. А. Семёнов дар ҳаёти “Ҷамъияти дӯстдорони табиатшиносӣ” ба Осӣи Миёна омада, дар Бухоро, сарғаҳи Зарафшон, Қаротегин, Дарвоз ва дигар ҷойҳои таҳқиқи шеваҳои тоҷикон машғул шуда, маводди фаровон пайдо мекунад. Дар асари А. А. Семёнов “Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии” (“Материалҳои барои омузиши шеваи тоҷикони қӯҳистони Осӣи Марказӣ”) шеваи тоҷикони қӯҳистон бо забони форсӣ он давра дар қиёс омӯхта шудааст.

Соли 1900 дар Самарқанд китобро В. П. Наливкин бо унвони “Руководство к практическому изучению персидского языка” (“Дастуре онд ба амалан омӯхтани забони форсӣ”) ба таъби мерасонад. Дар ин асар муҳаққиқ бештар ба ҷиҳатҳои ба тарзи амалӣ аз бар кардани забони тоҷикӣ, аз ҷумла, забони гуфтугӯи эътибор медиҳад.

Хулоса, то Инқилоби Октябр муҳаққиқони эроншиносии Русияи подшоҳӣ, аз як тараф, ба урфу одатҳои мардуми тоҷик, фарҳанг ва рӯзгори онҳо аз наздик шинос мешаванд, аз ҷониби дигар, барои роҳро васеътар кушодан ба ин сарзамин баъзе дастурҳои роҳнамо аз забони ин мардум менависанд ва шеваҳои тоҷикиро ба таҳқиқ мегиранд.

Фасли якуми боби якуми диссертатсия **“Ташаккули забоншиносии навини тоҷик то Инқилоби Октябр”** унвон дорад.

Таърихи ташаккули забоншиносии навини тоҷик, ҳарчанд дар замони шуравӣ, аниқтараш, солҳои 20-30-юми асри XX шакл гирифта бошад ҳам, шуруи он ба нимаи дууми асри XIX тааллуқ дорад. Аммо дар Русия-чи дар марказҳои калонтарини он мисли Санкт-Петербургу Москва ва ҷи шаҳрҳои дигари музофотҳои мисли Қазону Харков таълими забони форсӣ ба роҳ монда шуда, ҳануз аз ибтидои асри XIX ҳамзамон дастурҳои роҳнамо ва китобҳои дарсӣ ба нашр мерасанд. Албатта, дар ин давра забоншиносии рус низ ҳамчун илми мустақил шинохта шуда, то ҷое шакл гирифта буд, ки дар ин бобат хизмати асосгузори намоёндогани мактабҳои забоншиносии Санкт-Петербург, Москва ва Қазон хеле калон аст. Пайдошавию устувор гардидани ин мактабҳои

забоншиносӣ дар Русия аз як тараф, сабаби бо суръати баланд пеш рафтани илми забоншиносии рус гардида бошад, аз сӯйи дигар, барои ташаккули забоншиносии навини дигар халқу миллатҳои собиқ шуравӣ замина гардид. Ин масъала то ҳаде дар як мақолаи забоншинос профессор Ф. Х. Шарифова “Составление персидских грамматик в XIX веке в России” [89] (Таҳияи дастурҳои забони форсӣ дар Русия дар асри XIX) таҳқиқ шудааст ва муаллиф дар бораи аввалин дастурҳои забони форсӣ дар сарзамини Русия ва минтақаҳои дар зери тасарруфи он буда таълиф гардида, таъсири онҳо ба грамматикаҳои асри XX сухан рондааст: “Дар макотиби олии Русия, – мегӯяд Ф. Х. Шарифова, талабот ба китобҳои таълимии забони форсӣ баробари тадريسӣ фанни “забон ва адабиёти форсӣ” дар асри XIX ба миён меояд” [89, с. 14].

Ҳадафи асосии мо низ нишон додани таъсири ин грамматикаҳо ба дастурҳоро китобҳои дарсии мактабҳои миёнаву олӣ аз фанни забони тоҷикӣ ва дар заминаи онҳо ташаккули забоншиносии навини тоҷик аст.

Дар ин замина китобҳои дарсӣ ва дастурҳои таълимӣ таҳия шудаанд, ки ба қалами эроншиносон Аббос-Қулӣ Оғо Боқихонов (1841), И. Н. Берёзин (1853), К. Г. Залеман, В. А. Жуковский (1890) ва Мирзо Ҷаъфар (1884) тааллуқ доранд.

Аз зумраи китобҳои форсӣ дастурҳои таълимии фанни забони форсӣ, ки дар шарҳи мавзӯҳои савтиёт, луғат, сарфу нахви форсӣ тоҷикӣ умумият ҳафт, тасмим гирифтм, оид ба сохтор, муҳтаво ва арзиши забоншиносии се асар: “Краткая грамматика персидского языка”-и Аббос-Қулӣ Оғо Боқихонов (1841), “Краткая грамматика персидского языка”-и Мирзо Ҷаъфар (1884) ва “Краткая грамматика новоперсидского языка с приложением метрики и библиографии”-и К. Т. Залеман, В. А. Жуковский (1890) маълумот диҳем, зеро осори мазкур ба таълифи китобҳои дарсии забони тоҷикӣ дар солҳои баъдӣ ва асарҳои илмӣ дар боби грамматикаи забони тоҷикӣ ва умуман, афкори забоншиносии навини тоҷик таъсири зиёд расонидаанд.

Нахустин грамматикаи забони форсӣ дар Русия “Краткая грамматика персидского языка” Аббос-Қулӣ Оғо Боқихонов мебошад. Ин асарро муаллиф соли 1841 ба забони русӣ дар Тифлис ба нашр расонидааст. Грамматикаи форсӣ мазкур аз маҷмуи қоидаҳои ҷамъовардае иборат аст, ки барои фаҳмидану шинохтани забони форсӣ чун роҳнамо хизмат мекунад. Грамматикаи мазкур аз се қисм таркиб ёфтааст: қисми якум дар бораи ҳарфҳо, қисми дуюм дар бораи калимаҳо, қисми сеюм дар бораи мазмуни калимаву ифодаҳое, ки дар таркиби ҷумла ё нутқ меоянд.

Мо ин низоми таснифи овозҳои ҳамсафи забони тоҷикиро дар осори илмӣ марбут бо забоншиносии Абуалӣ ибни Сино, Носири Хусрав, Насируддини Тусӣ, Ҳоҷа Ҳасани Нисорӣ ва фарҳангҳои тафсирии тоҷикӣ низ дида метавонем.

Фасли дуюми қисми якум ба ҳодисаи васлшавии ҳарфҳо дар забони форсӣ бахшида шуда, муаллиф мавридҳо ва усулҳои васлшавӣ ва ҷудонависиҳои ҳарфҳоро як-як нишон додааст ва тағйири шакл кардани онҳоро навишта калимаҳоро шахр додааст.

Дар фасли сеюми қисми сеюм дар бораи ҳаракатҳо дар навишт маълумот дода шудааст. Ин ҳаракатҳо дар навишти калимаҳо ва талаффузу хондани ҳар як калима нақши бисёр муҳим доранд.

Муаллиф ба сурати мушаххас оид ба аломатҳои ҳаракат ғатҳа, қасра, замма, ки инҳоро ҳаракати сегона мегуянд ва аломатҳои “танвин”, “ташдид”, “мадда”, “сокин” ва “ҳамза”-ро бо мисолҳо шарҳу тавзеҳ додааст. Ин ҳаракатҳо барои бегалат хондани вожаҳо ва умуман, матн ёрии калон мерасонанд.

Қисми дуюми дастури мазкур ба баррасии хусусиятҳои тағйири сохтори калимаҳо дар забони форсии тоҷикӣ бахшида шуда, аз ду фасл иборат аст:

Фасли якум – дар бораи калимаҳои забони форсӣ ном дошта, оид ба гурӯҳбандии ҳиссаҳои гуфтор (нутқ) маълумот дода шудааст. Муаллиф таъкид кардааст, ки калимаҳо дар забони форсӣ мувофиқи низомии дастури забони арабӣ ба се даста: исм, феъл ва ҳарф ҷудо карда мешавад, ки онҳо иборатанд аз:

1. Дар бораи ном (исм). Ном ҳиссаи нутқест, ки ба се замон: ҳозира, гузашта ва оянда вобаста набуда, худ ба худаш ин ё он мафҳумро мефаҳмонад. Вобаста ба хусусияти худ дар забони форсӣ ном ду ҳел мешавад: ҳақиқӣ ва маҷозӣ. Номи ҳақиқӣ ё ном (хос ё чинс) ё сифат ва ё шумора мешавад. Сипас оид ба исми танҳову ҷамъ, исми сифат, исми шумора, исми занон, исми феъл маълумот медиҳад.

2. Дар бораи феъл. Феъл ҳиссаи нутқест, ки дар яке аз се замон: ҳозира, гузашта ва оянда ягон ҳаракату амали ном ё ҳолати онро мефаҳмонад. Яъне, феъл таъкид кардааст муаллиф, аз шакли номуайяний ном пайдо шуда, ду ҳолат дорад: феъли мозӣ – замони гузашта ва феъли музореъ – замони ҳозира - оянда бо анҷоми яхела. Феъли замони гузашта амалеро мефаҳмонад, ки гузаштааст ва аз шакли номуайяний бо анҷоми чун: “-дан” ё “-тан” таркиб ёфтааст.

Хулоса, “Краткая грамматика персидского языка”-и Аббос-Қули Оғо Боқихонов дар таърихи афкори забоншиносии тоҷику форс ва омузиши забони тоҷику форс нақши муҳим бозида, дар заминаи он чандин грамматикаҳои дигар навишта шудаанд.

Дигар грамматикае, ки дар Русия барои омузиш ва таълими забони форсии тоҷикӣ таълиф шудааст, “Краткая грамматика персидского языка”-и Мирзо Ҷаъфар мебошад, ки соли 1884 бори аввал дар Қазон дар нашриёти Университети императорӣ нашр мешавад ва бори дуюм бо ҳаммуаллифии Ф. Е. Корш соли 1901 ҷоп мегардад. Ин грамматика дар таълим ва омузиши забони форсӣ дар Русия нақши калон гузоштааст.

“Краткая грамматика персидского языка”-и Мирзо Ҷаъфар аз муқаддимаи мухтасар, фасли алифбои форсӣ, аломатҳои ҳаракат, талаффузи овозҳо, мисолҳо барои хондани матн бо транскрипсияи русӣ шуруъ шуда, пас аз он қисмати асосӣ оғоз мегардад.

Масалан як ғазали Ҳофизӣ Шерозиро бо транскрипсияи ин тавр овардааст:

اگر آن ترک شیرازیست از دل مارا،
”بخال هندیوش بخشم سمرقند و بخارارا.” [83, с. 10].

Агар он турки ширази бедаст орад деле мара,
Беҳале ҳендуйаш бахшам Самарганд-о- Боҳара.

Дар бахши “Оғози сарфу нахв”-и Мирзо Чаъфар оид ба чинсият дар забони форсӣ сухан рондааст. Муаллиф дуруст казват кардааст, ки дар забони форсӣ ягон анчома ё нишонаи фарқкунандаи чинсият дар ҳиссаҳои нутқ нест, яъне дар калимаҳо ҳоҳ ба мард нисбат дода шавад, ҳоҳ ба зан тағйирот рӯй намедихад, мисол: Ин мард гуфт. Ин зан гуфт. Ин кӯдак мегуяд.

Барои фарқи чинсияти шайъи ҷондор дар нисбати мард калимаи “нар” ва дар нисбати зан калимаи “мода” истифода мешавад. Барои нишон додани муносибати исму сифат ва ташкили ибораву ифодаҳои изофӣ ба исм ҳарфи “и” васл мегардад: китоби хуб.

Ҳамин қоида айнан ҳангоми муносибати ҷонишин бо исм ва ду исм байни ҳамдигар низ риоя мешавад, чунончи: бародари ман, қалами шогирд, аспҳои шумо, бӯи гул, садои булбул...

Пас аз чунин як тавзеҳи мухтасар оид ба изофат ба шарҳи хусусиятҳои исм шуруъ карда мешавад. Нахуст шуруъ аз исми зот карда мешавад. Муаллиф ҳолатҳои падежи русиро дар забони форсӣ адо кардани бандҳои изофӣ ва пешоянду пасояндҳоро нишон додааст.

Дар грамматикаи мазкур оид ба ҷонишинҳо дар забони дари тоҷикӣ маълумоти шарҳи зарурӣ дода, таъкид кардааст, ки дар забони форсӣ чунин хели ҷонишинҳо (исми масдар) мустаъмаланд:

1. Ҷонишинҳои шахсӣ: ман, ту, ӯ, он, вай, мо, шумо, эшон, онҳо
2. Ҷонишинҳои соҳибӣ: -ам ашон, атон.
3. Ҷонишинҳои ишоратӣ: ин, он, инҳо, онҳо, ҳамин, ҳамон, ҳамчунин, ҳамчунон, ончунон, чандин, чандон, ин қадар, он қадар.
4. Ҷонишинҳои нафсӣ-таъкидӣ: худ (худам, худӣ ман, ман худам).
5. Ҷонишинҳои муайяний: ҳама, тамои, ишон, ҳама кас.
6. Ҷонишинҳои саволий: кай?, кӣ?, чӣ?, чӣ гуна?, чӣ тавр?, чӣ қадар?, қадом?.

7. Ҷонишинҳои номуайяний: касе, яке чизе, баъзе.

8. Ҷонишинҳои инкорӣ: ҳеч, ҳеч чиз, ҳеч кас.

Бахши дигари грамматика ба шарҳу тавзеҳи феъл бахшида шудааст. “Дар забони форсӣ феълҳо, – таъкид кардааст муаллифи грамматика, – ду хел мешаванд: феълҳои дуруст ва нодуруст. Феълҳои дуруст феъле ҳастанд, ки ҳамаи шаклҳои замони онҳо аз асоси феъл ташкил меёбад. Феълҳои нодуруст феълҳоеанд, ки шаклҳои замони ҳозира, оянда ва амр аз асоси феъл, дигар шаклҳо аз шакли тасрифнашаванда сохта мешаванд, чунончи: “хон” аз масдари “хондан” [45, с.28].

Дар хотимаи китоб муаллиф якҷанд ҳикоя ва порчаҳои матнӣ оварда, луғати онҳоро шарҳ додааст, ки барои кироат ва азбар кардани луғатҳо аҳамияти калон дорад.

Хулоса, китоби “Краткая грамматика персидского языка”-и Мирзо Чаъфар дар омӯхтани забони форсӣ ва тоҷикӣ ва таълифи грамматикаҳои баъдӣ нақши калон бозидааст.

Дигар грамматикаи форсӣ-тоҷикие, ки дар замони Русияи подшоҳӣ навишта шудааст, “Краткая грамматика персидского языка”-и К. Г. Залеман ва В. А. Жуковский мебошад.

Муаллифон дар бораи зарурати таълифи ин грамматика ва талабот ба он сухан рондаанд ва таъкид кардаанд, ки ба чунин китоб аҳолии Осиёи Миёна эҳтиёҷоти зиёд доранд.

Соҳтор ва мундариҷаи қисмати асосии ин грамматика ба “Краткая грамматика персидского языка”-и Мирзо Ҷаъфар монанд буда, “Краткая грамматика новоперсидского языка”-и К. Г. Залеман ва В. А. Жуковский аз се боб ва замима иборат мебошад.

Боби якуми ин грамматика “Учение о писем и звуках” ном дошта, дар бораи алфавит, аломати қироат, ҳайати овоз, талаффуз, садонокҳо, ҳамсадоҳо, қоидаҳои овозҳо, просодика ва зада маълумот дода шудааст. Бояд гуфт, ки дар боби якуми ин грамматика соҳтори фонетикии забони форсӣ ва тоҷикӣ бисёр нозукона таҳлил шудааст.

Боби дуюми ин грамматика “Учение о формах” (таълимот дар бораи шакл) унвон дорад. Дар ин боб муаллифон нахуст дар бораи исм маълумот дода, дар забони форсии нав аз байн рафтани ҷинсияти грамматикиро таъкид карда, қайд менамоянд, ки барои ифодаи ҷинсияти табиӣ калимаҳои тамоман фарқкунанда ба қор бурда мешаванд, масалан, мурғи наринаро “хурус” мегуянд ва мурғи модинаро “мокиён” ё ин ки гови модинаро “модагов” ва гови нарро “буқа” ва “барзагов” мегуянд. Барои фарқияти ҷинсияти одамон калимаҳои алоҳидаи “мард” ва “зан” ҳаст, ҷунончи: мардак, занак, ҷавонмард, ҷавонзан, пирамард, пиразан ва ғ.

Дигар мақолаи В. В. Григореев “Обозрение диалектических отличий употребительного у бухарских таджиков персидского языка” (“Мушоҳидаҳо оид ба хусусиятҳои фарқкунандаи шеваи тоҷикони Бухоро аз забони форсӣ”) мебошад, ки барои шакл гирифтани забоншиносии навини тоҷик пойдевор гардидааст,

Мақолаи П. Е. Кузнетсов ба номи “Сравнительный грамматический очерк таджикского и сартовского наречий” (“Муқоисаи грамматикӣ шеваи тоҷикӣ ва сартҳо”) [39] соли 1915 нашр мегардад. Муаллиф шеваҳои тоҷикиро ба ду гурӯҳ ҷудо кардааст: гурӯҳи якум шеваи тоҷикони болооби Амударё, ки ба он Қаротегин, Дарвоз, Рушон, Шугнон дохил шуда, ба гурӯҳи дуюм шеваи тоҷикони водӣ: Фарғона ва уезди Тошканд дохил мешаванд.

Муаллиф дар очерки мазкур бори нахуст дар таърихи забоншиносии навини тоҷикӣ дар асоси маводди шеваи тоҷикӣ ва сартҳои уезди Тошканд методи муқоисавӣ-типологиюро ҷорӣ намуд..

Марҳилаи дигари омузиши шеваҳои забони тоҷикӣ ва дар ин замина ташаккули афкори забоншиносии навини тоҷик ташкили экспедитсияи Ҷамъияти дӯстдорони зебӣ дар Осиёи Миёна (1889) бо мақсади таҳқиқу омузиши шеваҳои тоҷикони Дарвоз, Қаротегин, Зарафшон мебошад. Солҳои 1900-1901 натиҷаҳои ин экспедитсияро А. А. Семенов бо номи “Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии” [66] нашр менамояд. Пас аз таълифоти А. А. Семенов ду асари дигар: яке асари В. П. Наливкин бо номи “Руководство к практичному изучению персидского языка” (Самарканд 1900), дигар асари П. Е. Кузнетсов бо номи “О таджиках Ташкентского уезда” (1900) ҷоп мешавад.

Ин маводҳо дар таҳқику пажуҳишҳои илмӣ олимони тоҷик чун сарчашмаи илмӣ аз аҳамият ҳолӣ нестанд.

Ҳамин тавр, асару мақолаҳои ин олимони роҷеъ ба масоили назариявӣ, сарфу наҳв, лексика, фонетика, таърих, луғати шеваҳо дар шакли асари тадқиқотӣ, монография, луғатнома, фишурдаи рисолаҳои номзади докторӣ, маъруза чоп шудаанд, мавриди баҳрабардории аҳли илми кишвар қарор дорад.

“Ҳаракати маорифпарварӣ ва таъсири он ба афкори забоншиносии навини тоҷик” фасли дуҷуми боби аввал мебошад.

Дар охири асри XIX бо таъсири ҳаракати маорифпарварӣ ва ислохҳои дар соҳаи таълим дар ташаккули забоншиносии тоҷик, алалхусус, низомии дастури забони тоҷикӣ низ тағйирот ба амал омада, китобу дастурҳои таълими аз забони тоҷикӣ пайдо мешаванд.

Ба назари мо, нахустин иқдом дар ин ҷода аз тарафи донишманди шаҳри ҳиндустонӣ Вочидалии Мучмалӣ гузошта шудааст. Барои адои ин матлаб Вочидалии Мучмалӣ китоби бисёр арзишманде бо номи “Матлаъ-ул-улум ва мачмаъ-ул-фунун” [19]-ро таълиф менамояд, ки дар рушди донишҳои дастури забони форсии тоҷикӣ ва таълими босамари асосҳои дастури забон нақши муҳим гузоштааст.

Вай мушоҳидаю андешаояшро дар ин бобат чунин баён кардааст: “...Ноғоҳ аз фазои он бедорфайз ба хотирам гузашт, ки чун дастури таълимии мубтадиъ, ки ба дабистонҳои форсӣ мустамир аст, рӯ ба қамоли забунӣ дорад, яъне мутааллимони солҳои дароз ба ҳондани баъзе аз иншоҳо ва кутуби қасиси ишқомез ва ғайра, ки мубтадиъро аз он ихтироз мебояд, умри азиз талаф ва ройгон мекунад ва дар ҳақиқат аз саводи улум бебаҳрае бошанд. Агар ҷиҳати рафъи ин ҳаробиҳои таълимии мубтадиъ ва таҳсилу осонии толибон ва шоикон нусхае тартиб бояд, ки онро ду дафтар бошанд: ба дафтари аввал ҳулосаи улум ва ба дафтари дувум баъни фунун ба ҳолати таҳрир дарояд, мутааллимонро ба андак фурсат ва замонаи қалил бар ҳақоқиқ ҷузъияи ҷомеи улум ва фунун ба тариқи иҷмол хибрат ва огоҳӣ метавонад шуд” [19, с. 437].

Ақсар кайду тавзеҳоти Вочидалии Мучмалӣ оид ба илми забоншиносӣ, хусусан, асосҳои дастури забони форсии тоҷикӣ дар “Эҳсоъ-ул-улум”-и Абунасири Форобӣ, “Донишнома”-и Абуалӣ Сино, “Ҷомеъ-ул-ҳикматайн”-и Носири Хусрав, “Асос-ул-иктибос”-у “Меъёр-ул-ашъор”-и Насируддини Тусӣ, “Алмуъҷам”-и Шамси Қайси Розӣ, “Нафоис-уф-фунун фӣ ароис-ул-уюн”-и Маҳмуди Омулӣ, “Бадоеъ-ус-саноеъ”-и Атоулло Ҳусайнӣ, “Ҷавоиди Зиёия”-и Абдурраҳмони Ҷомӣ, “Ҷаҳор гулзор”-и Хоҷа Ҳасани Нисорӣ, фарҳангномаҳои тафсирии гуногун ба ҷашм мерасанд. Тафовут дар ин аст, ки тавзеҳоти Вочидалии Мучмалӣ содаю мушаххас буда, мантиқан идомаи афкори донишмандони гузаштаи тоҷик аст.

Нуқтаи дуюм ин аст, ки боби якум ва нӯҳуми китоби “Матлаъ-ул-ум ва мачмаъ-ул-фунун” бевосита ба шарҳу баъни масоили забоншиносӣ, махсусан, асосҳои дастури забони форсии тоҷикӣ бахшида шудаанд.

Нуқтаи сеюм ин аст, ки аз нигоҳи илми забоншиносии муосир бисёр мавзӯоте, ки муаллиф дар бахши илми наҳв шарҳ додааст, ба бахши илми сарф (морфология) мансубанд. Ин гувоҳи он аст, ки Вочидалии Мучмалӣ ба афкори

забоншиносии асримиёнагии донишмандони форсу тоҷик бештар таъя кардааст. Дар низоми улуми филологии асримиёнагии форсу тоҷик ба низоми дастури забони арабӣ таъя мекарданд. Масалан, фасли дуоми боби нухуми “Матлаъ-ул-улум ва маҷмаъ-ул-фунун”, “Дар баёни қавоиди наҳви форсӣ” ном дошта, бо шарҳи гурӯҳбандии калимаҳо ба ҳиссаҳои нутқ шуруъ мешавад, ки аз нигоҳи забоншиносии муосир ин мавзӯи баҳси илми сарф (морфология) аст. Чунончи “Бидон, ки калимоти форсӣ ба се қисм аст: исму феълӣ ҳарф. Исм он аст, ки маънии мустақил дорад ва замон аз ӯ мафҳум нашавад, чун аспу филу гову ҳар ало ҳазал қиёс ва осмон, ҷамеи махлуқот, малонк, қавоқиб, буруҷ, наботот, ҷамодот, меваҷот. Ва феъл он аст, ки ба маънии он яке аз минҳаи салоса, ки мозӣ ва мустақбал ва ҳол аст, мафҳум шавад, чун “гуфт” – феъли мозӣ ва “ҳоҳад гуфт” – феъли мустақбал ва “мегуяд” – феъли ҳол. Ва ҳарф он аст, ки на маънии мустақил дорад ва на замон аз ӯ мафҳум шавад ва бе шумули лафзи дигар ғоидаи маънӣ надиҳад, чун “вов”-и атф ва “ё”-и ваҳдат ва ғайра” [19, 437].

Вочидалии Мучмалӣ дар низоми таълими мадрасаҳо омӯхтани донишмандони муҳимтарин мавзӯоти асосҳои дастури забони форсии тоҷикиро, аз ҷумла, категорияҳои грамматикӣ, вожаҳои, ибораҳои ҷумлабандиро зарур меонад.

Дар нимаи дуоми асри XIX дар Осиёи Миёна ҳаракати маорифпарварӣ пайдо гашт, ки намоёндоганашон, пеш аз ҳама, ба ислоҳоти соҳаи таълим пардохтанд. Пас аз он ки Осиёи Миёна пурра ба Русия ҳамаҷо гардид, бо таъсири афкори маданияти рус ва ҷараёни маорифпарварӣ мактабҳои намуни русӣ-тоҷикӣ (бумӣ) ва мактабҳои усули нав пайдо шуданд. Дар ҳамаҷониби шуури мардуми тоҷик дигаргунӣ ба вуҷуд омад, дар соҳаи ба забони тоҷикӣ ба роҳ мондани таълим ва пайдо шудани назару афкори нави забоншиноӣ замина ба вуҷуд меояд.

Фасли сеюми боби нахуст **“Китобҳои дарсии мактабҳои усули нав ва инъикоси афкори забоншиносии нави тоҷик дар онҳо”** ном ноҳад.

Дар низоми таълими мадрасаҳои Осиёи Миёна омӯзиши грамматика маҷмӯи асосӣ дошт. Танҳо иллат ин буд, ки он, асосан, фарогири асосҳои дастури забони арабӣ буд.

1. “Бидон”. Дар ин китоб сарфу наҳви арабӣ ва забони форсии тоҷикӣ ба таври сода шарҳ дода шудааст.

2. “Аввали илм”. Дар ин китоб зарурияти динӣ ба тарзи саволу ҷавоб оварда шудааст.

3. “Муӣзӣ”. Ин китоб оид ба тасрифи феълҳои забони арабӣ, таъири калимот баҳс мекунад.

4. “Авомил”. Дар ин китоб дар бораи омилҳои баҳс меравад, ки онҳо аз ду баҳш иборатанд: яке лафзӣ, дигаре маънаӣ. Ин омилҳо дар маҷмӯи 100-тоанд. Ин китоб ҳам дар наҳви арабӣ аст.

5. “Қофия”. Ин китоб дар сарфу наҳви арабӣ аст. Номи пурраи ин китоб “Алқофия фи ал-наҳв” буда, муаллифи он донишманди араб Ибн-ал-Ҳоҷиб мебошад.

6. “Шарҳи Мулло”. Ин асари мутафаккири асри XV Абдуллоҳи Ҷомӣ буда, номи аслиаш “Ҷавоиди Зиёи” мебошад.

7. “Шамсия”. Ин асар оид ба илми мантиқ баҳс мекунад.

Тавре ки мебинем, дар низоми таълими мадраса мавқеи грамматика (сарфу нахв) хеле муҳимму густурда будааст.

Барномаи таълимии дарсҳои мадрасаҳои Осиёи Миёна нишон медиҳад, ки нисбат ба дигар фанҳо мақоми илмҳои филологӣ, алалхусус улуми лисонӣ, хеле калон аст. Дар чараёни таълими аксар илмҳои дигар низ ба масъалаҳои забон ва забоншиносӣ бевосита ё бавосита дахл карда мешавад.

Масалан, дар зинаҳои минбаъдаи таълим чунин китобҳо ё фанҳо омукта мешавад, ки ба илми забоншиносӣ, алалхусус, калом, иртибот доранд:

1. “Аҳаммияти Кутбӣ”. Ин китоб шарҳи китоби “Шамсия” буда, масъалаҳои мантику каломро дар бар мегирад.

2. “Ақоиди Насафӣ”. Ин китобест, ки ба илми калом бахшида шудааст ва таълифи Алломаи Тафтазонӣ мебошад.

3. “Таҳзиб”. Ин аср доир ба илми мантиқ ва калом аст.

4. “Ҳикмат-ул-айн”. Асарест оид ба ҳикмати табиӣ ва илоҳӣ.

5. “Мулло Чалол”. Ин асарест доир ба илми калом.

Дар воқеъ, забони форсии тоҷикӣ дар паҳлуи забони арабӣ дар чараёни таълими мадрасаҳо мақоми муҳим дошт ва дар ин замина афкори забоншиносии тоҷикӣ низ рушду инкишоф меёфт.

Ҳамин тариқ, дар мавқеи устувор пайдо кардани забони тоҷикӣ, қоидаҳои грамматикӣ он дар таълими мактабҳои усули нав ва шаклгирии афкори забоншиносии навини тоҷик саҳми аввалин китобҳои дарсии зерин хеле назаррас аст:

1. “Сарфу нахви тоҷикӣ”-и Сайидризо Ализодаи Самарқандӣ

2. “Қоидаҳои муҳим аз сарфу нахви тоҷикӣ”-и Абдурауфи Фитрат

3. “Сарфи забони тоҷикӣ”-и Туракул Зехнӣ

4. “Дар атрофи забони адабии тоҷикӣ”-и Бектош

“Фарҳангҳои тафсири ва идомаи афкори забоншиносии классикӣ дар онҳо” фасли чоруми боби аввал мебошад.

Луғатҳои тафсири дар баробари нигоҳдории бойигарии таркиби луғавии забони дари тоҷикӣ, инчунин, манбаи муҳими маълумоти нисбатан саҳеҳу мукаммалӣ қоидаҳои дастурии забони дари тоҷикӣ маҳсуб меёбанд. Ин анъана дар таърихи илму фарҳанги мо ҳануз аз аҳди Сосониён аз пайдоиши аввалин луғатҳо-“Фарҳанги оим-евак” ва “Фарҳанги паҳлавик” шуруъ мешавад. Баъдтар бо пайдошавии фарҳангҳои нисбатан мукамалтар ба мисли фарҳанги Абуҳафси Суғдӣ, “Фарҳанги Қатрон” ва “Луғати фурс”-и Асадии Тусӣ ин анъана боз ҳам густариш ёфт. Минбаъд баробари рушду инкишофи забони тоҷикӣ ва ба манотиқи гуногуни олам доман паҳн кардани забони дари тоҷикӣ фарҳангҳои тафсирии сершуморе таълиф шуданд.

Дар нимаи аввали асри XIX фарҳанги тафсирии муътабари “Ғиёс-ул-луғот”-и Муҳаммад Ғиёсиддини Ромпурӣ (соли 1827) ба таъъ расидааст. Фарҳанги “Ғиёс-ул-луғот” бинобар эътирофи уламои гузаштаю муосир муътабартарин луғатест, ки дар шарҳи калимаю ибораҳо ва истилоҳоту таъбирҳо аз тамоми сарчашмаю манбаҳои муътамад истифода кардааст. Ин луғат ҳамчунин манбаи муҳими нигоҳдории афкори забоншиносии асримиёна ва

нимаи аввали асри XIX-и тоҷик маҳсуб меёбад. Баъзан, шарҳи дастуриё, ки муаллиф овардааст, имрӯз ҳам чун манбаи муҳим хизмат хоҳад кард. Баъзе маълумоти дастуриё, ки дар ин луғат сабт шудааст, дар дигар луғату рисолаҳои илмӣ забоншиносӣ вонамехуранд.

Дигар луғати муътабаре, ки дар асри XIX таълиф шуда, дар густариши афкори забоншиносии тоҷик ва махсусан, асри XIX-и тоҷик нақши муҳим бозидоаст, “Ҳафт қулзум” [24]-и Бадршоҳи Ғозӣ мебошад. Дар ин фарҳанг маълумот оид ба луғат, дастур ва шакли навишти калимаҳо оварда шудааст. Сохтори луғат ва истилоҳоти он аҷиб аст. Муаллифи фарҳанг ҳангоми тақсими маводди луғат ба бобҳо, фаслҳо ва зерфаслҳо истилоҳоти соҳаи об ба мисли: баҳр, наҳр, ҷӯй, дарё, чашма, сохил, маъбар, заврақ, поёб, обгир, рӯд, ҷиҳод, мавҷа, сафина ва ғайраро ба қор бурдааст.

Муаллифи луғати “Ҳафт қулзум” 38 вазифаи дастурии “алиф”-ро бо байту пораҳои шеърӣ шоирони классикӣ асоснок карда, шарҳу тавзеҳ додааст. Албатта, дар таълифоти бисёр донишмандони пешин ин гуна шарҳу эзоҳи “алиф” дида мешавад, аммо ба ин теъдод не, дигар ин, ки тавзеҳи муаллифи луғати мазкур бисёр содаву фаҳмо буда, ӯ анъанаи донишмандони пешинро идома дода, онро пурра гардондааст.

Фасли панҷуми боби нахуст “Ҳамроҳшавии Осиёи Миёна ба Русия ва таъсири афкори забоншиносии рус дар ташаккули забоншиносии навини тоҷик” номгузорӣ шудааст.

Аз нимаи дууми асри XIX ҳамроҳшавии Осиёи Миёна аз тарафи подшоҳии рус шуруъ мешавад. Давраи якуми ҳамроҳшавии Осиёи Миёна соли 1876 бо барҳам додани Хонигарии Қуқанд ва ташкил ёфтани кишвари Туркистон анҷом ёфта, давраи дуюм бо пурра ҳамроҳшавии Осиёи Миёна ва муайян кардани сарҳадҳои кишвари Туркистон соли 1895 ба охир мерасад. Аз ҳамин давра сар карда, таъсири илм, фарҳанг, забон ва умуман, маданияти халқи рус ба ҳамаи манотиқи Осиёи Миёна ва халқияту миллатҳои онҳо шуруъ мешавад. Аз ин миён таъсири забон ва фарҳанги рус ба забону фарҳанги тоҷик низ ривоч мегирад. Подшоҳии рус барои шинос шудан ба ҳаёти халқ, омӯхтани забони он ва ба ин восита тайёр кардани ёрдамчиёни содики худ кушодани мактабҳои русӣ-маҳаллиро силоҳи бехтарин медонад.

Албатта, кушодани мактабҳои русӣ-маҳаллӣ, гимназияҳо, ба манотиқи гуногуни Осиёи Миёна фиристодани гурӯҳи мутахассисону ҳунармандон сабаби ҳарчи бештар таъсиррасонии забону фарҳанги рус ба забону фарҳанги мардумони ин кишвар, аз ҷумла, халқи тоҷик, мегардад.

Акнун дар низомии таълимии мактабҳои маҳаллие, ки ҳуди хонандагонӣ мардуми маҳаллӣ таҳсил мекарданд, усули таълим ба асоси усули таълими мактабҳои русӣ наздик гардонидани мешуд. Масалан, агар сохтору муҳтавои як китоби дарсиро, ки барои ҳам синфи русӣ ва ҳам маҳаллӣ хизмат мекард, аз назар гузаронем, мебинем, ки то ҷи андоза аз китобу дастурҳои мадрасагии таълим фарқ мекунад. Чунончи, китоби дарсии “Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская”-и М. А. Терентев, ки аз се қисм мураттаб шудааст: қисми аввал ба хусусиятҳои овозии забони тоҷикӣ, қисми дуюм ба ҷиҳатҳои

калимасозию морфологӣ ва қисми сеюмаш ба тартибсозии ҷумла, яъне ҷиҳати нахвӣ бахшида шудааст.

Дар шарҳи ин мавзӯҳо муаллиф аз таҷрибаи дастурнигории асримиёнагӣ истифода кардааст. Масалан, маълумоте, ки муаллиф дар бораи тағйиротҳое, ки донишмандони тоҷик – муаллифони дастурҳои таълимӣ, бо мақсади ба хусусиятҳои савтиёти забони тоҷикӣ мувофиқ кардани алифбои арабиасоси тоҷикӣ ба он дохил карданд, яъне ба ҳайати алифбои арабӣ 4 овоз – г, ж, ч, п ва дар баъзе дастурҳо 5 овоз оварда мешавад, дар дастури рисолаҳои фонетикӣ Абуалӣ ибни Сино, Насруддини Тусӣ, Хоча Ҳасани Нисорӣ, Вачидалии Мучмаъӣ низ дида мешавад.

Ҳамчунин, маълумотеро, ки оид ба ҳаракати сегонаи ҳарфҳо оварда мешавад, ба мисли: фатҳа (ар.) = забар (фор. тоҷ.); касра (ар.) = зер (фор. тоҷ.); замма (ар.) = пеш (фор. тоҷ.) ва ҳарфҳои мунфасилаю муттасила, ҳолатҳои пайвастиҳои онҳо, муфрадоту мураккаботи ҳарфҳо ва ғ.

Дар қисмати сарф ва калимасозӣ таъсири низомии дастури аврупоӣ – русӣ бештар ба назар расид. Дар дастури рисолаҳои пеш аз ин китоби дарсӣ ҳиссаҳои нутқ ба се: исм, феъл ва ҳарф ҷудо карда шудааст, ки ин ба асоси низомии грамматикаи араб аст. Дар китоби дарсии “Грамматикаи форсӣ” бошад, пас аз маълумоти муқаддимотӣ оид ба сарф дар бораи исм, сифат, ҷонишин, шумора, зарф, пешояндҳо, пайвандакҳо, нидо, феъл (бо ҳиссаҳои) маълумот дода, сипас рӯч ба калимасозӣ дар забони форсии тоҷикӣ суҳан ронда мешавад, ки ба асоси низомии дастури забони русӣ мебошад. Дар қисми сеюми ин китоби дарсӣ дар бораи сазми аъзоҳои ҷумла – мубтадо ва хабар, муайянкунанда, пуркунанда ва ҳол ба сурати амалӣ маълумотҳо пешниҳод шудааст.

Ҷунони мебинем, сохтор, муҳтаво ва усули шарҳи масоили нахвӣ ин китоби дарсӣ он сохторест, ки минбаъд бо андаке тағйирот дар тамоми китобҳои дарсӣ аз асосҳои дастури забони тоҷикӣ риоя шудааст.

Боби дуюм **“Таҷаккули забоншиносии навини тоҷик дар солҳои 20-30-уми асри XX”** ном дошта, аз 2 фасла 10 зерфасл иборат аст.

Сараввал, доир ба боби мазкур таҳти унвони **“Муҳоҳисаҳо атрофи масъалаҳои забони тоҷикӣ ва арзиши забоншиносии онҳо”** ҷунин омадааст, ки вазъи забоншиносии навини тоҷик дар солҳои 20-30-уми асри XX яқрангу яқнавохт нест, балки ниҳоят пурпечуб буда, ивазшавии бинишу афкори қадиму ҷадид сурат мегирифт, ба тарзи дигар гуем, давраи гузариш маҳсуб меёфт. Масалан, он аввалин грамматикаҳое, ки солҳои 60-80-уми асри XIX навишта шуда буданд, барои шунавандагони синфҳои махсуси донишқадаҳои забонҳои шарқ ва қисман барои он мансабдороне, ки дар Туркистон ба халқи маҳаллӣ сару қор доштанд ва донишҷӯи забони аҳолии маҳаллӣ барояшон зарур буд, тартиб дода шуда буданд, аммо аҳамияти моҳияти ин китобҳо баъдтар аз ҳадди назардошти онҳое, ки ин китобҳо ба нашр расонида буданд, берун рафта, дар қори ба вучуд овардани китобу дастурҳои мукамал аз асосҳои дастури забони тоҷикӣ асос мегарданд. Ба ҳамин тариқ, солҳои 1900-1920 даврае буд, ки барои таълими забони тоҷикӣ дастури китобҳои дарсӣ тартиб дода мешуданд. Ва аз ҳама муҳим ин буд, ки аксари муаллифону мураббитони дастури китобҳои дарсӣ намоёндагони халқи маҳаллӣ ё аз ҷумлаи хатмқардаҳои мактабҳои русӣ-маҳаллӣ

буданд ва ё аз шумори равшанфикроне буданд, ки тарғибу таблиғи илму маданияти рус ва низоми таълим бо забони тоҷикӣ мақсаду мароми онҳо маҳсуб меёфт. Ба ин гурӯҳи муаллифон Мирзосайд Абдусалом, Муҳаммадрасул Расулӣ, Маҳмуд Хоча Бехбудӣ, Исмаилюлло Раҳматуллозода ва ҷанде дигарон дохил мешаванд.

Давраи дуҷуми омузиши забони тоҷикӣ аз соли 1925 шуруъ мешавад. Дар ин давра таҳқиқи муайян намудани сохтори фонетикии забони тоҷикӣ, низоми морфологии он шуруъ мешавад. Дар ин замина мураттаб сохтани алифбои нави тоҷикӣ, ба вучуд овардану мувофиқ кунондани низоми истилоҳот ба роҳ монда мешавад. Дар баробари ин, дар асоси пажӯҳишу кӯшишҳои пештар анҷомдодашуда ва таҳқиқотҳои нав ҷандин асарҳои илмӣ забоншиносӣ пайдо шуда, барои омузиши ҳамачонибаи забони тоҷикӣ мутахассисон тайёр карда мешаванд ва китобҳои дарсӣ омода ва дастрас мегарданд.

Боз он чи хурсандибахш аст, ки дар ин давра – соли 1925 бо сарвари профессори донишгоҳи Санкт-Петербург И. И. Зарубин экспедитсия (эъзомия)-и олимони Донишгоҳи Санкт-Петербург ба Осиёи Миёна шуруъ шуда, он манотиқи гуногуни Осиёи Миёна, аз ҷумла, ноҳияҳои Мастҷох, Фалғар, Искодар, шаҳрҳои Самарқанд, Панҷакент, Истаравшан, Тошкандро фаро гирифта, доир ба этнография, фолклор, шевашиносӣ асарҳои илмӣ навишта мешавад. Натиҷаҳои ҷамъбасти ин экспедитсия дар мақолаи И. И. Зарубин ба номи “Отчет об этнологических работ в Средней Азии летом 1926” инъикос меёбанд.

Дар ин мақола низоми садонокҳои забони тоҷикӣ ба ин тартиб нишон дода мешавад: о, е, ӣ, а, и, у. Ғайр аз ин, ду овози дигар – у, г чун ду фонемаи махсус ҷудо карда мешавад. Садонокҳо аз рӯи дарозӣ (тамдид) ба ду гурӯҳ ҷудо карда мешавад: а) садонокҳои дароз (долгие): о, е, ӣ ва кӯтоҳ (краткие): и, у, а. Ин ақидаи профессор И. И. Зарубин дар китоби дигари ӯ соли 1928 бо номи “Очерки разговорного языка самаркандских евреев” (“Очерки забони гуфтугуии яҳудиҳои Самарқанд”) боз инкишоф дода мешавад.

Тобистони соли 1927 профессор И. И. Зарубин бори дуюм ба Тоҷикистон омада, ба таҳқиқи шеваҳои водии Зарафшон шуруъ мекунад. Ба ин экспедитсия (эъзомия) олими савтшинос, шогирди академик И. Л. Шерба (мактаби фонологии худро дошт) В. К. Орфинскийро ҷалб намуда, дар назди ӯ вазифаҳои зеринро мегузорад:

1. Дурусту саҳеҳ муайян кардани сохтори фонетикии забони тоҷикӣ.

2. Тавсифи баъзе фонемаҳои забони тоҷикиро аз рӯи қонунҳои фонетикӣ нишон додан.

Мутаассифона, В. К. Орфинский забони тоҷикиро наметодонааст, бинобар ин ӯ бо профессор И. И. Зарубин ҳамроҳ дар таҳқиқи сохтори фонетикии забони тоҷикӣ машғул шуда, муваффақияти калон ба даст меорад. Пас аз 18 соли ин экспедитсия натиҷаҳои пажӯҳишро В. К. Орфинский бо унвони “Материалы к характеристике фонетического состава таджикского языка” (1946) нашр менамояд.

Дар қисмати фонологии мақола В. К. Орфинский ба ақидаи профессор И. И. Зарубин пайравӣ карда, мавҷудияти фонемаҳои й, е, о, и, а, һ - ро дар шеваҳои Самарқанд, Панҷакент, Искодар тасдиқ намуда, маълумоти муфассал додааст.

Оҳиста-оҳиста дар боби таҳқиқи паҳлуҳои гуногуни сохтори дастури забони адабии тоҷикӣ низ мақолаҳои рисолаҳои алоҳида таълиф мешаванд, ки барои рушди илми забоншиносии навини тоҷик заминаи асосӣ маҳсуб мегарданд. Масалан, соли 1927 профессор А. А. Семёнов асари муҳими худ “Краткий грамматический очерк таджикского языка” (1927) (“Очерки мухтасари грамматикаи забони тоҷикӣ”)-ро навишта, дар забони тоҷикӣ фонемаҳои о, й, е-ро махсус таъкид карда, онд ба забони адабии тоҷикӣ дар он солҳо муфассал таваққуф намудааст.

Шарқшиноси рус Е. Д. Поливанов солҳои 1923-1928 як силсила мақолаҳои онд ба масъалаҳои гуногуни забони тоҷикӣ менависад, ки дар он солҳо барои рушди илми забоншиносии тоҷик нақши муҳим гузоштанд. Аз ҷумла, дар ду мақолаи ӯ “Узбекская диалектология и узбекский литературный язык”, “Образцы иранизованных говоров узбекского языка” дар баробари шарҳу эзоҳи масоили мухталиф вокализмҳои забони тоҷикӣ ба се гурӯҳ ҷудо карда мешавад:

1. Дароз (долгие) -е, э, й;
2. Миёна (средние) - а;
3. Кутоҳ (краткие) - і, и.

Дар равиши таҳқиқ, асосан, ба 3 ҷиҳат ё ҷараён эътибори ҷиддӣ дода мешуд:

1. Тайёри ва гузаштан ба алифбои нав, яъне алифбои латинӣ (солҳои 1924-28). Ин масъалаҳо дар рӯзномаҳои маҷаллаҳои ҳамон солҳо, аз ҷумла, “Роҳбари дониш”, “Правда Востока”, “Овози тоҷик” ҳаллу фасл мешуданд. Ба асоси забони адабии тоҷикӣ шеваҳои Самарқанду Бухоро гузошта шуда буд. Алифбои латиниро соли 1928 дар Конференсияи забоншиносии қабул карда, онро соли 1930 дар Съезди забоншиносон тасдиқ намуданд.

2. Самти дуюм – ин муайян кардани нормаҳои (меъёрҳои) забони адабии тоҷик ва роҳҳои наздик намудани он ба оммаи мардум мебошад. Дар ин самт омузиши ҳамачонибаи шеваҳои забони тоҷикӣ ва аз ҷисби онҳо тақмил додани забони адабии китобӣ. Бо ҳамин мақсад гурӯҳи олимони бо роҳбарии М. С. Андреев вазифадор карда шуда буданд, ки масъалаҳои асосиро дар бораи сохтори фонетикаи забони тоҷикӣ ва сохти грамматикаи он матраҳ намоянд.

Натиҷаи омузишу таҳқиқи ин мавод дар китоби М. С. Андреев бо номи “Краткий обзор некоторых особенности таджикских говоров” (1930) нишон дода мешавад. Дар ин китоб шеваҳои тоҷикӣ ба ду гурӯҳи калон: шимолу ғарбӣ, ҷанубу шарқӣ ҷудо карда шудааст.

3. Самти сеюми таҳлилу таҳқиқ ба масъалаи кор карда баромадани истилоҳот ва бойгардонии таркиби луғавии забони тоҷикӣ нигаронида шуда буд.

Мубоҳисаҳои солҳои 20-30-юми асри XX дар атрофи забони тоҷикӣ, ҳарчанд ки бештар вобастаи мановии сиёсӣ буданд, вале моҳияту арзиши таҳассусӣ низ доштаанд. Дар иртибот ба ин мавзӯ донишманди тоҷик Абдуҳолиқи Набавӣ мегуяд: “...ба шарофати ин маърақаҳои илмиву фарҳангӣ пештар аз дигар соҳаҳои илми суҳаншиносӣ (филология)-и тоҷик дар охири солҳои 20-ум ва аввали солҳои 30-юм пояи илми забоншиносии тоҷик гузошта шуд, ки ин, бешубҳа, ба инкишофи минбаъдаи забон мусоидат кард” [53, с. 11].

Воқеан, доираи мавзуоти мубоҳисаҳо дар атрофи забони тоҷикӣ чунон васеъ аст, ки қуллӣ бахшу ҷабҳаҳои илми забоншиносиро фаро мегиранд ва аз нигоҳи моҳияти илмӣ низ дар сатҳи гуногун қарор доранд.

Дар бораи моҳияту аҳаммияти ин мубоҳисаҳо ва Анҷумани илмӣ забоншиносии соли 1930 иддае аз муҳаққиқони илми суҳаншиносии тоҷик, аз ҷумла, Н. Маъсумӣ, Р. Ғаффор, Ш. Рустамов, М. Шакурӣ, С. Ҳалимов, Т. Ваҳҳобов, С. Назарзода мулоҳиза рондаанд, аммо ин мавод таҳлили ҳамаҷонибаи забоншиносӣ нашудааст.

Бояд таъкид кард, ки баҳсҳои солҳои 20-30-юми асри XX дар атрофи илми забоншиносӣ дорои аҳаммияти муҳимми таърихӣ ва илмӣ фарҳангӣ мебошад. Аҳаммияти илмӣ онҳо дар ин аст, ки бо баргузории ин баҳсҳо аҳли илму фазли тоҷик дар рӯбарӯи олимони варзидаи рус – шарқшиносони маъруф, истода, аз як сӯй, андешаҳои худро иброз дошта бошанд, аз сӯи дигар, аз таҷриба, дониш ва фазилати онҳо баҳра бурданд. Ин мубоҳисаҳо дар маҷмӯъ омилу сабаби ташаккули забоншиносии тоҷик дар давраи нав, яъне даврони шуравӣ, гардид.

Масъалаҳои асосии мубоҳисаҳои солҳои 20-30-юми асри XX-ро метавон чунин тарҳрезӣ намуд:

1. Забони адабии тоҷик ва масоили илмӣ амалии он;
2. Масъалаҳои марбут ба алифбои лотинӣ ва қабули ин алифбо;
3. Дар бораи имлои нави тоҷикӣ;
4. Дар бораи истилоҳ ва истилоҳгузинӣ;
5. Сарфу нахви забони тоҷикӣ;
6. Дар бораи китобҳои дарсӣ;
7. Дар бораи забони матбуот;
8. Оид ба забони гуфтугуии тоҷикӣ;
9. Баъзе масъалаҳои назариявии забоншиносӣ.

Воқеан, солҳои 20-30-юми асри XX солҳои тақдирсоз дар ҳама соҳаҳои ҳаёти мардуми тоҷик маҳсуб меёфт, ки илми забоншиносӣ низ ба ҳамин гурӯҳ дохил мешуд. Мутаассифона, вазъи илми забоншиносӣ дар солҳои 20-30-юми асри XX то ҳануз мавриди таҳқиқу баррасии махсус қарор нагирифтааст. Масъалаи ташаккули таҳаввули забони адабии тоҷикӣ, меъёрҳои шинохти он, шеваи муттақо барои ин забон аз муҳимтарин, печидатарин ва нозуктарин масоили ҳалталаб, баҳснок дар солҳои 20-30-юми асри XX ба шумор мерафт, ки муҳаққиқони забоншиносии тоҷик оид ба масоили мавриди назар баҳсҳои муфассал ороштаанд, ки мо дар баҳши “Дарачаи омузиши мавзӯ” ишора намудем.

Мутаассифона, гоҳо бар асари мақсадҳои сиёсати ҷорӣ шуравӣ баъзе масъалаҳо якҷонибаю ғайриилмӣ ҳаллу фасл шудаанд, ки дар охир натиҷаҳои номатлуб ба бор оварданд. Бисёр қоидаҳои дастури забони тоҷикӣ, ки таърихан устувор гашта буд, ба таври сунъӣ бино ё таҳрир гардид ва забони тоҷикӣ бисёр омиёна шуд.

Ба ҳамин тариқ, чунонки маводди мубоҳисаҳои солҳои 20-30-юм ва андешаҳо перомунӣ онҳо нишон медиҳанд, асосан, ду нуқтаи назар дар ихтилофи яқдигар буданд:

Яке чонибдорони забони адабии матбуоти имрӯзаи Эрон, ки онҳоро бо истилоҳи байналмилалчиён ном мебурданд; дигаре онҳое буданд, ки дар асоси забони адабии тоҷикии имрӯза забони як маҳалро гирифтанд меҳостанд, яъне ба сифати шеваи мутақо ва аслан ин гурӯҳ низ гузаштаи забони адабии тоҷикӣ (ташаққули онро дар асрҳои IX-X) ва умумияти онро ба забони форсӣ қоилад ва хуб медонанд эътирофдоранд, ки то Иқболи Октябр ин забонҳо бо номи форсӣ ва форсии дарӣ амал мекарданд. Ба ин гурӯҳ шомил буданд: С. Айний, А. Муҳиддинов, Н. Бектош, Т. Зехнӣ, профессорони соҳаи филология А. А. Семёнов ва Шияд. Масалан, С. Айний андешаашро ба ин тариқ хулоса кардааст: "... Агар мо роҳи қор фармудани забони авоми тоҷикро ёбем, меҳнаткашонии форсизабони беруна ҳам тамомаи маҳрум нахоҳанд монд" [7, с.62].

Ин хулосаи устод, ба назари мо, аввалаи забонамонро ба ҳуди мардуми тоҷик наздику фаҳмо созем, ба ҳар роҳе, ки бошад ва онҳоро босаводу бомаърифат гардонем, ба тамаддуни гузашташон ошно созем, баъд наздиксозии умумигардонии онро бо форсии Эрон дари Афғонистон ҷустуҷу кунем.

Андешаю мулоҳизаҳои А. Муҳиддинов аз диди илмӣ густурдатар ва амиқтар буда, имрӯз ҳам арзишашонро гум накардаанд. Ҷунони, ӯ таъкид менамояд: "Ба ақидаи мо, ба вучуд овардани забони адабӣ шеваи як ҷойро чун асос шинохтан дарқор нест, бештар аст, ки мо асосҳои назарӣ ва амалиро муайян кунем. Шеваи қадим ҷой, ки ба асосҳои мо мувофиқ ва наздик бошад, забони адабии мо низ ба он шева наздик мешавад. Мақсади мо ба вучуд овардани забони адабии маҳаллӣ нест. Бояд мо як забони адабӣ ба вучуд оварем, ки фаҳмиданаш барои ҳамаи тоҷикзабонони шуравӣ осон бошад. Забоне, ки барои оммаи мо фаҳмиданаш осон бошад, он забон барои мардуми порсигуӣ Эрон, Афғонистон ва Ҳиндустон ҳамчун забони адабии умумӣ пазируфта хоҳад шуд" [52, с.400].

Дар ин мулоҳизаҳои А. Муҳиддинов қанд нуқтаи муҳим ба миён гузошта шудааст ва аз ҳама муҳимтарин ин аст, ки ӯ асосҳо ё меъёрҳои шинохти забони адабро муҳимтарин ҷиҳат ҳисобидоаст. Дар воқеъ, агар ҳамаи солҳо меъёрҳои илмӣ шинохти забони адабии тоҷикӣ, саҳеҳан қор қарда мешуданду пасон дар асоси он забони адабии тоҷикӣ рушд меёфт, шояд имрӯз таъвоии забони тоҷикӣ бештар мешуду асосҳои дастурии он қамтар ба танқид мувоҷеҳ мекардид.

Ҷунони мебинем, имрӯз ҳам забони адабии мо ба тасҳеҳу тақмили ҳамаи нуқтаҳо саҳт эҳтиёҷ дорад. Пас маълум мешавад, ки на ҳамаи солҳои 20-30-юм ва на минбаъд пайи тақмилу тасҳеҳи ин асосҳо таваҷҷуҳи зарурӣ зоҳир нашоудааст.

Дигар мақолаи мувоҳисавии аз ҷиҳати масъалагузорӣ ва тарзи баёну асоси илмӣ дар сатҳи баланди қасбӣ навишташуда, мақолаи Б. Иқромӣ бо номи "Дар гири масъалаи забони матбуоти тоҷикӣ" [34] мебошад. Муаллиф порчае аз повести "Одина"-и устод Айниро чун намуна оварда мегуяд, ки "мана ин суҳанҳоро қадим бухорӣ, қадим самарқандӣ, қадим тоҷикистонӣ ва қадим эронӣ нағз намефаҳмад. Албатта, ҳамашон баробар мефаҳмад. Ҳеҷ мушқилӣ намекашанд. Ин суҳанҳо аз забони содаи омма гирифта, ба як сурати ҳаҷонбахш тартиб дода шудааст" [34, с.349].

Пас ӯ қонибдори ақидаи С. Айний аст, ки намунаи забони адабии тоҷикиро бо эҷоди ин повест амалан нишон дода буд. Дарвоқеъ, забони повести

“Одина”-ро устод С. Айнӣ кӯшиш кардааст, бо як усули миёна, ки байни забони адабии классикӣ ва шифохӣ таҳриршуда нависад.

Дигар аз донишмандони ин давра, ки ҷонибдори фикри дуҷум буда, андешаҳои судманде дар ин бобат иброз доштааст, Б. Азизӣ мебошад. Ӯ дар мақолаи “Ба забони дарӣ дурри суханро суфтаи мехоҳам” [2] чунин андеша рондааст: “...ҳамчунон ки забони ҳозираи Эронро, ки таъсири арабӣ дода шудааст, қабул карда, адабиёти худро ба омма наздик карда наметавонем, инчунин, забони тоҷикони шаҳрӣ, монанди Бухороро ҳам қабул кардан дуруст набуда, балки забони кӯҳистон – Тоҷикистон, ки алҳол маркази Ҷумҳурияти иҷтимоии Шурай аст, забони адабии тоҷикон қабул карда, норасидагиро аз забони арабӣ ва урупой, ки ҳоло маълум аст, такмил кунем, асоси забони мо забони дарӣ мешавад, ки ба ҳамин забон дурри суханро суфта адабиёти худро оммавӣ мекунем ва ба ҳамин забони дарагии худ оммаи ранҷбарони ҳамсоягони мо, ки дар дараҳои кӯҳии Эрон, Афғонистон ва Ҳиндустон зиндагӣ доранд, дар баробари фикри инқилобии иҷтимоии худ паҳн кунем” [2, с.357].

Донишманди дигар, Т. Зеҳнӣ дар мақолаи “Маслиҳатҳои ман дар бораи забон” [31] аз байни назару андешаҳои зиёде, ки мувоҳисон пешниҳод доштанд, ду ақида ё назарияро ҷудо мекунад, ки бештар ҷонибдор дошта, аз нигоҳи илмӣ низ асосноканд:

1.Татбиқ кардани забони форсии байналмилалӣ

2.Мардумфаҳм кардани забони матбуоти ҳозира

Т. Зеҳнӣ ҷонибдори фикри дуҷум буда, ақида дорад, ки нуктаҳои муҳими забонро аз забони зинда бардошта, забонро осону авомфаҳм гардонем. Вай тарзи сухан гуфтани дариро, ки бисёр дар осори суханварони классикӣ вомерхурд, гуфтугузори кӯҳистонӣ дониста, таъкид мекунад, ки “забони кӯҳистон дар баробари оҳанг ҷӣ қадар ширинӣ нозукиро соҳиб бошад, ҳамон қадар ҳам сарфу наҳв ва луғатро нисбат ба забони шаҳрӣ хубтар ба худ нигоҳ доштааст, танҳо аз илму маориф маҳрум шуда, аз такомул бозмондааст” [31, с.431].

Дар мақолаи шарҳиносии рус Е. Э. Бертелс бо номи “Дар бораи забони адабии тоҷик”, асосан, сохтори забони адабии тоҷикӣ нишон дода шудааст.

Рисолаи донишманди тоҷик Н. Бектош бо унвони “Дар атрофи забони адабии тоҷикӣ” як навъ моҳияти ҷамъбастиҳои ин мувоҳисаҳоро дошт.

Масалан, дар мавриди ҷамъбасти масъалаи забони адабии тоҷикии давраи нав Н. Бектош чунин таъкид кардааст: “Модоме ки забони адабии оммафаҳми тоҷикӣ имрӯз дар майдон аст, модоме ки кам бошад ҳам, “Одина”, “Аҳмади девбанд”, “Бедонабозӣ” ва ҳоказо... ба забони содаи матлуб ба таъбиқ расидааст, ин қадар гуфтугӯ ва ҷанҷол дар болои қадом масъала аст?” [16, с.529],

Дигар масъалае, ки дар мувоҳисаҳои солҳои 20-30-юм дар маркази гуфтугузори муҳаққиқони аҳли адаб қарор дошта ва барои назария ва амалияи илми забоншиносӣ ҳеле муҳим буд, истилоҳ ва истилоҳгузинӣ маҳсуб меёфт. Бо ҳамин ҷиҳат ишора карда С. Айнӣ дар пазирии нахустин грамматикаи меъёрии забони тоҷикӣ “Сарфу наҳви тоҷикӣ” -и С. Ализода гуфтааст: “Истилоҳи фанӣ ва илмӣ он қадар ҷизи ғайримухимме нест, ки як муҳаррир бо ихтиёри худ вазъу қабул намояд” [10, с. 69].

Бояд гуфт, ки ин таъкиди С. Айни имрӯз ҳам аҳаммияти худро гум накардааст.

Инчунин, А. Дехотӣ низ дар бораи имло, алифбо, истилоҳ ва забони адабии тоҷик қарорҳои Анҷумани илмии Тоҷикистонро шарҳу тавзеҳ дода, оид ба истилоҳ чунин хулосаи анҷуманро пешниҳод кардааст: “Биёем ба масъалаи истилоҳоти илмӣ: инчунин нигоҳ доштани истилоҳотеро, ки хоҳ аз забони ҳуди форсии тоҷикӣ, хоҳ аз забонҳои дигар (масалан, арабӣ, юнонӣ ва ғайра) ба забони мо даромада, ҳозир дар забони адабӣ қор фармуда мешаванд, дарқор мешуморем. Масалан, калимаҳои нестӣ, ҳастӣ, кимиё, фалсафа, ҷуғрофиё, мусиқӣ ва ғайра бояд дар забони адабӣ нигоҳ дошта шаванд. Дар вақти эҳтиёҷот ба гирифтани истилоҳоти аврупоӣ – байналмилалӣ беҳтар доништа шаванд, вале онҳоро дар шакле, ки хоси забони мардум аст, қабул кардан лозим аст” [25, с.672].

Дар мақолаи М. Расулӣ “Масъалаи алифбо ва имлоро ба зудӣ ҳал кардан дарқор” дар иртибот ба масъалаи истилоҳ ду ҷиҳат таъкид шудааст, ки имрӯз ҳам аз муҳимтарин ҷиҳатҳои истилоҳгузинӣ масхуб мешаванд: “Дар ин ҷо ду масъала аст, ки бояд равшан ҳал карда шаванд: як масъала ба муқобили истилоҳҳои рус ва аврупоӣ чӣ гуна истилоҳҳои тоҷикӣ қабул кардан ва масъалаи дувум – истилоҳҳои байналмилалиро, ки мо қабул мекунем, чӣ гуна тоҷиконидан аст” [58, с.678].

“Саҳми донишмандон, адибон ва рӯзноманигорон дар мубоҳисаҳои солҳои 20-30-юми асри XX” зербоби дуёми фасли дуум мебошад.

Дар охири солҳои 20-30-юми асри XX дар қатори адибону донишмандони насли калонсол – С. Айни, А. Лоҳутӣ, Е. Э. Бертелс, Т. Зеҳний, С. Ализода, Р. Ҳошим, А. Фитрат, Н. Бектош, А. Мунзим, Б. Азизӣ, Ҳ. Бақозода, Б. Ҳочизода, як зумра адибону донишмандони хушсалиқа бо назару биниши тоза дар паҳлуи С. Айни истода, барои шаклгириву рушди афкори забоншиносии навини тоҷик дар ин солҳо саҳми худро гузоштаанд. Ба ин гурӯҳ А. Дехотӣ, А. Мирзоев, Л. Бузургзода дохил мешаванд. Дар ин фасл саъй мекунем, ки саҳми ин чеҳраҳои илми солҳои 20-30-юми асри XX-ро дар рушди илми забоншиносии давраи нави тоҷикӣ баррасӣ намоем.

Зерфасли 2.2.1.-и фасли дуёми боби дуум **“Садриддин Айни ва нақши ӯ дар рушди забоншиносии навини тоҷик”** унвон дорад.

Дар зерфасли мазкур омадааст, ки устод С. Айни дар баробари поягузории насри бадеии адабиёти аҳди шуравии тоҷик дар устувор гардидани меъёрҳои забони адабӣ, тасҳеҳ ва таъйин намудани қоидаҳои дастури забони тоҷикӣ хизмати арзанда кардааст. Ӯ дар баробари таҳия ва эҷоди асарҳои бадеӣ, таърихӣ, оид ба масъалаҳои имло, алифбо, сабку услуби нигориши асарҳои осори бадеии классикӣ, луғату истилоҳот як силсила мақолаҳо таълиф намудааст. Аз ин нуктаи назар метавон гуфт, ки устод С. Айни дар илми забоншиносии навини тоҷикӣ яке аз поягузoron махсуб меёбад. Вай яке аз аввалин муаллифони китоби дарсӣ – “Таҳзиб-ус-сибиён” буда, бо таълифи ин китоб низоми нави таълиму омузишро аз диди маорифпарварӣ пеш мегузорад.

С. Айни мураттиб ва муҳаррири нахустин “Луғати русӣ-тоҷикӣ” (1933-1934), “Луғати тоҷикӣ-русӣ” (1940) ва муаллифи нахустин фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (1938) мебошад.

Муҳаккиқи нуктасанҷ С. Ҳалимов оид ба ғаёлияти забоншиносии С. Айни дар рисолаи номзадии хеш чунин таъкид намудааст: “Адиб ва олими маъруф Садриддин Айни воқеан шахсияти калиди дар таърихи фарҳанг ва забони тоҷик буда, пас аз инқилоб, ӯ тамоми неру ва истеъдодашро ба ҳифз ва рушди забони тоҷикӣ равона кард. Талошу муборизаҳои пайгирона на танҳо дар асарҳои бадеии ӯ, балки дар мақолаҳои илмӣ-назариявӣ, суҳанронӣҳо, номаҳо ва мулоҳизаҳои равшан инъикос ёфтааст. Ин масъала дар ғаёлияти адиб воқеан, яке аз баҳсҳои муҳим буда, он пеш аз ҳама ба ҳифзи забони тоҷикӣ аз таъсири амики забони арабӣ, форсӣ ва туркӣ равона шуда, ҳамзамон татбиқи алифбои нав муҳаккиқро бетараф нагузошта буданд” [81, с.24].

Дар солҳои 20-30-юми асри XX дар баробари наздикшавии забони адабии тоҷик ба забони зинда ва оммафаҳм гардидани назм дар матбуот мувоҳидаҳо дар атрофи забони тоҷикӣ, роҳҳои рушди таъмини забони адабӣ суръат гирифта буд. Чунинчӣ, яке аз масъалаҳои баҳсноки ин мувоҳидаҳо дар байни забони форсӣ ва тоҷикӣ чӣ фарқиятҳо вучуд дорад, махсус меёфт.

Дар ин бобат устод С. Айни дар мақолаи “Дар атрофи забони форсӣ ва тоҷикӣ” чунин мегӯяд: “Баъзе касоне, ки ба забони тоҷикӣ дуруст ошно нестанд, “забони тоҷикӣ аз забони форсӣ чӣ қадар фарқ дорад?” – гуфта мепурсанд, аммо касе, ки ба адабиёти қуҳна ва нави форсӣ ва тоҷикӣ шиносӣ дорад, ба ҳубӣ медонад, ки дар миёни инҳо фарқи асосӣ нест. Як тоҷик ё як эронӣ асарҳои Саъдӣ, Ҳофиз, Низомӣ ва монанди инҳоро чи қадар фаҳмида ва дӯст дошта хонад, ҳамон қадар ҳам асарҳои Абуабдуллоҳи Рӯдакӣ, Камоли Хуҷандӣ, Исматӣ Бухорӣ, Сайфӣ Исфаҳанӣ ва монанди инҳоро фаҳмида ва дӯст дошта меҳонад. Як тоҷик барои фаҳмидани баъзе луғатҳои аз форсии қадим гирифташудаи Фирдавӣ ба чӣ андоза ба душворӣ афтад, як эронӣ ҳам барои фаҳмидани онҳо ҳамон қадар душворӣ мекашад. Баъзе қасон ҳастанд, ки ба сабаби ошно набудани забони тоҷикиро, яъне забони авомӣ тоҷикиро, забони форсии вайроншуда мепиндоранд. Лекин агар аз баъзе таъсирҳои қузии забони узбекӣ чашм пушем (масалан, қор фармудани “мӣ” дар мавриди истифҳом), содатарин ва софтарини лаҳҷаҳои форсӣ забони тоҷикӣ аст” [7, с. 62].

Ғайр аз ин устод С. Айни ба ду масъалаи муҳими дигар ишора кардааст: яқум ин, ки аз забони форсии қадим (авесто, осори ба паҳлавӣ навишта шуда ва ғайра) истифода кардани Фирдавиро таъкид кардааст; дигар ин, ки бо таъсири забони узбекӣ дар забони тоҷикӣ пайдо шудани баъзе ифодаҳо, аз ҷумла ҳиссаҳои пурсишии “мӣ”-ро ишораи таъкид кардааст.

Воқеан, ӯ забондону забоншиносии нозуқфаҳму бориқназар буданд ва фитрати азалию худододаш ба ӯ имкон меод, ки аксар илмҳои фаро гирад. Масалан, дар бораи умумият ва ягонагии таърихии забони тоҷикӣ ва форсӣ ақидаи устод С. Айни ин аст, ки забони тоҷикӣ хусусиятҳои забони адабии классикиро бештар нигоҳ доштааст, зиёда аз ин забони матбуоти солҳои 20-уми асри XX ба дараҷае аз қалимаи таркибҳои арабӣ пур шудааст, ки на фақат барои тоҷикон, балки барои ҳуди форсҳо нофаҳмо аст.

С. Айни дар мақолаҳои “Забони тоҷикӣ”, “Ҷавоби ман” дар бораи роҳҳои инкишофи забони адабии тоҷикӣ, тозагии таркиби луғавии он бисёр андешаҳои муфиду судмане баён кардааст, ки имрӯз ҳам арзиши ҳудро гум накардаанд.

С. Айний оид ба савтиёт (фонетика), имло (орфография) ва грамматикаи забони тоҷикӣ низ баъзе қайдӯ ишораҳо доранд. Соли 1926 дар нахустин Анҷумани муаллимони Тоҷикистон масъалаи ба алифбои лотинӣ гузаштан ба миён гузошта мешавад. С. Айний дар маъракаи муҳим ҷаҳлона ширкат варзида, дар мақолаи “Масъалаи таърихӣ дар гирди алифбои нави тоҷикӣ” чунин мегӯяд: “Ақнун наздик аст, ки алифбои нави тоҷикӣ ранги расмӣро гирифта, ба зиндагонӣ гузаронида шавад. Ин як кори хурд, як кори муқаррарӣ ва ҳаррӯза нест, балки як масъалаи таърихӣ, ки монандаш дар зиндагии миллати мо як ё ду бор мегузарад. Пас, бояд гуфтугузори ин ҳам ба андозаи ҳадаш бисёр муҳим, бисёр васеъ ва бисёр ҷиддӣ бошад” [8, с.211].

Чунон ки арз намудем, С. Айний оид ба асосҳои дастури забони тоҷикӣ, яъне грамматикаи он, асари алоҳидае нанавиштааст. Вале ӯ ҳамчун омузгор ва олими борикназар дар таҳрир ва таҳияи китобҳои дарсии солҳои 20-30-юм, тақризи онҳо иштирок намуда, ба муаллифону мурағибони онҳо маслиҳату дастурҳо додаанд. Масалан, С. Айний дар тақриз ба китоби “Сарфу наҳви тоҷикӣ” -и С. Ализода чунин овардааст: “Дар ин китоб қоидаҳои сарфу наҳви забони тоҷикӣ, ба қадре ки тамомқунандагони мактаби миёнаро қифоят кунад, дарҷ ёфтааст. Ҷумлаҳои, ки ба тариқи мисол оварда шудааст, бисёртарашон сода, осон ва пурманфиат аст. Аммо дар мавриди баёни қоидаҳои луғатҳои арабӣ бисёр ба қор бурда шудааст” [10, с.69].

Ҳамчунин, дар солҳои 30-юми асри XX устод С. Айний барои нигоҳ доштани пасоянди “-ро” қӯшиши зиёд карда, ба муқобили онҳое, ки меҳостанд гунаҳои шевагии онро қорӣ намоянд, мубориза кардааст.

Дигар самти ҷаҳлоияти С. Айний, ки ба илми забоншиносӣ иртибот мегирад, қайдҳои ӯ роҷеъ ба забону услуби адибони классикӣ мебошад. С. Айний як даста мақолаҳои рисолаҳои илмие оид ба ҳаёт ва осори адибони классикӣ тоҷик ба мисли Рӯдакӣ, Фирдавӣ, Сино, Саъдӣ, Камол, Восифӣ, Навоӣ, Бедил, Аҳмади Дониш навишта, хусусиятҳои забони осори онҳоро нишон додааст. Масалан, содагӣ, оммафаҳмӣ ва кам истифода бурдани қалимаҳои ибораҳои арабиро дар осори Абуабдуллоҳи Рӯдакӣ яке аз виҷағҳои услуби ӯ доништа, дар “Шоҳнома” хеле кам истифода шудани қалимаҳои ибораҳои арабиро маҳсус таъкид кардааст. Ё ин ки бо далелҳои саҳми донишманди ҳамадон Абуалӣ Синоро дар шаклгирии истилоҳоти илмӣ нишон додааст.

Хулоса, С. Айний бо қайдӯ ишораҳои фаровон, таълифи рисолаҳои илмӣ оид ба забон ва услуби адибони классикӣ, маслиҳату машваратҳои бо адибону қаламкашон, муаллифону мурағибони китобҳои дарсӣ аз асосҳои дастури забони тоҷикӣ, иштироки ҷаҳлонаш дар баҳсҳои солҳои 20-30-юми асри XX яке аз бунёдгузори илми забоншиносии давраи шӯравии тоҷик маҳсус меёбад. Саҳми ин донишманди фидоӣ дар рушди шаклгирии забоншиносии навини тоҷик хеле назаррас аст. Дар мақолаи “Оид ба вазъияти забоншиносии тоҷик” [9] С. Айний вазъи феълӣ илми забоншиносии тоҷикро бо далелҳои нишон додааст.

Зерфасли 2.2.2.-и боби дувум “**Турақул Зехӣ ва саҳми ӯ дар таҳаққули забоншиносии навини тоҷик**” ном дорад.

Дар солҳои 20-30-юми асри XX дар муҳоҳисаҳои оид ба содагардонии забони адабӣ, таҳлили алифбо, қабули имло, истилоҳ ва таҳияи китобҳои дарсӣ

аз асосҳои дастури забони тоҷик дар қатори бисёр зиёиёни пешқадами тоҷик Т. Зеҳнӣ низ иштироки ғаёл дошт. Вай дар ҳалли ин масъалаҳо, асосан, дар мавқеи устод Айнӣ қарор дошт. Вай дар мақолаи Забони “Овози тоҷик” (1926), чунин гуфтааст: “Акнун баъд аз ин дар ташкил намудани як забони ширин ва истилоҳҳои илмӣ ва адабии имрӯзӣ, ки фикри насли наврасро ифода намояд ва ба завқи коргару деҳқон нишинад, бояд кӯшиш ба кор бурд ва бояд як забони сабуки адабии насрии форсии авомфаҳм дар Шарқ ба вучуд овард” [29, с.180].

Вай соли 1930 “Сарфи забони тоҷикӣ” [32] ном китоби дарсӣ таълиф намуд. Як бартарии китоби дарсии Т.Зеҳнӣ ин аст, ки ӯ бо таълифи ин асар бисёр истилоҳоту таркиботи соҳаи забоншиносиро тоҷикӣ карда, баъзе қоидаҳои дастуриро такмил дод.

Масалан, ба ҷойи истилоҳоти арабии забоншиносие, ки дар дастурҳои пешин, аз ҷумла, “Сарфу наҳви тоҷикӣ” [11]-и С. Ализода истифода шудаанд, Т. Зеҳнӣ муодили тоҷикӣ-форсии онҳоро ба кор бурдааст. Чунончи: Исми ом-исми чинс, исми зирӯҳ-исми ҷондор, исми беруҳ-исми бечон, исми муфрад-исми танҳо, исми тасғир-исми хурдӣ, исми маъруфа-исми шинос, исми нақара-исми ношинос ва ғайра.

Махсусан, хизмати Т. Зеҳнӣ дар соҳаи луғатшиносӣ ва мураттабсозии луғат, шинохти вожаҳо, таъйини маъноҳои калимаю таъбирҳо хеле назаррас мебошад.

Хулоса, Т. Зеҳнӣ аз нахустин қадамҳои худ дар ҷодаи илм барои тозагии забони адабии тоҷикӣ, устувор гардидани забони илм, рушди афкори забоншиносии тоҷик дар асри XX ва такмили китобҳои дарсӣ аз асосҳои дастури забони тоҷикӣ пайваста мубориза бурдааст.

Зерфасли сеюми фасли дуҷуми боби дуюм **“Сайидризо Ализода ва афкори забоншиносии ӯ”** номгузорӣ шудааст.

Бояд гуфт, ки афкори забоншиносии ин муҳаққиқ то имрӯз ба таври пурра таҳқиқ нашудааст. Баъзе забоншиносон ба мақолаю асарҳои ӯ ишора кардаанд, ё ин ки аз вай дар тасдиқи тавзеҳи қоидаҳои сарфу наҳв иқтибосе овардаанд. Профессор Д. Хочаев соли 2006 китоби арзишманди С. Ализода “Сарфу наҳви тоҷикӣ” [11]-ро аз алифбои форсӣ ба алифбои кириллӣ баргардон карда, дар сарсухани он арзиши забоншиносии ин китоби дарсии забони тоҷикиро мухтасар дар асоси далелҳо нишон додааст.

С. Ализода бо таҳияи “Сарфу наҳви тоҷикӣ” муждаи фараҳбахше аз таърихи афкори забоншиносии тоҷик дод. То таълифи китоби “Сарфу наҳви тоҷикӣ”, ки аввалин намунаи дастури забоншиносии меъёри тоҷикӣ дар замони шуравӣ маҳсуб меёфт, ӯ ба омӯхтани таҳқиқ қардани қоидаҳои сарфу наҳви забони тоҷикӣ ва инчунин, забонҳои дигар машғул гардид, дар баробари дарки нозуқиҳои забони адабии тоҷик ба омӯхтани донишҳои забонҳои дигар низ машғул мегардад. Хизмати С. Ализода дар таълиму таҳқиқи масъалаҳои забони тоҷикӣ, таълифи китобҳои дарсӣ аз асосҳои дастури забони тоҷикӣ, ҳифзи асолати забони тоҷикӣ, покизагии он хеле барҷаста мебошад. Ҳануз соли 1919 ӯ барои ҳифзи забони тоҷикӣ аз ҳучуми пантуркистон бо як ҷасорати ҳайратангез зиёиёни халқи тоҷикро даъват карда, ҳушдор медиҳад, ки барои тозагӣ ва

нигоҳдорию рушди забони ноби тоҷикӣ, яъне забони модарии худ, ки нишонаи барҷастаи шинохти ин миллат аст, кӯшиш намоёнд.

С. Ализода бо таълифи “Сарфу наҳви тоҷикӣ” бунёди дастури забони тоҷикиро барои мактабҳои таҳсилоти миёна ва олӣ гузошт. Муаллиф дар таълифи он аз илми забоншиносии халқу миллатҳои гуногун истифода бурдааст. Ӯ дар дебочаи китоб дар иртибот ба ин масъала чунин гуфтааст: “Ҳангоми таълифи ин сарфу наҳви тоҷикӣ аз асарҳои зайл истифода шудааст, аз “Дастури забони форсӣ”-и Ғулмуҳасини Кошиф ва Мирзо Абдулазими Эронӣ, аз “Сарфу наҳви арабӣ”-и Аҳмад Ҳодии Мақсудии Қаронӣ, аз “Сарфу наҳви туркӣ”-и Исмоил Ҳикмат ва Абдулло Шоиқи Озарбойҷонӣ, аз “Сарфу наҳви форсӣ”-и Мухаммад Рифъати Истамбулӣ, аз “Сарфу наҳви русӣ”-и Сухорӯф, аз сарфу наҳви гуногуни франсаӣ” [11, с.88].

Дар воқеъ, китоби “Сарфу наҳви тоҷикӣ”-и С. Ализода аз чанд ҷиҳат шоистаи пазиroy аст. Нахуст ин, ки то таълифи ин китоб он ҳама китобҳои форсӣ, ки навишта шуда буданд, бо исми забони форсӣ ёд шудаанд ва аввалин бор С. Ализода вожаи “тоҷикӣ”-ро ба исми китоби дарсӣ ворид сохт; дуюм ин, ки дар натиҷаи баҳрабардорӣ аз дастурҳои гуногун, аз ҷумла, дастурҳои русӣю аврупоӣ дар шарҳи бисёр масъалаҳои сарфу наҳви тоҷикӣ назари тоза баён шудааст.

Дигар аз ҷиҳатҳои ҷолиби “Сарфу наҳви тоҷикӣ”-и С. Ализода дар ин аст, ки шарҳу тавзеҳ ва маълумоти оид ба исму феъл додаи муаллиф табиати забони тоҷикиро инъикос менамояд. Масалан, муаллиф дар бораи исми ҳосе ом, зоту маънӣ, зируҳу беруҳ, муфраду ҷамъ маълумоти мушаххас додааст, ки имрӯз низ дорой арзиши баланди илмию таълимӣ мебошад.

Дар қисмати феъл С.Ализода муҳимтарин хусусиятҳои маъноӣ ва сохтории онро бо усулу равиши содаю фаҳмо баён намуда, низомии феъли тоҷикиро хуб нишон додааст. Ӯ шарҳи дастурии феълро нахуст аз масдар шуруъ карда, дар таърих ба фаҳмиши донишмандони пешин онро ба масдари доӣ ва толӣ, асли ва таҳфифӣ ҷудо кардааст. Дар ин китоби таълимӣ ҳамаи шаклҳои замони феъл аз рӯйи сифа оварда шудааст, ки хеле муносиб мебошад.

Дар фасли сеюми китоби мазкур мавзӯҳои бахши наҳв оварда шудааст. Ҳамчунон ки профессор Д. Хочаев таъкид менамояд: “Бо сабабҳои муайян доираи масъалаҳо, баррасии мавзӯҳои наҳв нисбат ба сарф дар китоб маҳдудтар аст” [77, с. 3].

Дар зерфасли 2.2.4.-и боби дуюм **“Раҳим Ҳошим ва ҷойгоҳи ӯ дар мубоҳисаҳои солҳои 20-30-юми асри XX”** мавриди арзишдоварӣ қарор гирифтааст.

Раҳим Ҳошим дар атрофи масъалаҳои мубоҳисаҳои солҳои 20-30-юм қарор гирифта, ҷандин мақолаҳо ба таъъ расонида, андешаҳои худро иброз доштааст. Раҳими Ҳошим дар мақолаи “Мирзо Фатҳалӣ Охундов” [59] оид ба масъалаи лотинӣ кардани алифбои арабӣ изҳори назар карда, аз ҷумла, чунин мегӯяд: “Масъалаи лотининонидан ва тағйир додани алифбои араб масъалаест, ки дар натиҷаи эҳтиёҷоти рӯзмарраи миллатҳои турк ва форс ба майдон омадааст” [59, с.149].

Конференсияи ноябрӣ доир ба алифбои нав дар бораи дар талаффузи тоҷикӣ будан ё набудани ин овозҳо (“ح” ва “ع”) ба як қарори қатъӣ омада натавонист, чаро ки дар ин бобат андешаҳои мухталиф пайдо шуд. Масалан, рафиқ Обид Исматӣ, – мегуяд Раҳими Мим, дар шумораи 266 “Овози тоҷик” мақолае навишта иддао мекунад, ки “аз забони тоҷикони Ўзбекистон ҳарфҳои мазкур шунда намешаванд”. Лекин инро дар ин шакл даъво кардан он қадар дуруст нест. Эҳтимол дорад, ки тоҷикони шаҳри Самарқанд ва рафиқ Обид “ح”-ро аз ҳалқ ва “ع”-ро аз маҳраҷ намегуяд, аммо бо ин даъво исбот намешавад. Агар муҳаққиқ Обид ақаллан, ба тарзи талаффузи тоҷикони Оҳалик, ки аз шаҳри Самарқанд танҳо 11 ҷаҳрим дурӣ дорад, диққат мекард, медид, ки “ح” ва “ع” аз “ج” ва “ي” фарқ дорад ва ин фарқ он қадар равшан аст, ки бо камтар диққат ба ӯ пай бурдан мумкин аст. Бо ин таъкидаш Раҳими Мим ҷонибдори қабули ин ду ҳарф дар алифбои тоҷикӣ мебошад.

Ҳамаи мулоҳизаҳои Раҳими Мим ҷолиби тавачҷуҳ буда, дар алифбои нав, ба истиснои қабули навишти ҳарфи калон, пазируфта мешавад.

Мақолаи дигаре Раҳими Мим бо унвони “Дар гирди забони адабии тоҷик чӣ менависанд?” як назаре ба мақолаҳои Музаффар, Диёкуф, Думбол ва профессор Шилд мебошад. Мақола хеле муфасссал буда, дар он суҳан аз боби забони адабии замони нав қадом аст, ё ба тарзи дигар бигуям, асоси забони адабии нав чиро қарор додан дарқор аст?, меерад.

Дигар аз мақолаи Раҳим Ҳошим, ки дар атрофи масъалаҳои алифбо, имло ва забони адабии тоҷикӣ навиштааст, “Дар атрофи масъалаи алифбои нав дар Эрон” ном дорад. Дар мақола суҳан аз он меерад, ки кишвари Туркия низ дар ҳамон солҳои 1928-29 ба алифбои нави ба асоси лотинӣ дуруст қардашуда мегузарад ва ин ҳаракат ба Эрон низ таъсир меерад. Аз ҷониби чанд нафар ба мисли Саид Нафисӣ, Рашиди Ёсамӣ, Ҳусайни Зандонӣ лоиҳаҳои гуногун пешниҳод мешавад.

Мақолаи дигари Раҳим Ҳошим матни маърузаи ӯ мебошад, ки ба муносибати конференсияи илмӣ тоҷикони Ўзбекистон бо номи “Дар атрофи ҳал қардани масъалаҳои забон, алифбо ва имло” дар рӯзномаи “Тоҷикистони сурх”, 11 феввали 1930 нашр шудааст. Дар мақола таъкид шудааст, ки дар назди конференсияи илмӣ 3 масъалаи муҳим меистад:

1. Масъалаи забони адабӣ
2. Масъалаи алифбо
3. Масъалаи имло

Ҳамин тавр, аз таҳлили мақолаҳои Раҳим Ҳошим бармеояд, ки ӯ бо диду назари илмӣ дар мувоҳиша ва ҷаласаҳои илмӣ иштирок намуа, барои ҳалли дурусти масъалаҳои забони адабии тоҷик алифбо, имло ва истилоҳ пешниҳодҳои созанда манзур намуадааст.

Зерфасли 2.2.5.-и боби дувум мавзуи “**Абдурауф Фитрат ва саҳми ӯ дар мувоҳишаҳои солҳои 20-30-юми асри XX**”-ро дар бар мегирад.

Соли 1930 китоби А. Фитрат бо номи “Қоидаҳои забони тоҷик” [74] (сарфу наҳв), дастраси хонандагони тоҷик гардид. То таълифи ин асар китобҳои дарсии С. Ализода “Сарфу наҳви тоҷикӣ” (1926), Т. Зеҳнӣ “Сарфи забони тоҷикӣ” (1930) ба таъъ расида буданд, аммо замона тақозо дошт, ки грамматикаи шаклӣ

навишта шавад. Дар ин бобат А. Фитрат дар пешгуфтори дастури таълимии “Қоидаҳои забони тоҷик” (сарфу наҳв) чунин гуфтааст: “Бо ин ҳама (муаллиф дар назар дорад он ҳама дастуру китобҳои дарсиеро, ки аз асосҳои дастури забони тоҷикӣ то таълифи асари ӯ навишта шудаанд - Ҳ. В.) боз ҳам набудани як сарфу наҳв, ки махсусан, барои мактаб ва ба асоси шаклӣ навишта шуда бошад, назари диққати Нашриёти давлатии Тоҷикистонро ба худ кашида ва ин хидматро ба ман ҳавола намуданд” [74, с. 65].

Дастури таълимии А. Фитрат “Қоидаҳои забони тоҷик” дар натиҷаи таҳлили маводди чандин сол ғирдовардаи муаллиф дар муқоиса ва муқобала бо маълумоти кутуби дигар таълиф шуда, маълумоти муқаддимавиеро аз савтиёт ва дастури забони тоҷикӣ фаро гирифтааст.

Бисёр ҷолиби таваҷҷуҳ аст, ки А. Фитрат ҳануз дар ҳамон солҳои микдори овозҳои забони тоҷикиро 31 адад доништааст, ки ба шинохти имрӯзи фонемаҳои забони тоҷикӣ мувофиқ меояд. Дар дастури мазкур ҳодисаи ҳичо ва ҳичочудокунӣ, зада ва қолабҳои заданокии калимаҳои тоҷикӣ мушаххасан шарҳ дода шудааст. Маълумоти пурраи дастури “Қоидаҳои забони тоҷик”-и А. Фитрат дар бораи сарфи забони тоҷикӣ ҳеле мувофику муфид буда, қариб ҳамаи паҳлуҳои илми сарфи тоҷикиро дар ҳадди таълими мактаби ҳамагонӣ фаро гирифтааст, ҷунончи, ӯ таҳқиқи сарфии калимаро дар асоси маънӣ мероси ҷунониҳо доништа, онро бисёр қушнашуда медонад ва дар ин ақида аст, “аввалан, сарф ҷиҳати берунии калимаро, яъне шакли калимаро, ғирифта, дигаргун шудан ва тағйир ёфтани ҳамон шаклро таҳқиқ мекунад, бинобар ин, агарчи аз ҷиҳати дарунии калима, яъне аз маънии калима, тамоман қатъӣ муносибат накунад, боз ҳам ӯ (яъне сарф) маънии калимаро асоси қорҳои худ қарда наметавонад, дуюм, тақсими мантиқии сарф як ҳудуди маълум ва муайян надорад, калимае, ки мо вайро сифат мегуем, баъзан исм мешавад ва калимае, ки мо вайро исм мегуем, гоҳҳо сифат шуда мемонад, ҷунончи, калимаҳои “бузург”, “хурд”, “сангин”, сифат ҳастанд ва гоҳҳо исм ҳам мешаванд (Бузург, Хурд, Сангин номи одамҳо ҳастанд) ва калимаҳои “намад”, “гов”, “муш”, исм буда, гоҳҳо сифат ҳам мешаванд: Ҳалими намад, Неъматӣ гов, Аҳмади муш”.

Дар фасли ҳиссаҳои ғиридиҳандаи нутқ, ки бо номи “ғирдамчиҳо” омадааст, пешоянду пасояндҳо, пайвандаку ҳиссачаҳо омехта қарда шудааст. Ҷунончи, муаллиф меғуяд: **Агар** ин пешоянд дар аввали калима омада, шартӣ будани ҷумларо ифода мекунад. Агар имрӯз биёӣ, боз ҳам меравем. Агар наёӣ, намеравем. Агар китоб аз туст, бигир. Ё ин ки: **Ҳатто** – ин пешоянд ба ниҳоят расонидани мазмуни ҷумларо ифода мекунад. Бисёр зорӣ қарда, ҳатто ғирист. Ҳеч қас, ҳатто худат ҳам набудӣ. **Аслан** - ин ҳам аз арабӣ ғирифта шудааст ва хизмати ҳар ҷизро мекунад. Ин боғ, аслан, мева надорад. Ман туро, аслан, надидаам [74, с. 65].

Қисми сеюми дастури таълимии А. Фитратро қоидаҳои марбути наҳв фаро гирифтааст. А. Фитрат дар шарҳи мавзӯҳои наҳв низ ба дараҷае шаклгара аст, ки чунин қазоват қардааст: “Наҳв, ки як қисм аз қоидаҳои забон аст, албатта, аз ҳамин хат (дар назар дорад шакли берунии ҷумлаҳои забонро-Ҳ. В.) баромада наметавонад. Наҳв ҳам шакл ва тартиби берунии ҷумлабандиро ва ҷи гуна тартиб шудани калимаҳои дар ҷумла будагиро тадқиқ мекунад. Инак, аз ҳамин нуқтаи

назар нахвро таъриф мекунем: “Нахв – илмест, ки намоиши берунии калимаҳои дар ҷумла будагиро ба шакли берунии таркиби ҷумлабандӣ тадқиқ мекунад” [74, с. 65].

Тавре ки аз иқтибоси ҷавҳ маълум аст, дар таъриф ва шинохти нахву қонунҳои он низ А. Фитрат қомилан ба зоҳири ҳодисаву воҳидҳои нахв эътибор додааст, аммо ҷиҳати маъноии воҳидҳои нахв, ҳамнишинии мантиқии воҳидҳои сатҳи гуногун дар ҳаёти қавлу калом сарфи назар шудааст.

Хулоса, дастури таълимии А. Фитрат дар ташаккули забоншиносии навини тоҷик аввалин таҷрибае аз усули сохтгари буда, бисёр ҷиҳатҳои сохтори сарфиву нахвии забони тоҷикиро равшану возеҳ намудааст. Дар таърихи шаклгирии забоншиносии навини тоҷик бо таъсири назарияи забоншиносии рус ва Аврупо усули сохтгарию дар таълифи дастурҳои забони тоҷикӣ қорӣ намуд.

Зерфасли 2.2.6.-и боби дуюм **“Абдулвоҳид Мунзим ва нақши ӯ дар мубоҳисаҳои солҳои 20-30-юми асри XX”** номгузорӣ шудааст.

Мубоҳисаҳои солҳои 20-30-юми асри XX дар атрофи забони тоҷикӣ ҷаълолаи ширкат варзида, назари худро оид ба масъалаҳои баҳсалаби забони тоҷикӣ ва асосҳои дастурии он дар як даста маҳалаҳои баён кардааст.

Мақолаи аввали А. Мунзим ба номи “Дар бораи забони адабии тоҷикӣ” [51] мебошад. Мазмуну мундариҷаи мақоларо баҳсҳои ду ҷониб доир ба забони адабии тоҷикӣ ташкил медиҳанд.

А. Мунзим ҷонибдори ин ақида аст, ки забони форсии дар Эрон роиҷбуда низ ба ҳамаи тоҷикони бошандаи Эрон фаҳмо нест, зеро он дорои калимаву таркиботу истилоҳоти арабӣ мебошад, агар онро мо қабул намоем, аксари кулли тоҷикон, хусусан, ба ғайр аз аҳли саводе, ки забони арабиро то андозае медонанд, ба оммаи мардуми тоҷик фаҳмо нест ва як мисоле аз гуфтори мардуми арабидони Эрон меорад, ки ин аст: “Ҳар кас медонад, ки “ташнае об бинӯшад”-ро ҷунонқи навиҷандагони Осиёи Миёна ва Эрон мефаҳманд, оммаи халқи тоҷик низ мефаҳманд, вале “аташоне моъ бишурбид”-ро ба ҷуз адибони Эрон ва ҷанде арабидонон дигар касе намефаҳманд.

Дар ин мақола А. Мунзим боз мисоли дигар меорад, ки ин аст: “Гурӯҳи аввал (яъне ононе, ки забони форсии Эронро ҷонибдорӣ мекарданд - Ҳ. В.) менависанд, ки:

Замин сабз шуд аз нузули рабеъ
Даромад ҷу зумруд ба шакли бадеъ”.

Гурӯҳи дувум мегуяд:

Баҳор омад, аз сабза рӯй замин,
Ҳама гашт зебо зумуррад барин [51, с. 400].

“Бубинед, ки аз ин ду байт, – мегуяд А. Мунзим, кадомаш осонтару ба фаҳми омма наздиктар аст. Касе, ки адабиёти тоҷикӣ менависад, “баҳор омад”-ро монда ба кадом забон “нузули рабеъ” мегуяд. Шакли “бадеъ”-ро ба ҷуз якҷанд арабидон дигар нафаре намефаҳманд. Агар ошиқони забони Эрон,-суханаширо идоме медиҳад А. Мунзим, осонро даркор надонанду оммаро ба ҷашм нагиранд, бисёр ғалат мекунад” [51, с. 401].

Ба ҳамин тариқ, А. Мунзим дар масъалаҳои забони адабии тоҷикӣ ҷонибдори ақидаест, ки забони адабии тоҷикиро сода, осон ва аз калимоту ибораҳои номафҳум тоза карда, дастраси оммаи васеи тоҷикон бояд намуд.

Дар зерфасли 2.2.7.-и боби дувум мавзуи **“Баҳриддин Азизӣ ва мавқеи ӯ дар мувоҳисаҳои солҳои 20-30-юми асри XX”** баррасӣ гардидааст.

Яке аз аввалин мақолаҳои Б. Азизӣ, ки ба масъалаи забони тоҷикӣ иртибот дорад, бо номи “Ба муносибати тақсимои минтақагӣ” [3] ба нашр расидааст. Дар солҳои тақсимои ҳудудии миллии баъзе ноҳияҳои ҳудуди Хучанд (Суғд)-ро ба Ҷумҳурии Ўзбекистон медиҳанд, ки забонашон тоҷикӣ ва миллиташон тоҷик аст, чунончи, Азизӣ мегӯяд: “Қитъаи Конибодом ва Исфара, ки ба Ҷумҳурии Ўзбекистон монда буд, азбаски ҳама тоҷикнаҷод ва забону одаташон тоҷикӣ буд, маҷбур шуданд, ки қорҳои маорифу иқтисодии худро ба забон ва одати худ баранд” [3, с. 94].

Б. Азизӣ таҳти сарлавҳаи “Ба алифбои нав забони қучоро асос гирифта шавад?” мақолаи нашр намудааст.

Дар мақолаи сухан аз он шуруъ мешавад, ки дар моҳи ноябри соли 1927 дар шаҳри Самарқанд бо иштироки қисме аз зиёиён маҷлис гузаронида мешавад ва дар он лоиҳаи тартибдодаи Фитратро асосан қабул менамоянд.

Андешаҳои Б. Азизро дар мақолаи метавон ба ин тартиб гурӯҳбандӣ намуд:

1. Забони адабии тоҷик то Инқилоби Октябр махсуси як синфи боло буда, аз дарбор – сарои амирӣ ва мадраса берун набаромада буд, китобе, хоҳ назм ва хоҳ наср аз тарафи ҳамон синф навишта мешуд, ҳонда фаҳмиданаш махсуси ҳамон ҷомеа буд. Дар мактабу мадрасаҳо ғайр аз хондани сарфу наҳви забони арабӣ, аз сарфу наҳви забони тоҷикӣ ё худ форсӣ бӯйе набуд.

2. Б. Азизӣ таъкид мекунад, ки ҳамчунон ки меҳнаткашу деҳқони тоҷик дар давраи феодалӣ ва подшоҳӣ аз ҳама ҳуқуқи сиёсӣ ва миллии маҳрум буданд, инчунин аз адабиёти хаттии худ ҳам дур афтода буданд. Баъд аз Инқилоби Октябр адабиёти тоҷик як қадар шакли дигар гирифта, матбуоти мо ба омма наздик шуда истодааст.

3. Ба мо вақте расидааст, ки барои адабиётаномро ба оммаи меҳнаткашони тоҷик наздик кардан забони адабро ба як шакли муайян дароварда, тамоман аз шакли мадрасагӣ халос намуда, мувофиқи ҳамин сарфу наҳви тоҷикиро дуруст кунем.

4. Ба фикри гурӯҳи дуум, ки ба омма наздик кардани забони адабӣ ва ба як шеваи маҳаллии тоҷикнишини Осиёи Миёна таъя кардани қабул медонанд, дар таъйини маҳал ихтилоф намуда, гурӯҳе ба шеваи тоҷикони қўҳистон ва гурӯҳе ба шеваи шаҳри Бухоро ҷудо шуда, аз дигар ҷойҳо ғоида гирифтаниро зарур медонанд.

5. Аз истилоҳҳои бегона, ки ба забони имрӯзаи тоҷик даромада ҳазм шудааст, ҳазар ноқарда, дарқориашро аз қадом забон, ки набошад гирифта, ба қоидаи забони тоҷикӣ мувофиқ кардан дарқор аст.

Воқеан, ин пешниҳодҳои Б. Азизӣ дар ҳамон солҳо як ҷуръати қалон барои тозагӣ ва сода кардани забони тоҷикӣ ва раҳой аз иқтибосҳои номатлуб

хизмати бузург буда, дар рушди баъдии афкори забоншиносии навини тоҷик аз аҳаммият ҳолӣ нест.

Зерфасли 2.2.8.-и боби дуюм **“Бектош (Нарзулло Ҳайдарӣ) ва масъалаҳои забоншиносии навини тоҷик”** ном дошта, оид ба фаъолияти илмӣ ва адабии Бектош суҳан меравад. Муҳаққиқи мазкур солҳои 20-уми садаи XX дар баҳши забоншиносӣ ба масъалаҳои алифбо, хусусияти овони забон ва забони адабии тоҷикӣ, истилоҳгузинӣ, имло ва ғайра тавачҷуҳ зоҳир карда, дар ин самт мақолаҳои “Аз қуҳна ба нав”, “Тезис барои ташвиқоти ҷиёни алифбои нави тоҷикӣ” (1928), “Дар атрофи забони адабии тоҷик” (1930)-ро навиштааст. Дар таълиф ва таснифи “Луғати тоҷикӣ-русӣ” (1932, ки ба сабаби айбмониҳои сиёсӣ ба таъъ нарасид) иштирок кардааст.

Яке аз таҳқиқи ҷиддӣ ва муҳими Бектош “Дар атрофи забони адабии тоҷик” [16] ном дошта, он ба масъалаҳои забони адабӣ, меъёрҳои он ва роҳҳои тақмили забон баҳшида шудааст.

Нарзуллоҳи Бектош чунин меафзояд: “Дар ин масъала ҷойи ҳеҷ мунозира ва шубҳа нест, зеро ки ин ду масъалаи ба ҳамдигар вобаста низ аз масъалаҳои ногаҳонӣ набуда, аз талабу эҳтиёҷи зиндагии навомузи меҳнаткашон нишот кардааст” [16, с. 530].

Ба ин андешаи муаллиф розӣ шудан мумкин аст, зеро оммафаҳм кардани забони адабро на ин ки “як тӯда мунавварони булҳавас” [16, с. 530] ба миён гузоштаанд, балки аз эҳтиёҷоти ҳуди омма ва шароити ҷамъиятӣ сар задааст.

Ин ду шакли як забон – забони адабӣ ва забони гуфтугӯ, бо вучуди аз як сарчашма об ҳурдан аз ҳамдигар тафовут доранд, лекин онҳоро бо адабӣ будан ва набудан ҷудо кардан дуруст нест. Ҷаро ки забони адабӣ аз ҷониби адибон ва шоирон коркард шуда, асарҳои адабӣ эҷод мешаванд, забони оммагӣ (гуфтугӯ) аз ҷониби халқ, аз тарафи гуяндагон ва достонсароён тақмил дода мешавад.

Дар мавриди аз ҳам ҷудо шудану бо ҳам омадан ва гум шудани забонҳо назари муаллиф ин аст, ки забони як халқ вобаста ба мавқеи ҷуғрофӣ, тарзи зиндагӣ ва дигар сабабҳо ба шеваю лаҳҷаҳои зиёд ҷудо мешавад. Дар дунё халқияту миллате нест, ки дар гули ҳаёт забонаш ба тағйирот дучор нашуда бошад. Забонҳои имрӯзаи ориёӣ, ки дар рӯйи замин як оилаи бузургро ташкил медиҳанд, аз ҳамин қабил мебошанд. Лаҳҷаҳои имрӯзаи Эрон, Афғонистон, Ҳиндустон, Осиёи Миёна, ҳатто забонҳои имрӯзаи Помир ва ҳоказо низ ба ҳамин тариқ аз ҳамдигар ҷудо шудаанд.

Халқҳое, ки дар гули таърих аз ҳамдигар дур зиндагӣ мекарданд, бо ягон сабаб дар як ҷой зиндагӣ оғоз намоёнд ва забонҳои онҳо бо ҳамдигар наздик бошад, дубора бо ҳам омезиш ёфта, хусусиятҳои якхела касб карда, як забон шуда мераванд. Муаллиф мисол меорад, ки: “дар натиҷаи зиндагии муштарак булғорҳо (ки наҷоди туркианд) бо славянҳо, забони славянӣ булғориро пеша карда, забони умумӣ шудааст. Ё ки яҳудиҳои маҳаллии бухорӣ забони аслии сомии ҳудро тамоман гум карда, ба забони тоҷикӣ гуфтугӯ мекунанд. Ин гуна ҳодисаҳоро таърих бисёр дар оғӯш кардааст” [16, с. 531].

Муаллиф таъкид мекунад, ки забони адабӣ бояд равон, сода ва фаҳмо бошад. Ё аз истифодаи калимаҳои зиёдатиӣ мураккаб ва бекори бегонаҳо ҳазар менамояд ва пешниҳод мекунад, ки бештар аз захираи луғавӣ ва сарвати ҳудии

точикӣ истифода шавад. Забон ҳамчун василаи иртибот бояд манфиати мардум, эҳтиёҷоти ҳаёти воқеии онҳоро ифода кунад ва забон бояд ба забони ҳаррӯзаи мардум ҳар чи бештар наздик бошад. Ба андешаи ӯ, ҳам мазмун ва ҳам шакл бояд мутобиқи талаботи замон ва меъёрҳои илмӣ тақмил ёбанд. Забонро унсури марказии фарҳанг ва василаи асосии ифодаи арзишҳои миллӣ медид. Забони адабӣ набояд “ифтихори пур аз бегонаасозӣ” бошад.

Дар мақола гуфта мешавад, ки буридани калимаҳои ғайриточикӣ ва тақвияти пояи вожагони тоҷикӣ зарур аст. Ӯ истифодаи вожаҳои аслии тоҷикӣ ва сода кардани услубро муҳим мешуморид, то ки забон фаҳмо ва наздик ба гуфтугӯи мардум бошад. Зарурати доштани меъёр ва қоидаҳои возеҳро барои забони адабӣ таъкид менамояд ва истифодаи таҷрибаи дигар миллатҳо, аз ҷумла, забонҳои аврупоиро дар соҳаи меъёрсозӣ муҳим мешуморад. Бектош риояи меъёрҳои адабӣ ва така ба омузишу таҳқиқоти илмиро дастури зарурӣ медонист.

Хулоса, асарҳои Бектош ба поксозӣ ва содагардонии забон, таҳқиқи назариявӣ, эҳёи арзишҳои миллӣ, меъёрҳои адабӣ, мутобиқсозии алифбо, тақмили меъёрҳо, таҳкими худшиносии миллӣ ва навоҳарии илмию амалӣ ба рушди забоншиносии навини тоҷик ва ба талаботи замон ҷавобгу сохтани забон дар ин марҳилаи рушди афкори навини тоҷик заминаи устувор гузоштаанд.

“Баҳром Ҳочизода ва афкори забоншиносии ӯ” унвони зерфасли 2.2.9.-и боби дувум мебошад.

Дар аксари рисолаҳои таҳқиқотӣ, ки солҳои 50-80-уми асри XX ба масъалаҳои муҳими наҳви забони тоҷикӣ бахшида шудаанд, ба китоби дарсии М. Беленитский ва Б. Ҳочизода “Наҳви забони тоҷикӣ” (1936) ишора карда шудааст. Ин аз он шаҳодат медиҳад, ки асосҳои илмии ин китоби дарсӣ нисбат ба китоби дастурҳои ҳамгунаш саҳеҳтару бозғаймидатар аст. “Наҳви забони тоҷикӣ”-и М. Беленитский ва Б. Ҳочизода яке аз беҳтарин китобҳои дарсӣ аз наҳви забони тоҷикӣ маҳсуб ёфта, бо алифбои лотинӣ навишта шудааст.

Китоби дарсии “Наҳви забони тоҷикӣ” [17]-и М. Беленитский ва Б. Ҳочизода аз шарҳи воҳиди асосии нутқ – ҷумла, шуруъ шудааст. Муаллифон арзиш ва мақоми ҷумла, яъне хусусияти муҳобиротии ҷумларо, ёдрас шуда, муҳокимаҳояшонро ба воситаи мисолҳои мушаххас тасдиқ намуда, чунин хулоса кардаанд: “Як калима ё якчанд калимаҳои ба ҳам алоқадор, ки фикреро мефаҳмонанд, ҷумла номида мешавад” [17, с. 14].

Дар шарҳи аломатҳои китобатии баёнӣҳо дар ин китоби дарсӣ як таъкиди муҳим, ки имрӯз ҳам аҳамияти худро нигоҳ доштааст, ин аст, ки агар калимаи баёншаванда ҷонишин бошад, дар ин сурат баёнӣро бо вергулҳо аз байни дигар ҳиссаҳои ҷумла ҷудо мекунанд. Масалан: Мо, зарбдорон, дастаи пешкадами муборизони план мебошем [17, с. 54].

Мутаассифона, дар навиштори имрӯза ана ҳамин қоидаи аломатгузории баёнӣ, ки ҳануз зиёда аз 90-сол пеш ба китоби дарсӣ ворид шудааст, риоя намешавад.

Муаллифони китоби дарсӣ моҳияти сохторию маъноии ҷумлаи сода мураккабро дуруст шарҳ доданд, аммо истилоҳи “ҷумлаи мураккаб”-ро истифода накарда, ҷумлаи пайваста гуфтаанд. Чунончи: “Ҷумлаҳое, ки онҳоро боз ба

чумлаҳои алоҳида тақсим кардан мумкин аст, яъне аз як шудани чумлаҳои алоҳида ташкил ёфтаанд, чумлаҳои пайваста номида мешаванд” [17, с. 140].

Дар ин китоби дарсӣ моҳияти дастурии чумлаҳои пурраю нопурра, унвонӣ, номуайяншаҳс, чумлаи ҷидаъзо, муҳотаб ва аломатҳои китобат дар онҳо дуруст шарҳ дода шудааст. Махсусан, воситаҳои дастурии алоқабандии аъзоҳои ҷида хеле ботафсил ва нозукона тарҷеҳ шуда, аломатҳои китобати аъзоҳои ҷида равшану возеҳ нишон дода шудаанд.

Дар маҷмӯъ, китоби дарсии “Наҳви забони тоҷикӣ”-и М. Беленитский ва Б. Ҳочизода барои равшан шудани таърихи ташаккули афкори забоншиносии тоҷик дар солҳои 40-50-уми асри XX ва таълифи китобҳои дарсии ҷавобгӯӣ давру замон аҳамияти муҳим дорад.

Дар зерфасли 2.2.10.-и боби дуюм оид ба **“Ҳомид Бақозода ва мақоми ӯ дар ташаккули забоншиносии навини тоҷик”** суҳан рафтааст.

Ҳ. Бақозода ҳамагӣ 17-18 сол дошт. ки дар маҳфилҳои илмӣ ва мувоҳисаҳои мафкуравӣ атрофи забони тоҷикӣ ширкат варзида, дар саҳифаҳои матбуот мақолаҳо ба нашр мерасонид. Ин нуктаро аз мақолаи “Китобҳои тоҷикӣ” ба ҳуҷӣ мушоҳида метавон кард. Дар ин мақола ӯ ба хусусиятҳои забонии як китобчаи тарҷумашуда, ки ҳамагӣ 30 саҳифа аст, эрод гирифта, аз ҷумла, таъкид кардааст, ки ба ҷойи калимаҳои душворфаҳми арабии “деҳотии мутамаввил”, деҳотии мутавасситааҳвол, деҳотии фақир – деҳотии бой, деҳотии миёнаҳол, деҳотии камбағал гуфтан беҳтар аст.

Дар мақолаи дигар, ки бо номи “Дар гирди алифбои нави тоҷикӣ” [14] ном дорад, оид ба низоми фонемаҳои садоноки тоҷикӣ баҳс намуда, низоми 7 фонемагиро ҷонибдорӣ мекунад: е, о, а, у, ӯ, и, ё.

Ҳ. Бақозода ба онҳое, ки **и**-и дароз (ба истилоҳи онҳо зери дароз)-ро қабул надоранд, баҳс карда, мегӯяд, ки оё дар байни **гил** ва **тартиб** фарқи овозӣ нест? Албатта, ҳаст. Дар вақти **гил** гуфтан овози зери кутоҳ ба кор бурда мешавад, аммо дар вақти **тартиб** гуфтан овози зери дароз. Хулоса, лозим аст, ки овози дарози **й** ба ҷояш истад.

Ҳамин гуна андешаи дигари Ҳамид Бақозода дар бораи овози садоноки **ӯ** дида мешавад. Вай ба муаллифи мақолаи “Дар гирди алифбои нави тоҷикӣ” Аълозода баҳс карда, ин таъкиди ӯро: “Аз алифбо берун кардани шакли **й**-и дароз ва **ӯ**-и дароз хуб аст, он гоҳ, гаранг намешавем” рад намуда, мегӯяд: “Масъаларо ин навъ гузоштан хуб нест... Мо ҳарфҳои овоздорро (мақсадаш садонокҳо-В. Ҳ.) барои ин қабул кардем, ки ҳар як калимаро мувофиқи оҳанги забон нависем, масъалаи ба кучо қор фармудани **ӯ**-ро худӣ овоз нишон медиҳад. Умуман, бояд аз 8 ҳарфи овоздор фақат **ӯ** бардошта шавад ва дигараш қабул гардад” [14, с. 517]. Бубинед, ки имрӯз ҳам дар мавриди овози “**ӯ**” баҳс идома дорад, чаро ки ҳамон солҳо ин баҳс хулосаю анҷоми илмии худро наёфта будааст ва то имрӯз боқӣ мондааст.

Китоби “Сарфи забони тоҷикӣ” [32]-и Т. Зехнӣ ва Ҳ. Бақозода доир ба масъалаҳои сарфи забони тоҷикӣ гуфтугӯ намуда, аз ду бахш: Бахши аввал аз шарҳи муҳимтарин масоили савтиёт ба мисли: узвҳои гуфтугу (гуфтор), овозҳои садонок, бесадо (ҳамсадо), тавсифи овозҳои ҳамсадо вобаста ба узвҳои гуфтор, табдили овозҳо, тағйироти савтии калимаҳо, овозҳои кучанда, ҳичо, сохти ҳичои

точикӣ, зада шуруъ шудааст, ки аз савияи баланди забоншиносии Ҳамид Бақозода дарак медиҳад.

Дар китоби дарсии “Сарфи забони тоҷикӣ”- и Т. Зехнӣ ва Ҳ. Бақозода феъл ҳамчун ҳиссаи нутқ мавқеъи муҳим дорад. Нахуст муаллифон ба феъл ҳамчун ҳиссаи мустақили нутқ, чунин таъриф додаанд: “Феъл калимае аст, ки қор, таъсир, ҳаракатро мефаҳмонад ва ба саволҳои (чӣ қард?, чӣ мекунад?, чӣ шуд?) ҷавоб медиҳад. Мисол: навишт, хон, меравад, омада истодааст. Феълҳо аз гурӯҳҳои дигари калима бо замон доштани худ фарқ мекунанд” [32. с.134].

Ин дастури муаллифон ҳарчанд дар доираи барномаи синфи 5-ум ҳам бошад, бори аввал системаи феълро ҳеле муфассал мушаххас ва то андозае бо фарогирии ҳамаи шаклҳои замон, ҳамчунин, қорбасти истилоҳоти тоҷикӣ тасвир қардаанд.

Боби сеуми диссертатсия “**Ташаккули забоншиносии навини тоҷик дар солҳои 40-50-уми асри XX**” ном дошта, аз як фасл ва се зерфасл иборат аст. Як вижагии ин марҳилаи рушди афкори забоншиносии навини тоҷик ин аст, ки дар ин давра дар қатори баъзе муҳаққиқони шарқшиносии русу насли қалонсоли донишмандону адибони тоҷик як зумра олимону адибони ҷавони умедбахши маҳаллӣ низ ба майдони илми забоншиносӣ ворид гардиданд. Дар солҳои 40-50-уми асри XX дар таҳқиқи масъалаҳои забоншиносӣ, таълифи китобҳои дарсӣ аз асосҳои дастури забони тоҷикӣ барои зинаҳои гуногуни таҳсилот ва пажӯҳиши шеваҳои тоҷикӣ бисёр муҳаққиқон, аз ҷумла, В. С. Расторгуева, Т. Зехнӣ, О. Сухарева, Ҳ. Бақозода, Б. Ҳочизода, С. А. Арзуманов, С. Н. Нестеренко, Л. Бузургзода, Ҳ. Қаримов, А. Мирзоев, М. Ғафуров, Ш. Ниёзӣ, Б. Ниёзмӯҳаммадов, А. Деҳотӣ, Б. Раҳимзода, Д. Тоҷиев, М. Фозилов, М. Исматуллоев, М. Эшонҷонов ва дигарон ҳеле ғайб буданд.

Солҳои 40-уми асри XX оид ба шоҳаҳои гуногуни илми забоншиносии навини тоҷик як қатор мақолаву асарҳои илмӣ ба таъбир мерасанд, чунончи: Л. Бузургзода “Қорбайтҳои халқӣ ва хусусиятҳои шеваи Қонибодом”, “Синтаксиси муҳтасари забони тоҷик” [18], А. Мирзоев, Ш. Ниёзӣ, М. Ғафуров. “Грамматикаи забони тоҷикӣ”.

Таъини солҳои 40-ум баъзе таҳқиқот оид ба шеваҳои тоҷикӣ низ бурда мешавад, ки натиҷаи онҳо дар шакли мақолаву рисолаҳои илмӣ пешниҳод гардиданд.

Дар мақолаи С. И. Климентский “Дарвазский фахлавийёт” маълумот оид ба шеваи Дарвоз оварда мешавад. Соли 1948 мақолаи В. С. Расторгуева ба номи “Қ хаттисту Ваззобского говора” ҷоп мешавад. Дар ҳамин соли 1948 таҳқиқи А. Н. Болдирев бо номи “Бадахшанский фольклор” нашр мешавад, ки дар он оид ба хусусиятҳои фонетикӣ ва морфологӣ маълумот медиҳад. Дар ин солҳо ба таҳқиқи шеваҳои забони тоҷикӣ диққати бисёр дода шудааст.

Солҳои 1948-49 экспедитсияи шевашиносӣ ташкил қарда мешавад. Обьекти таҳқиқи ин экспедитсия таҳқиқи шеваи Қӯлоб ва ҳавзаи дарёи Қизил-су ва Ях-су, Ховалинг, Балҷувон, Сари Ҳосор, Қангурт, Мӯъминобод, Шӯрообод ва Даштиҷум таъин мешавад.

Натиҷаи ин экспедитсия дар мақолаи В. С. Соколова “Итоги Кулябской диалектологической экспедитсии” соли 1951 ҷоп мешавад. Соли 1949 Л. В.

Успенская дар мавзуи “Каратагский говор таджикского языка” (“Шеваи Қаратоғ”) рисолаи номзадӣ дифоъ менамояд.

Бояд гуфт, ки дар солҳои 50-уми асри XX ба сохти сарфиву нахвӣ забони тоҷикӣ диққати махсус дода шудааст. Дар ин давра як даста асарҳои таҳқиқотии забоншинос Д. Тоҷиев ба монанди: “Слово “об” вода в современном таджикском языке” (1952), “Причастия в современном таджикском литературном языке” (1954), Способы связи определение с определяемым в современном таджикском литературном языке” (1955), асари Ш. Ниёзӣ бо номи “Исм ва сифат дар забони тоҷикӣ” (1954), асари Б. Ниёзмӯҳаммадов бо номи “Ҷумлаҳои сода дар забони тоҷикӣ” (1956) ва “Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик” (1959) ном асари Н. Маъсумӣ нашр мешаванд, ки барои инкишофи бахшҳои гуногуни забоншиносии навини тоҷик заминаи боэътимод маҳсуб меёбанд.

“Баррасии осори илмӣ муҳаққиқони забоншиносии ин марҳилаи забоншиносии навини тоҷик” унвони фасли якуми боби се буда, дорои се зерфасл мебошад.

Унвони зерфасли якуми фасли сеюми боби сеюм **“Лутфулло Бузургзода ва саҳми ӯ дар таҳқиқи баъзе масъалаҳои забоншиносии тоҷик”** мебошад. Лутфулло Бузургзода дар бахши хеле камомухтаи забоншиносии тоҷик – нахв, нақши чашмрас дорад. Соли 1942 китоби дарсии Л. Бузургзода “Синтаксиси мухтасари забони тоҷикӣ” [18] рӯйи қор омад.

Л. Бузургзода дар китоби дарсӣ оид ба ғурӯҳбандии ҳелҳои ҷумлаи пайрави таркиби ҷумлаи мураккаби тобеъ маълумоти назариявии нисбатан нав пешниҳод намудааст. Муаллиф пас аз шарҳу эзоҳ ҷумлаҳои пайравро ба се ғурӯҳ ҷудо кардааст: а) Онҳое, ки ба аъзоҳои пайрав монанданд; б) Онҳое, ки ба саръаҳо монанданд; в) Онҳое, ки ба аъзоҳои ҷумла монанд нестанд” [18, с. 32].

Ин ғурӯҳбандии ҷумлаҳои пайрав аз ҷониби Л. Бузургзода иқдоми нахустин ва бисёр бомантиқ аст. Аммо муҳаққиқ ҷумлаҳои пайрави макону замон, сабабу мақсад ва натиҷаро аз ҳелҳои ҷумлаи пайрави пурқунанда доништааст, чунончи: Ҷумлаҳои пурқунандаи бавосита аз рӯйи маъно ва вазифаи худ ба ҳелҳои зерин ҷудо мешаванд: а) Ҷумлаи пурқунандаи сӯй (Ту ба кучое, ки равӣ, ман ҳам ба он ҷо меравам) [5, с. 128]; б) Ҷумлаи пурқунандаи баромад-ҷудой (Бозор аз кучое, ки гузарад, ман аз он ҷо мегузарам) [6, с. 132]; в) Ҷумлаи пурқунандаи макон (Дар кучое ки шолӣ ҳаст, дар онҷо қурмак ҳаст) [6, с. 132]; г) Ҷумлаи пурқунандаи замон (Дар вақте ки офтоб ба болои сари Ятим.расида буд, туркман аз қулбаи худ баргашта омад [5, с. 213]; д) Ҷумлаи пурқунандаи интиҳо (Бо ҳар кучое ки хоҳӣ, то ба он ҷо бурда мерасонам) [5, с.232]; е) Ҷумлаи пурқунандаи сабаб (Аҳли маҷлис моро намешинохт, зеро ки ман ба ин район фақат ду рӯз аз ин пеш омада будам) [85, с. 98]; ё) Ҷумлаи пурқунандаи мақсад (Ман омадам, ки шуморо бинам) [85, с. 145]; з) Ҷумлаи пурқунандаи натиҷа (Барф ки борида, хунук шуд) [85, с. 67].

Ба ҳамин тартиб ҷумлаи пайрави ҳамроҳӣ – восита, ҷумлаи пурқунандаи иборагӣ, ҷумлаи пурқунандаи интиҳо низ оварда шудааст.

Л. Бузургзода аксар ҷумлаҳои пайрави ҳолро бо исми ҷумлаи пайрави пурқунанда овардааст. Албатта, ҳамаи ҷумлаҳои пайрав: ҳоҳ ҷумлаҳои пайраве, ки ба мундариҷаи умумии сарҷумла муносибатдоранд, ҳоҳ ба ҳиссае аз он, яъне

ба аъзои чудогонаи сарчумла, хусусияти пурракунии сарчумларо доранд, аммо аз нигоҳи сохтор ва мазмуну муносибати нахвӣ фарқ менамоянд.

Ин амали муҳаққиқ аз он сабаб сар задааст, ки дар он солҳо усули сохториву маъноӣ дар таснифоти ҷумлаҳои пайрав дар нахвӣносии рус роиҷ нагашта буд, балки ду усул ё меъёр; яке қиёсан бо аъзоҳои ҷумлаи сода ва дигаре ба асоси калимаҳои ҳамнисбату пайвандакҳо гурӯҳбандӣ кардани ҷумлаҳои пайрав ҳукумрон буд. Аз ин рӯ, то ин андоза дар бораи ҷумлаҳои мураккаби тобё ва гурӯҳбандӣ кардани ҷумлаҳои пайрав аз диди он солҳо хизмати бузург маҳсуб мешуд.

Дар шинохти ҷумлаи мураккаби тобё чун воҳиди нисбатан томи нахв назари Л. Бузургзода ба фаҳмиши имрӯза наздиктар аст. Чунончи; ҷумлаи мураккаби тобёро Л. Бузургзода чунин таъриф додааст: “Ҷумлаи мураккабе, ки бо тобё намуҷдани яке аз ҷумлаҳои сода бо дигаре сохта шудааст, ҷумлаи мураккаби тобё номида мешавад” [18, с. 37].

Л. Бузургзода барои мукамал гардидани таърифи ҷумлаи мураккаби тобё ва равшан шудани моҳияту табиати он истилоҳи “сарчумла ва ҷумлаи пайрав” [18, с. 37]-ро рӯйи қор оварда, ҷумлаи мураккаби тобёро ба ду ҳисса – сарчумла ва ҷумлаи пайрав ҷудо намудааст. “Он ҷумлаи асосие, ки дигар ҷумларо бо худ тобё намудааст, сарчумла номида мешавад. Ҷумлае, ки ба сарчумла тобё шуда омада, ўро ё яке аз аъзоҳои ўро шарҳ медиҳад, пурра мекунад, ҷумлаи пайрав ном дорад” [18, с. 37].

Дар тавзеҳи ҷавф ҷизи муҳим ин аст, ки Л. Бузургзода моҳияту вазифаи ҷумлаи пайравро қомилан дуруст муайян кардааст: яъне ҳиссаи пайрав дар ҳаёти ҷумлаи мураккаби тобё бар эзоҳи ягон аъзо, гурӯҳи аъзоҳо ё тамоми сарчумла меояд.

Қолиби тавачҷуҳ аст, ки Лутфулло Бузургзода 10 хели ҷумлаи пайравро бо мисолҳо шарҳ додааст, ки бепайвандак ба сарчумла алоқа бастаанд.

Л. Бузургзода анвои ҷумлаҳои пайравро ба асоси ду ҷиҳат: маъно ва вазифа муайян кардааст, ки ин меъёр асоси усули анъанавӣ – қиёсан ба аъзоҳои ҷумлаи сода тасниф кардани ҷумлаҳои пайравро ташкил медиҳад.

Худи Л. Бузургзода иброз медорад, ки бештарини ҷумлаҳои пайрав ба аъзоҳои пайрав монанд буда, ба саволҳои, ки аъзоҳои пайрав ҷавоб мешаванд, ҷавоб медиҳанд.

Назари амики Л. Бузургзодаро аз ҳамин ҷиз пай бурдан мумкин аст, ки ҳануз дар ибтидои солҳои 40-ум ин андешаро дар китоби дарсии мактаби таҳсилоти ҳамагонӣ баён кардааст.

Дар боби ҷумлаҳои мураккаби тобёи сертаркиб низ назари амиқу мушиқонаи ин донишманди беназир мушоҳида мешавад.

Агар назари ин донишманди забоншиносро дар мавриди шинохти ҷумлаҳои мураккаби тобё хулоса кунем, чунин аст:

1. Л. Бузургзода хусусиятҳои маъноию сохтории ҷумлаи мураккаби тобёро дар пояи афкори забоншиносии ҳамон солҳо, асосан, дуруст муайян намуда, дар таснифи умумии ин қолаби ҷумла ба назарияи имрӯза хеле наздик андеша рондааст.

2. Ба назари мо, истилоҳи сарчумла ва чумлаи пайравро бори нухуст ба ин андоза саҳеҳу дуруст маҳз ӯ шарҳ дода, ба китоби дарсӣ ворид сохтааст.

3. Истилоҳи пайвандакҳои тобеъкунандаро, ки дар дастуру китобҳои пешин бо номҳои гуногун истифода мешуд, асоснок карда, чумлаҳои пайравро вобаста ба иштироки пайвандакҳо ба ду ҳел: чумлаҳои мураккаби пайвандакдор ва бепаивандак ҳудо кардааст, дар сурате ки чумлаҳои мураккаби тобеи бепаивандак ҳоло ҳам дар забоншиносии тоҷик аз нигоҳи илмӣ таъйину тадқиқ нашудааст.

4. Муҳаққиқ анвои чумлаи пайравро дуруст гурӯҳбандӣ кардааст, аммо ҳангоми дастабандӣ бештар ба вазифаю маъно таъя карда, баъзе аломату нишонаҳои сохториро сарфи назар намудааст. Дар натиҷа иддае аз чумлаҳои пайрав омехта шудаанд. Аз ин ҳосил, ки аксари чумлаҳои пайрави ҳолшарҳкунанда ба чумлаи пайрави пуркунанда нисбат дода шудааст.

5. Л. Бузургзода бори аввал дар забоншиносии тоҷик қолабҳои асосии (се қолаб) чумлаи мураккаби тобеи сертаркибро бо далелҳои асоснок намуда, бо мисолҳои шарҳ додааст, ки баъдтар ин қолаби чумлаҳои мураккаби тобеи сертаркиб (соли 1966) аз ҷониби нахвешини тоҷик, профессор Д. Тоҷиев ҳамҷониба таҳқиқ гардида, дар ин замима 40 қолаби фаръии онҳо ошкор карда мешавад.

Зерфасли 3.1.2.-и боби сеюм **“Абдусалом Деҳотӣ муҳаққиқи масоили забони тоҷикӣ”** унвон дорад.

Зикр бояд намуд, ки Абдусалом Деҳотӣ пас аз конфронси якуми алифбои нави тоҷикӣ муддати як сол (аз январӣ соли 1930 то декабри соли 1930) чанд мақола навишта, дар онҳо оид ба тозагии забони тоҷикӣ, ба вучуд овардани забони адабии китобӣ, имло ва истилоҳоти он ақидаҳои ҷолиб баён намудааст. Аз чумла, Деҳотӣ дар хусуси истилоҳоти забони тоҷикӣ чунин менигорад: “Калимаи тоҷикӣ ва ҳамафаҳм истода чаро мо истилоҳоти узбекӣ, арабиرو истеъмол мекунем? Магар мусаллас (секунча), мураббаъ (чаҳоркунча), муқааб (шашкунча), хатути носиф (хатҳои нафскунанда), ашқоли мутасовӣ (шаклҳои баробар) гуфтан дуруст аст?” [25, с. 674].

Ин мақола ҷавоб ба онҳое буд, ки ба таркиби луғавии забони адабии тоҷикӣ ҳар гуна калимаю ибораҳои номафҳум ва душворфаҳмо дохил намуда, забони тоҷикиро аз омма дур карданӣ мешуданд. Яке аз воситаҳои раво ва ҳамафаҳм гардонидани забон ба сода ва якрағ шудани истилоҳот вобаста аст. А. Деҳотӣ ба ҳамин ҷиҳати масъала дахл намуда, фикри баъзе рафиконро, ки истилоҳотро ба навъе, ки аз забони халқ шунида мешавад, ҳамон тавр кор фармоём, мегуфтанд, рад мекунанд. “истилоҳотро аз забони халқ гирем” гуфтан дуруст нест, чаро ки мувофиқи гуфтугуи халқ: аэропланро айриплан бояд нависем. Дар ин сурат истилоҳот хунук менамояд. Бояд мо истилоҳоти сиёсӣ ва асбобҳои техникаро аз забони аврупоӣ гирем” [26, с.310].

А. Деҳотӣ дар мақолаи дигари худ “Дар хусуси имло ва ҳарфҳои калон” [26] оид ба имлои ҳарфҳои калон сухан ронда, дар бораи пайвандакҳои пайваскунанда ҳулосаҳои муфид баён намудаанд. Вай ҳамчун донишманд дар асоси маводди забони зиндаи халқ ва матбуоти даврӣ чунин меоварад: “Чанд вақт боз дар китоб ва газетаҳо бандакҳои **-у, -ву, -ю -ро** аз калимаҳо ҳудо менависанд:

чой ӯ нон у ош, себ у зардолу. Ин гуна навиштан ҳеҷ гуна маъно надорад. Аз тарафи дигар, ҷумларо даккадан мекунад. Масалан, гандум у чав у арзан, дег у табак, бубинед, ки “-у”-ро ҷудо навиштан оҳанги ҷумларо вайрон ва хунук кардааст” [26, с. 219].

Ин қайдҳои А.Дехотӣ кимати баланди илмӣ дошта, баъдтар дар амал татбиқ гардидаанд ва ҳоло ҳам дар илмӣ забони тоҷикӣ риоя карда мешаванд.

Мутаассифона, баъзе каламдастон ё нотикон, – менигорад А. Дехотӣ, “аз нодони худ боигарии забони моро ғорат мекунад ва ин ё он суханро бемаврид дар ҳама ҷо қор фармудан мегиранд. Масалан, калимаи “меҳнатдӯст”-ро гирем. Ин маънои меҳнаткашро медиҳад. Агар ба калимаи русӣ муқоиса кунем, меҳнатдӯст ба маънои “трудолюбивый” буда, меҳнаткаш ба маънои “труженик” аст. Имрӯзҳо радиои мо аз пагоҳ то бегоҳ ба маъно аҳаммӣ надода дар ҳама ҷо фақат “меҳнатдӯст”-ро қор мёфармояд. Масалан: “Меҳнатдӯстони фалон кишлок, ду купруки вайронро дуруст карданд”. Ҳол он ки барои дуруст кардани купрук меҳнатдӯст будан шарт нест, балки вазифаи худро шинохтан кифоя аст.” [26, с. 223]. Эродҳои Дехотӣ ҳеле бамаврид буда, воқеиятро инъикос мекунад, зеро ки дар матбуот, радио ва телевизиони имрӯзаи мо ҳам ин хел ғалатҳо зиёд ба мушоҳида мерасанд.

А. Дехотӣ ба ҳар як асари бадеӣ аз он ҷиҳат диққат меод, ки услуби адиб, нигориши вай ҷӣ гуна аст ва ӯ аз имкониятҳои забон ҳамчун воситаи асосии санъати бадеӣ ҷӣ тавр истифода бурдааст. Масалан, ӯ дар мақолаи “Адабиётмонро ба омма наздик кунем” ба забон ва услуби шеърҳои Сухайлӣ дахл намуда, аз ду шеъри вай як идда калимаҳои мисол меорад, ки онҳо аз фаҳми хонандагонӣ оддӣ ҳеле дуранд. Чунончи: дай, андалеб, фуруғ, нақхат, машшота, аморӣ, сано, нигин, минқор, ҳадика, душ, посух, далел, саҷода, бадр, шиканҷ, мизмар, хилъат, ҷаъд, маъзар, нисоб, равза, тарамбоа, хирқа, мушрид, фусун ва ғайра. Ба ақидаи муаллифи мақола, барои фаҳмидани чунин асарҳо ба ҳар як хонанда як донегӣ фарҳанги “Ғиёс-ул-луғот” лозим мешавад.

А. Дехотӣ ба ҳамин ҷиҳати масъала дахл намуда, дар мақолаи “Аввал андеша, в-он гоҳе гуфтор” (ҷавоб ба Ғаффор Мирзо) чунин қайд намудааст: “Калимаи ғамбемор, ки мунаққид ба маънои одами гирифтори бемории маъносӣ ва ғамгинӣ овардааст, фаҳмост ва монанди ғамзада ба нормаи забони адабӣ даромада метавонад. Аммо калимаи ҳучбемор, ки бевосита баъди **ғамбемор** овардааст, аз доираи забони адабӣ дур аст. Чунки калимаи **ҳуч** барои аксарият қатъиян номаҳфум аст. Ғ. Мирзо онро ба маънои “беморе, ки ҳеҷ хоб намекунад, мегардад” шарҳ додааст. Аз ин шарҳ чунин фаҳмида мешавад, ки ба маънои “гирифтори бемории беҳобӣ (бедорхобӣ)” будааст. Ҳол он ки дар лаҳҷаи Кӯлоб ин калимаро ба маънои “бемори ба пой, бемори сари дупо, бемори пойравон” зидди бемории барҷоманда ё аз пой монда мебошад, истеъмол мекарданд.

Абдусалом Дехотӣ дар мақолаи дигари худ “Қадамаш дуруст аст – “ту” ё “шумо?” дар бораи дараҷаи истеъмоли ҷонишинҳои **ту** ва **шумо** сухан меронад. “Аввалан, – мегуяд Дехотӣ, – аз худ калонро дар ҷануби республика **ту** ва шимол **шумо** мегуянд гуфта, дар ин хусус ҳамаи тоҷиконро ба ду ҳиссаи баробар ҷудо кардан дуруст нест” [26, с.233]. Аз ин тафсири муаллиф чунин бармеояд, ки баъзе

аз мардумони кӯхистон ҳам ба маънои хурмату эҳтиром ба чойи **ту шумо** мегуянд.

Аммо А. Дехотӣ дуруст тавзеҳ додаст, ки гап дар сари он нест, ки дар кадом шева ин чонишинҳоро чӣ хел истифода мебаранд, балки гап дар он аст, ки барои ҳамаи тоҷикон забони адабии ягона вучуд дорад.

“Афкори забоншиносии академик Абдулғанӣ Мирзоев” зерфасли 3.1.3.-и боби сеюм номгузорӣ шудааст.

Саҳми А. Мирзоев дар ташаккул ва рушди забоншиносии навини аҳди шуравии тоҷик хеле назаррас аст. Ҳануз соли 1930 ӯ зери унвони “Дар гирди алифбои нави тоҷикӣ” [46] мулоҳизаҳои як зумра муҳаққиқону хонандагонро таҳлилу баррасӣ намуда, андешаҳои худро чунин иброз доштааст: “Чанд вақт аст, ки баъзе рафиқон дар гирди алифбои нави тоҷикӣ (лотинӣ) ба майдони мубоҳиса баромада, ба воситаи матбуоти пролетарӣ фикру талаби худашонро изҳор карда истодаанд, дар бораи ба ҳоли аввалаашон гузоштан ё кам кардани ҳарфҳои овоздор, тағйир додан ё ба ҳоли аввалааш гузоштани “опостроф”, дар бораи ҳарфи “ғ” ва ғайра ба фикри якдигар ҳамроҳ нашуда, далелҳо нишон дода истодаанд” [46, с.8].

Дар иртибот ба ин масъала А. Мирзоев фикри рафикони ба мубоҳиса баромадаро ёдрас шуда, дар масъалаи ҳарфи калон андешаи А. Бухоризодаро меорад, ки гӯё ҳарфи калон дар таълим душворӣ меоварда бошад, аммо масъала гузоштаю бетараф меистад. “Оё касе, ки душворӣ овардани чизеро мефаҳмад, чаро дар бораи қабул шудани он бетараф меистад. Ҳоло он ки қабул кардани он андаке барои таълим душворие оварад ҳам, аммо аҳамияти калон дорад. Дар тарзи навишт, ҳусни хат, ёфтани сарчумла, исмҳои хос, зарур будани он дар илми ҷаҳдас ва ғайра осониҳои зиёде меоварад” [46, с.10].

Дар бораи “опостроф” ҳам фикри мубоҳисакунандагон – Бухорӣ, Обид Исмаилов ва Юлдошзодаро дар бораи тағйири шакли “опостроф” рад карда, фикр меронанд, ки “ба фикри ман, саҳеҳ нест, чунки опостроф дар имлои мо ду вазифаро ба ҷо меоварад:

1. Маълум кардани овози ҳамза монанди “а’ ло”, “а’ мо”, “а’ зам”.

2. Ҷудо кардани ҳичои калима, монанди “ма’ кул”, “мас’ ул”.

Ҳамчунин, А. Мирзоев дар бораи овозҳои садонок (соитҳо) дар масъалаи тағйир додани баъзе ҳарфҳо, аз ҷумла, ҳарфи ғ (ё) низ андешаҳои муфид баён кардааст.

Ин мақолаи академик А. Мирзоев дар он солҳо моҳияти тарғиботӣ дошт ва мақсад он аст, ки ҳар як нависандае, ки дар ҳар гушаи Тоҷикстон ҳастанд, аз фикри рафиқон огоҳ бишаванд.

Тавре ки мебинем, А. Мирзоев ҳануз дар айёми донишҷӯӣ ба таҳқиқи мавзуи “Дар атрофи палеонтологияи забон” [47] машғул мешавад ва онро соли 1935 бо алифбои лотинӣ ба нашр мерасонад.

Асарҳои дигари академик А. Мирзоев “Духтархона чист?” [48] мебошад. Ин асар таҳқиқи забоншиносӣ – таърихӣ барои муайян кардани мафҳуми мавқеи грамматикӣ вожаи мураккаби тобеи “духтархона” мебошад.

Ба ин рисолаи муҳтасари А. Мирзоев устод Айни низ тақриз навиштааст, ки дар пешгуфтори рисола дарҷ гардидааст. Аз ҷумла, чунин таъкид кардааст:

“Дар ин китоби тадқиқоти забонӣ бо тадқиқоти иҷтимоӣ, эҷодӣ ва таърихӣ вобаста карда бурда шуда, барои ба дурустӣ ҳал шудани масъала муаллиф нуктаи назари исломро ба ғулом ва каниз, ҳам маънии иқтисодиву сиёсии ин нуктаи назарро ва ҳам ҳодисаҳои таърихиро, ки ба иваз шудани калимаи “духтархона” ба ҷойи каниз омил шудаанд, бо фактҳои равшан ва бо ситатҳое (иқтибосот Ҳ. В.), ки аз муаллифони фикҳи ислом овардааст, равшан нишон додааст. Дар натиҷа бо ҳам муносибати қавӣ доштани калимаи “духтархона”-ро бо калимаи “каниз” исбот карда тавонистааст ва мавқеи грамматикӣ “духтархона”-ро муайян намудааст” [48, 7].

Муҳаққиқ А. Мирзоев таъкид кардааст, ки “духтархона” чист ва чиро ифода мекунад? Ва худ бо як ҷумлаи мураккаби пайваست ҷавоб додааст, ки вай маънии “каниз”-ро ифода мекунад, духтархона исми канизи миллист.

Дар ин ҷо, ба қавли мумуҳаққиқ, танҳо ин ду ҷумла ҷавоби калимаи “духтархона” шуда наметавонад, зеро барои ба ҳуҷӣ равшан кардани семантикаи ин калима ба як қатор саволҳо, махсусан, ба саволҳои зерин ҷавоб додан лозим меояд:

1. Дар сурате ки калимаи “духтархона” бо семантикаи худ аз калимаҳои монанди “нонхона” фарқ мекарда бошад, чаро ин калимаҳо шаклан як ҳамрангӣ ва ҳамохангиро дарбар кардаанд, таркиби калимаи “духтархона” ва таркиби он калимаҳое, ки исми маконро ташкил мекунад, як аст ё не?

2. Чаро “духтархона” маънии “каниз”-ро ифода мекунад ва аз қучо функсияи “каниз”-ро дар бар кардааст?

Барои ҳалли масъалаи маъноӣ нав гирифтани калимаи “духтархона” ва шакл иваз кардани вазифаи “каниз” муҳаққиқ ба маводди бозгуяндаи назари ислом рӯй овардааст, зеро бетафтишу баррасии ин мавод сабаби ба зимаи калимаи “духтархона” гузаштани функсия ё вазифаи калимаи “каниз”-ро равшан кардан аз имкон берун аст. Аз ин ҷиҳат, муаллиф бисёр маводдеро аз манбаъу осори исломӣ оварда, мазмунӣ онҳоро ба вазифаҳои “духтархона”, ки аз нақлу ҳикояи ашхоси духтархонагиро аз сар гузаронида ё ўро дидаву ҳамсухбат шуда пайдо гардида муқоиса намуда, дар ин замина ба ҳуҷосае мерасад, ки “он чизе, ки муаллифони асарҳои фикҳи ислом нисбат ба “каниз” иҷозат додаанд, нисбат ба “духтархона” ба қулӣ ба қор бурда шудааст, яъне ҳамаи функсияе, ки калимаи “каниз” дошт, “духтархона” дарбар кардааст.

Ҳуҷоса, муҳаққиқ А. Мирзоев дар асоси маводҳои илмӣ, таърихӣ, забоншиносии мардумшиносӣ маънии семантикӣ вожаи “духтархона”, таркиби сарфиву вазифаи нахвӣ онро вобаста ба сиёсату иқтисод, ҳаёти иҷтимоӣ, зинаҳои инкишофи ҷамъият таҳқиқи густура намудааст.

Бо таълифи ин ду асар муҳаққиқ А. Мирзоев дар шаклгирии бахшҳои маъношиносии палеонтологияи забоншиносии навини тоҷик саҳми арзанда гузоштааст.

Яке аз аввалин таҳқиқи илмӣ ў дар боби забоншиносӣ “Фарқҳои семантикаи суффикси “-ак” ном дорад.

Пеш аз ҳама, муҳаққиқ А. Мирзоев таъкид ба он кардааст, ки суффикси “-ак” як унсуре нест, ки хусусияти забони тоҷик бошад. Ин суффикс, ба қавли муҳаққиқ А. Мирзоев, дар як қатор забонҳои халқҳои Осиёи Ҷарбӣ (ва аз он

ҷумла, Осиёи Миёна) ва Аврупои Шарқӣ як зухуроти умумӣ мебошад, ки дар натиҷаи эҳтиёҷоти ҷамъиятӣ пайдо мешавад

Муҳаққиқ А. Мирзоев дар таъба манбаъҳо, вазифаҳои дастурӣ ва маъноии “-ак”-ро дар якҷанд забонҳо: курдӣ, ҷарфӣ, арманӣ, русӣ ва ҷанде аз забонҳои эронӣ бо мисолҳо нишон додааст. Дар ин замина таъкид намудааст, ки дар забоншиносии тоҷик тарафдорони “сарфи шаклӣ”, асосан, вазифаи семантикаи хурдкуниро қабул кунанд, ҷонибдорони “сарфи вазифаӣ” вазифаи хурдкуниро рад карда, аҳаммияти навозиш ва таҳқир – камшуморию қабул доранд. Муҳаққиқ дуруст таъкид кардааст, ки онҳо муносибати ниҳоядараҷа наздик доштани ин се соҳаи семантикаро намебинанд ва ҷунин мешуморанд, ки гуё тарафҳои семантикӣ, ки ҳар қадам ба тарзи ҷудогона таъин кардаанд, дар тамоми соҳаҳои дахлдори ҳаёти ҷамъиятӣ як ҳел ва бе фарқ ба кор бурда мешуда бошад.

Муҳаққиқ А. Мирзоев оид ба маъноҳои ин калима ҷунин ҳулосаи ҳудро пешниҳод кардааст: “Функсияҳои навозиш, хурдкунӣ, таҳқир – камшумории суффикси “-ак” ба якдигар муносибати ниҳоятдараҷа наздик доранд, ҳатто дар вақти дар ҷумла ба кор бурда шудан, агар хусусиятҳои иҷтимоӣ – аз тарафи кӣ, нисбат ба кӣ, ба ҷӣ, ба қадам муносибат дар лаҳзаҳои зиндагӣ диққат карда нашавад, аз якдигар фарқ кардан душвор аст”. Пас аз ин, ба шарҳи семантикии “-ак” шуруъ намуда, ҷанд вазифаву маънои онро мекушояд.

Дар хотима аз ин мақола ҷунин ҳулоса баровардан мумкин аст, ки набояд пиндошт, ки фарқҳои семантикии суффикси “-ак” фақат ҷизҳои дар ин мақола нишон дода шуда мебошанду бас. Он метавонад, ғайр аз таъиноти ин мақола мумкин аст як қатор соҳаҳои семантикии дигаре низ дошта бошад.

Ҳулоса, ин мақолаи академик А. Мирзоев дар маъношиносӣ (семантика), сарфшиносӣ, алаҳхусус, калимасозӣ таҳқиқи бисёр муҳим буда, барои ташаққул ва рушди афкори забоншиносии навини тоҷик нақши мондагор гузоштааст.

Боби ҷоруми диссертатсия **“Масъалаҳои забоншиносии навини тоҷик дар солҳои 60-уми асри XX”** унвон дошта, аз як фасл ва 8 зерфасл иборат мебошад.

Дар боби мазкур роҷеъ ба масъалаҳои забоншиносии навини тоҷик дар солҳои 60-уми асри XX суҳан ба миён гузошта шудааст. Солҳои 60-уми асри XX марҳилаи асосии инкишофи илми забоншиносии навини тоҷик маҳсуб меёбад. Дар ин давра бисёр асарҳои ҷамъбасти дар бораи шеваю гуишиҳои тоҷикӣ ва бахшҳои гуногуни забоншиносии навини тоҷик таълифу нашр шуданд.

Ҳамин тавр, дар солҳои 60-уми асри XX дар илми забоншиносии навини тоҷик забоншиносоне, ба монанди Т. Зеҳнӣ, В. С. Расторгуева, Б. Ниёзмухаммадов, А. Мирзоев, Д. Тоҷиев, Н. Маъсумӣ, М. Фозилов, М. Беҳбудӣ, Р. Л. Неменова, А. З. Розенфелд, А. Л. Хромов, Х. Ҳусейнов, М. Қосимова, С. Ҳалимов, Б. Камолиддинов, Р. Х. Додихудоев, Ш. Рустамов, А. Каримов, М. Муҳаммадиев, Ҳ. Маҷидов ва дигарон ба таҳқиқи масъалаҳои гуногуни забоншиносӣ машғул мешаванд.

Дар фасли якуми боби ҷоруми диссертатсия **“Таҳлили осори илмии муҳаққиқони забоншиносии ин марҳилаи забоншиносии навини тоҷик”**, ки он 8 зерфаслро дарбар мегирад, роҷеъ ба афкори забоншиносии Б.

Ниёзмұхаммадов, Ш. Ниёзӣ, Д. Тоҷиев, Н. Маъсумӣ, Р. Ғаффоров, Ш. Рустамов, Х. Хусейнов, М. Шукуров баҳс менамояд.

Зерфасли 4.1.1.-и боби чорум ба таҳлили фаъолияти илмии **“Бобочон Ниёзмұхаммадов ва осори забоншиносии ӯ”** баҳшида шудааст.

Иброз дошт, ки муҳаққиқ Б. Ниёзмұхаммадов зимни таҳлили масоили забоншиносӣ ба ду сарчашмаи асосӣ диққат додааст: “Ҷ фактҳои фаровони забонро тасниф карда, дар асоси он ба ҳулосаҳои илмӣ меояд ва дар айни замон муваффақиятҳои илмӣ забоншиносии умумӣ, пеш аз ҳама, илмӣ пешқадами русро ба асос мегирад” [56, с. 8]. Таъсири ҳамаҷонибаи забони русӣ дар тақомули забони адабии тоҷикӣ, услубиёти он ва тайёр намудани кадрҳои илмӣ хеле калон аст.

Албатта, аввалин нафаре, ки ба омӯзиши шеваҳои забони тоҷикӣ машғул гардидааст, олимӣ рус В. В. Григорев мебошад. Б. Ниёзмұхаммадов, ҳамчунин, хизматҳои олимони рус А. А. Семёнов, М. С. Андреев ва И. И. Зарубинро дар ин самт таъкид намуда, ба қорҳои илмӣ ин олимони баҳои арзанда додааст.

Б. Ниёзмұхаммадов дар таҳқиқи “Шеваи Конибодоми забони тоҷикӣ” усулҳои тадқиқоти олимони рус И. И. Зарубин ва В. С. Расторгуевро истифода намудааст. В. С. Расторгуева оид ба омӯзиш ва таснифоти шеваҳои забони тоҷикӣ дар 5 ҷилд “Очеркҳо оид ба шевашиносии тоҷик” навиштааст, ки ҳангоми ба як система даровардани фактҳои фонетикӣ ва грамматикаи шеваи Конибодом, инчунин, аз маводҳои қорҳои илмӣ дар ин самт анҷомдодаи Б. Ниёзмұхаммадов ва Л. Бузургзода истифода намудааст.

Ҳамчунин, академик Б. Ниёзмұхаммадов ба соҳаи истилоҳот дар мақолаҳои “Вазъияти забоншиносӣ ва вазифаҳои забоншиносии тоҷик” (1954) ва “Оид ба қорҳои терминалогия дар Тоҷикистон” (1961 бо ҳамроҳии А. Л. Бухоризода ва Я. И. Калонтаров) дахл намуда, дар пеши мутахассисони ин соҳа вазифаҳои нав гузоштааст. Пажӯҳиши забони асарҳои бадеӣ, мақом ва мавқеи адибон дар ташаккули забони адабии тоҷик яке аз самҳои асосии фаъолияти илмӣ академик Б. Ниёзмұхаммадовро ташкил медиҳад.

Дар мақолаҳои ба устод Айнӣ баҳшидаи академик Б. Ниёзмұхаммадов ҷолиб он аст, ки устод Айнӣ ба душманони миллат, махсусан, пантуркистон, ки тоҷиконро чун миллат ва забони тоҷикиро забони мустақили дорои таркиби луғавӣ намеҳисобиданд, зарбаи ҳалокатовар задааст.

Зерфасли 4.1.2.-и боби чорум **“Масъалаҳои илмӣ сарф аз назари Шавкат Ниёзӣ”** номгузори гардида, дар атрофи пажӯҳишҳои анҷомдодаи муаллиф изҳори назар карда шудааст.

Аслан, Ш. Ниёзӣ дар пояи мулоҳизаҳои асари В.С. Расторгуева “Очеркҳо аз диалектологияи тоҷик” ҳулосаҳои хешро ҷамъбаст намудааст. Ба андешаи Ш. Ниёзӣ дар забони тоҷикӣ аломатҳои грамматикӣ муайянкунандаи гурӯҳи калимаҳо ба исм ва сифат хеле маҳдуд аст, зеро дар забони тоҷикӣ калимаҳое вомехуранд, ки ба исм ва ё сифат ҷудо кардани онҳо мушқил аст. Чунончи, калимаҳои зӯр, ҷавон, пеш, тағ, паҳлу, савор, далер, аспакӣ, пиёда ва ғайра. Ин калимаҳоро муаллиф исм ном бурдааст. Маънои калимаҳо танҳо дар ҷумла, ҳангоми ифода намудани вазифаи синтаксисӣ муайян карда мешавад. Ин калимаҳо метавонанд, ки дар адои вазифаи синтаксисӣ, чун аъзоҳои пайравӣ

ҷумла муаррифӣ шаванд. Инчунин, муаллиф калимаҳоро ба ду гурӯҳ: “якум исм, ки дорoi категорияҳои грамматикӣ мебошад ва гурӯҳи дуюм сифатҳо, ки категорияи грамматикии мустақил надоранд” [54, с.23].

Муаллиф меафзояд, ки гурӯҳи якум – исм, метавонад ба гурӯҳи дуюм ворид шавад, лекин сифат танҳо ҳангоми иҷрои вазифаи синтаксисӣ метавонад ба исм гузарад. Чунonчи, калимаи сурх ва сафед. **Сурхҳо** омаданд, **сафедҳо** гурехтанд [54, с.24].

Ба қавли муаллиф, категорияҳои грамматикии ҳар забон натиҷаи маҳсули давраи дуру дарози таърихии сохти грамматикии забон мебошад. Дар категорияҳои грамматикӣ сохти грамматикии ҳар як забон ифода меёбад. Ҳиссаҳои номии нутқ танҳо аз гурӯҳи лексикии калимаҳо иборат набуда, балки аз гурӯҳи лексикӣ – грамматикӣ иборат мебошад.

Муҳаққиқи забоншинос Ш. Ниёзӣ дар бораи хусусиятҳои хоси лексикӣ, калимасозӣ ва категорияҳои грамматикии исм ва сифат дар забони тоҷикӣ, ки байни дигар ҳиссаҳои мустақили нутқ мавқеи хосро соҳиб мебошад, дар асараш **“Исм ва сифат дар забони тоҷикӣ”** [54] маълумоти мушаххас додааст.

Назару мулоҳизаҳо атрофи исму сифат дар забони тоҷикӣ моро ба ҳулосае меорад, ки ин ҳиссаҳои мустақили нутқ аз ҳамдигар тафовути лексикӣ грамматикӣ дошта бошанд ҳам, байни худ муносибат ва алокаи зичи грамматикӣ доранд.

Зерфасли 4.1.3.-и боби чоруми диссертатсия ба фаъолияти **“Додочон Тоҷиев ва афкори забоншиносии ӯ”** дахл карда, осори илмӣ ӯро мавриди баррасӣ қарор додааст.

Профессор Д. Тоҷиев тахти роҳбарии профессор А. А. Фрейман ба таҳқиқи маъноиву калимасозии вожаи “об” дар забони тоҷикӣ машғул мешавад, баъдтар бо тавсияи профессор И. И. Зарубин дар Иституту забоншиносии АИ СССР бо номи “Слова “об” – вода в современном таджикском языке” [68] рисолаи илмӣ анҷом медиҳад.

Муҳаққиқ бо чузӣ “об” дар забони тоҷикӣ зиёда аз 170 вожа пайдо менамояд, ки баъзеашон дар таркиби воҳидҳои фразеологӣ маъноҳои аҷиб пайдо кардаанд. Тасодуфи аҷибро бинед, ки ҳануз дар асри XIII донишманди тоҷик Шамси Қайси Розӣ дар “Ал-муъҷам” ба хусусияти калимасозии (пасвандгунагии он) “об” ишора карда, вожаҳои зеринро бо чузӣ “об” овардааст: гулоб, дулоб, кудоб, селоб, ғарқоб, гирдоб, заҳоб, сароб, буноб, шӯроб, поёноб, тезоб, куро́б, зардоб, хуноб, симоб, сапедоб, хушоб, душоб, китъаоб, кузоб, панироб (22 адад вожа).

Ба назари мо, устод Д. Тоҷиев аз маълумоти ин маҳаз огоҳӣ надоштанд, аммо назари амиқ ба ӯ имкон додааст, ки ин ҳодисаи муҳимми забоншиносиро дарк ва мӯшикофона таҳқиқ намояд. Муҳаққиқи ҷавон тахти роҳнамоии эроншиносии маъруф, профессор А. А. Фрейман ба таҳқиқи муҳимтарин категорияи наҳви забони тоҷикӣ – муайянкунандаи ҷиддӣ машғул шуда, соли 1951 натиҷаи ин таҳқиқро ба сифати рисолаи номзадӣ дифоъ мекунад ва соли 1955 ин таҳқиқоти ӯ бо номи “Способы связи определения с определяемыми в современном таджикском литературном языке” ба нашр мерасад.

Мо барои мушаххас намудани ин андеша назари профессор Додочон Тоchieв ро ба андешаи донишманди мумтози улуми адабӣ дар асри XVI – муаллифи дастури таълимии “Чаҳор гулзор” [75] Хоча Ҳасани Нисорӣ, мукоиса намудем.

Донишманди мазкур дар бораи изофат нисбат ба дигар манбаъҳои таърихӣ тавзеҳи мушаххасу мукамал дода, изофатро аввал ба чаҳор навъ чудо кардааст:

1. Изофати баёнӣ (рӯзи ҷумъа);
2. Изофати мавсуфӣ (сухани дурушт, мардуми қобил);
3. Изофати ташбеҳӣ (баҳри илм, кӯҳи ҳилм);
4. Изофати истиора (канори чаҳон, ҷашми осмон).

Дар баробари ин, муҳаққиқ изофати баёниро ба 7-хел дастабандӣ намудааст.

Ин нуктаро таъкид бояд кард, ки аз ҳамаи он таҳқиқоте, ки дар бораи вазифаҳои дастурии изофат муҳаққиқони забоншиносии навини тоҷик ба таъби расонидаанд, мукаммалу саҳеҳ ва ба афкори забоншиносии классики тоҷик, аз ҷумла, низоми пешниҳодкардаи Хоча Ҳасани Нисорӣ наздиктар таснифоти профессор Д. Тоҷиев мебошад. Д. Тоҷиев изофатро ба 3 бахш гурӯҳбандӣ намудааст:

1. Изофати сифатӣ (гули сурх, духтари зебо);
2. Изофати соҳибӣ (китоби Аҳмад, дафтари талаба);
3. Изофати баёнӣ (Ҳайрати шоир, Каримови муаллим).

Ҷунонки мебинем, муаллифони ҳар ду асар бисёр маъноҳои дастурии изофатро бо назари амиқ мушоҳида кардаанд. Дар таснифоти вазифаҳои дастурии изофат дар маҷмӯъ, ба истиснои истилоҳоти марбути изофат, баъзе хели изофат, умумият дида мешавад, ки ин аз нозукандешии Д. Тоҷиев дарак медиҳад.

Мавзӯи дигаре, ки аз бахши сарф диққати устод Д. Тоҷиевро ҷалб менамояд, сифати феълӣ мебошад. Таҳқиқи ин мавзӯ аз ҷониби устод анҷом дода мешавад ва соли 1954 бо номи “Сифати феълӣ дар забони адабии тоҷик” нашр мешавад.

Дар воқеъ, устод Д. Тоҷиев дар илми сарфу наҳв истеъдоди баланд дошт, махсусан, дар илми наҳв. Ин буд, ки аз солҳои 60-уми асри XX комилан ба таҳқиқи сохти наҳвиёти забони адабии муосири тоҷик машғул шуд ва дар ин бахши илм асарҳои бунёдӣ таълиф намуд.

Натиҷаҳои аввалини ин баррасиҳои пайвастаи муҳаққиқ ба воситаи асари ӯ “Ҷумлаҳои мураккаби тобеи сертаркиб” дастраси умум гардид.

Устод Д. Тоҷиев пажӯҳишро дар илми наҳвиносӣ солҳои баъдӣ низ идома дода, соли 1981 китоби муҳаққиқ таҳти унвони “Ҷумлаҳои мураккаби тобеъ дар забони адабии муосири тоҷик” [72] интишор ёфт, ки то ба ҳол арзиши илмӣ худро аз даст надодааст.

Зерфасли 4.1.4.-и боби ҷоруми диссертатсия **“Носирҷон Маъсумӣ – муҳаққиқи забон ва услуби адибон”** ном дорад.

Ҳар як даҳсолаи омузиши афкори забоншиносии навини тоҷик бо хусусиятҳои аз ҳам фарқ мекунад.

И. В. Сталин дар “Марксизм ва масъалаҳои забоншиносӣ” ном асараш таъкид намудааст, ки: “вазифаи асосии забоншиносӣ омӯхтани қонунҳои дохилии инкишофи забон аст” [67, с. 43].

Ин андешаи роҳбари вақти замон И. В. Сталин роҳнамое дар пажӯҳиши қонунҳои дохилии забонҳои халқҳои бародар гардид. Забоншиносон зери таъсири ин нишондод ба ҳалли маъалаҳои сохти грамматикӣ ва таркиби луғавии забон машғул гардиданд ва мақолаҳо асарҳо ба нашр расониданд.

Намунаи барҷастаи ин, назару андешаи Н. Маъсумӣ дар боби ҷумлаи мураккаби тобеъ дар ду асари ӯ: “Нишондодҳои методӣ ва супоришҳо аз забони модарӣ” [43] ва “Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик” [44] инъикос ёфтааст.

Асари якуми Н. Маъсумӣ “Нишондодҳои методӣ ва супоришҳо аз забони модарӣ” дастури таълимиест, ки асосан, мавзӯҳои наҳви забони тоҷикиро дар бар мегирад. Ин ҳолат аз он дарак медиҳад, ки дар солҳои 40-уми асри XX ҷумлаи мураккаб ҳоло таҳқиқи илмӣ нашуда буд. Ин мавзӯ дар сатҳи барномаи таълими мактабҳои таҳсилоти умумӣ то андозае матраҳ шуда, ба китобу дастурҳои таълимӣ ворид карда шудаанд.

Азбаски хусусиятҳои сохториву маъноии ҷумлаҳои мураккаби тобеъ то солҳои 70-уми асри XX дар забоншиносии тоҷик пурра омӯхтаву таҳқиқнашуда буд, Н. Маъсумӣ дар “Очеркҳо” баъзе ҳелҳои ҷумлаи пайравро ба тарзи омехта баррасӣ кардааст. Масалан, ду ҳели ҷумлаи пайравро дар як қатор гузошта, ҷумлаи мураккаби тобеъ бо пайрави ҳоли тарзи амал гуфтааст:

1. Бо ин шаклу шамоил намуди зоҳирии ноиб ба ҳуволи гандум монанд буд, ки даҳони вайро як қабза карда, бо даҳанбанд баста буданд [5, с. 23].

2. Булбулон, чи тавре ки парвона ба гирди шамъ мегардида бошад, ба гирди сари мо чарх мезаданд [5, с. 65].

Дар ҷумлаи мураккаби тобеи аввал шайъи ташбеҳшаванда ва ташбеҳкунанда ва адоти ташбеҳ дар таркиби сарҷумлаанд ва ҳолати шайъи ташбеҳкунанда дар ҷумлаи пайрав ифода шудааст, яъне ҷумлаи пайрав намуди зоҳирии “ҳуволи гандум”-ро шарҳ додааст ва тавассути мундариҷаи ҷумлаи пайрав намуди зоҳирии ташбеҳшаванда – намуди зоҳирии ноиб, маълум гардидааст, ба тарзи дигар, дар таркиби сарҷумла ташбеҳдиҳанда, ташбеҳкунанда ва адоти ташбеҳ омадааст, аммо вачҳи ташбеҳ дар ҷумлаи пайрав дарҷ гардидааст. Мундариҷаи сарҷумла аз ташбеҳ додани намуди зоҳирии ноиб ба ҳуволи пургандум иборат аст. Ибораи “ҳуволи пургандум” дар нақши пуркунандаи бавосита омадааст ва мундариҷа ё мазмуни ҷумлаи пайрав аломати зоҳирии ҳамон пуркунандаи сарҷумла – исми “ҳувол”-ро шарҳ додааст.

Дар асоси ин ҳама омилҳо ҷумлаи пайравро наметавон ҷумлаи пайрави ҳоли тарзи амал ё ҳоли монандӣ номид, балки ин омилҳо далолат менамояд, ки ҷумлаи пайрав ҷумлаи пайрави муайянкунандаи монандӣ – ташбеҳӣ аст.

Дар ҷумлаи мураккаби тобеи дуюм мундариҷаи ҷумла тасдиқи амали субъёкти ҷумла, яъне мубтадо ва макони вуқуи он амал мебошад ва мундариҷаи ҷумлаи пайрав ташбеҳи амали субъёкти сарҷумла ба субъёкти ҷумлаи пайрав аст. Аз ин рӯ, ҷумлаи пайрав ҷумлаи пайрави тарзи амал буда, амали фоили сарҷумларо бо роҳи монандкунӣ шарҳ додааст.

Бояд қайд кард, ки тобиши монандӣ доштани чунин хели ҷумлаи пайрави муайянкунанда сабаби он гардидааст, ки дар баъзе асарҳои илмӣ ба таҳқиқи ҷумлаи мураккаби тобеъ бахшидашуда ва китобҳои дарсии наҳви забони тоҷикӣ ин хел ҷумлаи пайравро ба қатори ҷумлаи пайрави тарзи амал ва монандӣ дохил карда, чунин ҷумлаҳоро мисол овардаанд: Ў монанди ҷақраи муме, ки аз шамъи афрӯхта мечакад, ғаврӣ ях баста монда буд [5, с. 178]. Абрҳои хурд монанди моҳиҳои хокистаранг, ки дар баҳри васеи шаффоф сайр карда гарданд, дар ҳавои соф шино мекарданд [5, с. 234].

Н. Маъсумӣ бо таълифи осори гаронарзиш тавонистааст, ки дар рушду инкишофи масоили камомухтаи бахшҳои забоншиносии навини тоҷик саҳми арзанда гузорад.

Зерфасли 4.1.5.-и боби чорум **“Раззоқ Ғаффоров ва масъалаҳои забоншиносӣ”**-ро фаро гирифтааст.

Албатта, омӯхтани забон ва услуби асари бадеӣ дар тақмили маҳорати адабии нависандагон ва пешрафти адибони ҷавон аҳамияти калон дошта, тақмили як шохҳои илми забоншиносӣ – услубиёт мегардад.

Дар забоншиносии тоҷик оид ба ин бахши забоншиносӣ қорҳои зиёде анҷом дода шудааст, ки яке аз онҳо рисолаи забоншиносии Р. Ғаффоров **“Забон ва услуби Раҳим Ҷалил”** [21] мебошад, ки дар инкишофи услубшиносии муосир ва забони имрӯзаи адабии тоҷик нақши муҳимме бозидааст.

Муаллиф қўшидааст, ки боигарии забони ин асарро бо роҳи ба ҳисоб гирифтани маводҳои зарурии тамоми эҷодиёти нависанда дар муқоиса бо забони асарҳои насрнависони дигари тоҷик таҳлил намояд.

Муаллиф забони романи **“Одамони ҷовид”**-ро ҳамчун қисми асосии забони нависанда аз назари таҳқиқ гузаронида, аз рӯи фактҳои забони нависанда доир ба категорияҳои алоҳидаи морфологӣ ва синтаксисӣ ҳулосаҳои илмӣ баровардааст.

Ба назари мо, гоҳо муаллиф ба масъалаҳои маъмули грамматикӣ дахл мекунад, ки зикри онҳо зарурат надорад. Аммо ин тарзи таҳлил дар бисёр мавридҳо аз он ҷиҳат ногузир шуда менамояд, ки бо ин роҳ тадриҷан хусусиятҳои забони нависанда, қомебиҳои вай, баъзан ҳатто, қамбудиҳои забони асарҳои ӯ бо асосҳои илмӣ шарҳу тавзеҳ меёбанд.

Муаллиф дар асоси таҳлили воситаҳои лексикӣ, фразеологӣ, грамматикӣ ва тасвири бадеии роман на фақат маҳорати адабӣ ва услуби фардии нависандаро муайян мекунад, балки хидмати ӯро дар инкишофи забони адабӣ, тараққиёти забон ва услуби насри муосири тоҷик хело барҷаста инъикос менамояд.

Забоншинос Р. Ғаффоров ин мавзӯро пайгирӣ намуда, доир ба ин масъала асари дигаре бо номи **“Нависанда ва забон”** [23] таълиф менамояд, ки то ба мушқилоти дар ин самт мавҷуда посух гуяд ва ба пажӯҳишгарон дар ҳалли муаммоҳои роҳнамоӣ намояд.

Асоси забон ва услуби ҳар як асари бадеиро забони адабии муосир, нормаҳои услубии он, ки бузургтарин сарвати маънавии халқ аст, ташкил менамоянд. Ин аст, ки хусусиятҳои услубӣ дар адабиёти бадеӣ маҳз дар доираи нормаи забони адабии муосир ба зӯҳур меоянд. Суханҳои ғавқ чунин маънӣ надорад, ки тамоми нависандагон дар як қолиб, ба як сурати ҳамранг ва умумӣ

асар меофаранд. Майдони забони адабӣ бисёр фарох аст. Ҳар як адиб аз рӯйи лаёқат ва таъб дар он ба тарзи худ метавонад ҷавлон занад. Аз ҳамин ҷост, ки адибони машҳури имрӯзаӣ мо, ҳарчанд ҳамашон аз забони адабии муосир истифода кардаанд, дорои услуби фардӣ, тарзи баёни хосанд. Онҳо дар истифодаи забони адабии давр ва имкониятҳои эстетикӣ он муносибати фардӣ зоҳир кардаанд.

Масъалаи риояи меъёри забони адабӣ ва дар зимни он сурат гирифтани услуби фардӣ дар адабиёти бадеӣ аз муҳимтарин талаботест, ки дар назди шоҳаи олии услубиёти забон – услуби бадеӣ, меистад. Баръакси чунин қоидаи ҳатмӣ баъзан, чунин суҳанҳое ҳам гушрас мешаванд, ки нависанда дар истифодаи забон озод аст, ӯ ҳақ дорад, дар ин соҳа мувофиқи хости худ амал намуда, баъзе қоидаҳоро шиканад. Ҳамчунин, тағйирот дар ҳаёти иҷтимоӣ ҷамъият боиси дигаргунӣ ҷиддии нормаи забони адабӣ мешавад.

“Дар ин давра нависандаи забардаст чун нобигаи даврон сарвати услубӣ, анъанавиро мӯшикофона таҳқиқ намуда, имкониятҳои созгори онро ба шароити нав мутобиқ мекунад, ҳамаи унсурҳои навро, ки бо тақозои муҳити тоза ба амал омадаанд, зарғарона санҷида ба қор мебарад ва бо ин амал ба тамоюли нави инкишофи забон сарварӣ менамояд” [23, с. 8] – таъкид мекунад муҳаққиқи услубшинос, профессор Р. Ғаффоров.

Унвони зерфасли 4.1.6.-и боби ҷаҳорум **“Шарофиддин Рустамов ва мақоми ӯ дар ташаккули забоншиносии навини тоҷик”** мебошад.

Ш. Рустамов ба майдони илми забоншиносии навини тоҷик охири солҳои 50-уми асри XX ворид гардида, ба таҳқиқи “Ҷумлаи мураккаби тобеъ бо пайрави сабаб дар забони адабии ҳозираи тоҷик” [61] машғул шуда, соли 1964 дар ин мавзӯ рисолаи номзадӣ дифоъ менамояд ва он соли 1968 дар шакли китоб ба таъб мерасад.

Тазаккур бояд дод, ки Ш. Рустамов ибтидои фаъолияти илмӣ хешро аз бахши наҳв оғоз намуда, фаъолияти баъдии хешро пурра ба бахши сарфи забони тоҷикӣ бахшидаст. Азбаски фаъолияти илмӣ мавсуф солҳои баъдӣ низ идома ёфтааст, мо таҳлилу баррасиҳоро оид ба осори илмӣ профессор Ш. Рустамов дар боби панҷум мавриди ҷамъбаст қарор медиҳем.

Зерфасли 4.1.7.-и боби ҷоруми диссертатсия **“Ҳудойод Ҳусейнов муҳаққиқи ҷумлаҳои мураккаби тобеъ”** унвон дорад.

Таҳқиқи хусусиятҳои шаклию маъноии ҷумлаҳои мураккаб ҳарчанд ки дар осори илмӣ таълимии гузаштаӣ мо ба сурати муҳтасар вобаста ба қазияҳои мантиқӣ ва шарҳи санъатҳои лафзӣ маънавӣ дида шавад ҳам, дар забоншиносии навини тоҷик, яъне забоншиносии аҳди шӯравӣ тоҷик, феълан, дар заминаи таълифи китобҳои дарсӣ аз ҷанми забони тоҷикӣ шӯруш шудааст.

Яке аз паҷуҳишҳои ҷиддӣ дар ин самт асари забоншинос Х. Ҳусейнов бо номи “Ҷумлаи мураккаби тобеъ бо пайрави замон дар забони адабии ҳозираи тоҷик” [84] ба шумор меравад. Воқеан, ин асари таҳқиқӣ барои омӯхтани ҷумлаҳои мураккаб бо ҷумлаҳои пайрави гуногун як заминаи гардид ва то солҳои 80-уми асри XX ҳамаи хели ҷумлаҳои пайрав бо сарҷумлашон таҳқиқи бунёдӣ шудаанд.

Бо таълифи ин асар бисёр нуктаҳои торику норавшани хусусиятҳои сохтори маъноии ҷумлаҳои мураккаби тобеъ, омилҳои луғавию дастурии онҳо, аломатҳои шинохти ин хели ҷумлаи мураккаб равшану муайян гардид ва барои таҳқиқи хелҳои дигари ҷумлаҳои мураккаби тобеъ заминаи асосӣ гардид. Дар забоншиносии тоҷик бори аввал хусусиятҳои сохтори маъноии ҷумлаи мураккаби тобеъ дар ин асар мушаххасан чунин баён карда шудааст: “Дар таркиби ҷумлаҳои мураккаби тобеъ ҳама гуна ҷумлаҳои сода чи аз ҷиҳати сохт ва чи аз ҷиҳати маъно бо ҳамдигар вобаста гардида, маънои мустақили худро то андозае гум мекунанд ва яке ба дигаре тобеъ мешавад, ки типии махсуси ҷумлаҳои мураккаби тобеъ ҳам аз ҳамин ҷо сар мезанад” [84, с. 10].

Аз иқтибоси Ҷавҳири маълум мегардад, ки муаллифи рисола ҳануз ҳамоно солҳо ба усули структурӣ – семантикӣ, ки ибтидои солҳои 50-уми асри XX дар забоншиносии рус пайдо шуда буд, огоҳ будааст. Дар таҳқиқи забоншинос Х. Ҳусейнов меъёри қиёсан ба аъзоҳои ҷумлаи сода тасниф кардани ҷумлаҳои пайрав низ мавқеъ дорад, ки инро аз қавли зерини муҳаққиқ метавон пай бурд: “Ҳамаи ҷумлаҳои пайрав дар нишон додани вазифаи синтаксисӣ ба аъзои ҷумлаҳои сода (сараъзо ё аъзоҳои пайрав) монанд мебошанд. Аз ин рӯ, онҳо дар таркиби ҷумлаи мураккаб (ҷумлаи мураккаби тобеъ), аъзои ҷумлаи сода қадом вазифаро, ки иҷро кунад, айнан ҳамоно вазифаро ба ҷо меоранд” [84, с. 11].

Ба назари ин ҷониб, ифодаи “айнан” дар муҳокимаи Ҷавҳири сахт нест, чаро ки ҳеҷ гоҳ ибораҳои ҳаммаъниву муродифи ҷумлаҳои пайрав айнияти якдигар буда наметавонанд. Онҳо воҳидҳои муҳталифи нахвианд, ки дар ифодаи мазмунҳои тавсифию тавзеҳӣ гоҳо бо ҳам муродиф мешаванд ва бештар аҳамияти услубӣ доранд. Ҷумлаи пайрав воҳиди предиктивии нутқ аст, аммо ибора воҳиди номинативӣ, аз ин ҷиҳат ин ду воҳидро айни якдигар доништан раво ҳам буда наметавонад.

Он ҳама андешаҳои муаллиф, ки дар шинохти ҷумлаи мураккаби тобеъ баён кардааст, ҳарчанд ки аз ҷидди забоншиносии муосири умумӣ ва забоншиносии имрӯзи тоҷикӣ ноқисӣ дошта бошад ҳам, аз нигоҳи замон, ки ҳоло меъёрҳои таснифи ҷумлаҳои пайрав дар забоншиносии умумӣ устувор нагардида буд, иқдоми ҷиддӣ маҳсуб мешуд. Масалан, муаллиф дар шинохти ҷумлаи пайрави замон ин тавр қазоват кардааст: “Вазифаи асосии синтаксисии ҷумлаи пайрави замон ҳоҳ ба таври умумӣ бошад, ҳоҳ ба таври конкретӣ нишон додани замони ба вуқӯъ омадани амалу ҳолатҳои сарҷумла мебошад” [84, с. 12].

Ҳамин тавр, асари таҳқиқии забоншинос Х. Ҳусейнов “Ҷумлаи мураккаби тобеъ бо ҷумлаи пайрави замон дар забони адабии ҳозираи тоҷик” дар нахвешиносии навини тоҷик аз нахустин таҳқиқоти махсуси ҷиддӣ маҳсуб ёфта, забоншинос Х. Ҳусейнов ғайр аз ин рисолаи боарзиш боз чандин китобу рисолаҳои дигар низ таълиф карда, дар рушди забоншиносии навини тоҷик саҳми муҳим гузоштааст.

“Муҳаммадҷон Шукров (Шакурӣ) ва нақши ӯ дар масъалаҳои тозагии забони адабии тоҷик” унвони зерфасли 4.1.8.-и боби чаҳорум мебошад.

Солҳои 60-ум дар илми забоншиносии навини тоҷик ба маданияти сухан ва шакл гирифтани он эътибори ҷиддӣ дода шуда, сари масъалаҳои меъёри забони адабӣ, хусни баён, риояи қоидаҳои дастури забони адабӣ, хусусиятҳои

услуги вохидҳои забон, имло ва аломатҳои китобат мақолаҳои зиёде ба нашр расиданд. Чунонки академик М. Шакурӣ таъкид кардааст, солҳои шасту ҳафтод ва ҳаштод давраи ривоч ёфтани тамоюлоти нав дар инкишофи забони адабӣ, қувват гирифтани кӯшишҳо дар роҳи худдорӣ аз одисуханӣ, афзудани диққати назар нисбат ба меъёрҳои халқию классикӣ ва асолати сухан мебошад.

Устод М. Шакурӣ бештар дар атрофи маданияти нутқ, забони матбуот, истифодаи дурусти сухан, ҷой ва макоми он мақолаҳо асарҳо нигоштааст. Чунончи, дар мақолаи “Як воситаи муҳимми инкишофи маданияти нутқ” [87] чунин баён намудаанд: “Яке аз воситаҳои муҳимми инкишофи маданияти нутқ забони радио ҳисоб мешавад. Радио бояд забони бурро, тоза ва раван дошта бошад. Фақат дар ҳамин сурат мазмуни баланди материалҳои он ба шунавандагон дастрас шуда, таъсир бахшида метавонад, вале забони радиошунавонӣ дар республика ҳануз аз бисёр ҷиҳат ба ин талабот ҷавоб дода наметавонад” [87, с. 37]. Инчунин, дар мақолаи “Шаммае аз аҷоиботи забони матбуот” [88] дар мавриди истифодаи кур-куронаи калимаҳо баҳс менамояд, ки одамон ба маънои калимаҳо сарфаҳм нарафта, онҳоро истифода менамоянд. Бештари ин нофаҳмиҳо аз ҷониби тарҷумонҳо рух медиҳад. Чунончи: “Тарҷумонҳои мо калимаи “ташриф”-ро тарҷумаи “визит” қарор доданд ва чунин ҷумлаҳо месозанд: “Ҳайати вакилон ташрифи дӯстона оварданд” ва ҳоказо. Бо ин тарз кор фармудани “ташриф” ҳоло бисёр дида мешавад, ки нодуруст аст. Чаро? Чунки “ташриф” аз “шараф” буда, маънои он шарафёб кардан, бузург кардан ва бузург доштан мебошад [88, с. 254]. Устод Шакурӣ таъкид менамояд, ки ин гуноҳи ҳодимони матбуот аст, онҳо бояд нуктасанҷ бошанд.

Хулоса, академик М. Шакурӣ дар баробари таълифи осори адабиётшиносӣ ба таҳқиқи баррасии ҷанбаҳои забоншиносӣ пардохтааст. М. Шакурӣ нахуст ба баъзе китобҳои мақолаҳои забоншиносӣ тақризу назариёти хешро манзур гардонид, баъдан кутуби “Забони мо ҳастии мост” ва “Ҳар сухан ҷоеву ҳар нукта мақоме дорад” [90]-ро пешниҳоди муҳотабон намуд.

Боби панҷуми диссертатсия “**Андашаҳои муҳаққиқони забон дар солҳои 70-уми асри XX**” номгузори гардида, аз як фасла дувоздаҳ зерфасл иборат мебошад.

Фасли якуми боби панҷум “**Марҳилаи ҷамъбасти натиҷаҳои пажӯҳиш ва таҳқиқи бахшҳои илмҳои забоншиносӣ**” ном дорад.

Дар фасли мазкур марҳилаи ҷамъбасти натиҷаҳои пажӯҳишу таҳқиқи бахшҳои мухталифи илми забоншиносии тоҷик дар солҳои 70-уми асри XX мавриди таҳлил қарор гирифтааст.

Муҳаққиқони забоншиносии тоҷик онд ба қисматҳои гуногуни забоншиносии навини тоҷик дастури китобҳои дарсӣ, мақолаву рисолаҳои илмӣ таълиф намудаанд. Дар ин давра омузиши муқоисавии масъалаҳои гуногуни забоншиносии тоҷик низ раванқ мегирад.

Дар нимаи аввали солҳои 70-ум дар баробари насли калонсоли забоншиносон як зумра ҷавонон низ зери роҳбарии устодони таҷрибадор ба таҳқиқи мавзӯҳои мухталифи забоншиносӣ машғул шуда, чандин марчумаи мақолаҳои муҳаққиқони ҷавони забоншинос ба таъъ расидааст. Чунончи: Ш. Кабиров “Ҷумлаҳои беаъзо дар забони адабии ҳозираи тоҷик”, Ҳ. Талбакова

“Истеъмоли калимаҳои ифодакунандаи касбу ҳунар (дузандагӣ) дар “Маъвои дил”-и Р. Чалил”, К. Қаландаров “Ташаккул ва тақомули ҷумлаҳои мураккаби тобеъ дар забони адабии тоҷик”, П. Қурбонов “Як типҳои нави ҷумлаи пайрав дар забони адабии ҳозираи тоҷик”, Ш. Исмоилов “Истифодаи лексикаи шеваҳои маҳаллӣ дар таълими забони адабӣ”, З. Раҳмонова “Баъзе мулоҳизаҳо доир ба истеъмоли калимаҳои архаистӣ дар насри муосири тоҷик”, С. Собирҷонов “Ҷумлаи саволӣ”, А. Солиев “Доир ба ибораҳои номии пешояндӣ дар забони адабии ҳозираи тоҷик”.

Ҳамин тариқ, дар солҳои 70-ум як зумра забоншиносони тоҷик ба монанди Т. Зехнӣ, Р. Ҳошим, Б. Ниёзмӯҳаммадов, Д. Тоҷиев, Н. Маъсумӣ, Р. Ғаффоров, А. Халилов, Р. Х. Додихудоев, А. Каримов, А. Мирзоев, Ш. Рустамов, С. Хушенова, М. Эшнӣёзов, Б. Сиёев, С. Ҳалимов, Х. Ҳусейнов, М. Қосимов, С. Раҳматова, Т. Хаскашов, М. Мӯҳаммадиев, Ҳ. Раупов, Н. Шарофов, М. Исмагуллоев, Ф. Зикриёев, П. Қурбонов, Ҳ. Маҷидов, Б. Камолитдинов, Абдусаттор Мирзоев, С. Атобуллоев, Д. Ҳочаев, С. Сабзаев, А. Юнусов ва дигарон ба таҳқиқи ҷамъбасти масъалаҳои мубрами забоншиносӣ машғул шуда, осори гаронарзише ба ҷой гузоштанд.

Ин марҳила давраи рушду тақмили илми забоншиносии аҳди шуравии тоҷик маҳсуб меёбад. Аз як тараф, масъалаҳои камтаҳқиқшуда таҳқиқи низоӣ мешуданд, аз тарафи дигар, масъалаҳои таҳқиқшуда ҷамъбасту натиҷагирӣ карда мешуд.

Аз натиҷаҳои таҳқиқи дастҷамъона “Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик” (1977) нашр мегардад. То таҳияи ин тарҳ “Грамматикаи забони тоҷикӣ”, синтаксис. Китоби дарсӣ барои мактабҳои олий. Қ. 2. – Душанбе, 1970 навиштаву нашр карда мешавад.

Дар баҳши лексикаи забони адабии тоҷик асари Н. Шарофов бо номи “Калимаҳои русию интернатионалӣ дар забони адабии тоҷик” соли 1972 ба таъби мерасад, ки дар он оид ба роҳҳои инкишофи лексикаи забони адабии тоҷик дар замони шуравӣ, қабули калимаҳои русию интернатионалӣ, хусусиятҳои фонетикӣ баъзе калимаҳо, мавқеъ ва сатҳи калимаҳои русию интернатионалӣ дар калимасозӣ андешаҳои муаллиф баён гардидааст. Дар асар роҳҳои дар луғатҳои дузабона овардани калимаҳои русию интернатионалӣ нишон дода шудааст.

Доир ба таърихи фарҳангшиносӣ асари Ҳ. Рауфов бо номи “Фарҳанги Ҷаҳонгирӣ” ҳамчун сарчашмаи лексикографияи тоҷикӣ-форсӣ (1972) ба нашр мерасад.

Дар боби сарф дар ин давра махсусан, асарҳои профессор Ш. Рустамов: “Таснифоти ҳиссаҳои нутқ ва мавқеи исм” (1972), “Калимасозии исм дар забони адабии ҳозираи тоҷик” (1972), “Исм” (1981), ки доир ба арзиши забоншиносии онҳо дар фасли алоҳида суҳан хоҳем ронд, мавқеи муҳим доранд.

Зербаҳши фасли 5.1.1.-и боби панҷум ба баррасии мавзӯи **“Додочон Тоҷиев ва масъалаҳои таҳқиқи ҷумлаҳои мураккаби тобеъ”** ихтисос дода шудааст.

Профессор Д. Тоҷиев то ба нашр расонидани рисолаи илмӣ пурмуҳтавои худ “Ҷумлаҳои мураккаби тобеъ дар забони адабии ҳозираи тоҷик”

[72] чандин мақола ва дастуру китобҳо дар боби ҷумлаҳои мураккаби тобеъ манзури хонандагону муҳаққиқон намудааст. Соли 1966 асари ӯ “Ҷумлаҳои мураккаби тобеи сертаркиба” [71] ба таъб мерасад, ки дар шинохти ин қолаби ҷумлаи мураккаби тобеъ дастури роҳнамо ба шумор мерафт. Д. Тоҷиев дар масъалаи таснифу гурӯҳбандии анвори ҷумлаи пайрав саҳми воситаҳои алоқаро бисёр муҳим медонад, бинобар ӯ ба таҳқиқи воситаҳои алоқаи ҷумлаҳои пайрав ба сарҷумла чанд сол ҷиддӣ машғул мешавад ва натиҷаҳои паҷуҳиши ҳешро ба сурати бисёр пухтаву мантиқӣ, бе суханпардозиву лафзбозӣ, ки баъзан дар қисме аз таҳқиқҳо ба ҷашм мерасад, арзишу саҳми воситаҳои алоқаи дастурии ҷумлаҳои пайравро ба сарҷумла дар рисолаи “Воситаҳои алоқаи ҷумлаҳои мураккаби тобеъ дар забони адабии тоҷик” бисёр мӯшиқофона нишон медиҳад.

Хулоса, Д. Тоҷиев дар илми забоншиносии навини тоҷикӣ дар ҳама бахшҳои он таълифоти мондагору анҷом дода, алаҳусус, дар бахши наҳвиношӣ ба шинохти наҳви ҷумлаҳои мураккаби тобеъ дар сатҳи забоншиносии собиқ Иттиҳоди шуравӣ ва ҳақон масъалаҳои назариявии ин боби наҳвро пешниҳоду баррасӣ намудааст.

Зерфасли 5.1.2.-и боби панҷум **“Раззоқ Ғаффоров ва масъалаҳои таҳқиқи шевашиносӣ”** унвон дошта, асосан, нигоштаҳои Р. Ғаффоров оид ба таҳқиқи наҳви шеваи ҷанубии забони тоҷикӣ бахшида шудааст.

Солҳои 70-уми асри XX Р. Ғаффоров ба таҳқиқи синтаксиси ҷумлаи сода дар шеваи ҷанубии забони тоҷикӣ ҷиддӣ машғул гардида, дар ин бобат рисолаи таҳқиқие соли 1979 бо номи “Синтаксиси ҷумлаи сода. Шеваи ҷанубии забони тоҷикӣ” [22] ба нашр мерасонад. Дар ин рисола масъалаҳои тафовут дар сохтори ибораҳо, тафовутҳои шевагӣ дар шакли хабар; хабарҳои феълии сода, тафовут дар хабарҳои феълии сода, ки бо феълҳои сода ва таркибӣ ифода ёфтаанд, тафовутҳои диалектологӣ дар хабарҳои содаи феълии мураккабсохт, хабарҳои таркибӣ, шаклҳои асосии хабарҳои номӣ, тафовути диалектологӣ дар истифодаи муҳобиротии сифати феълӣ, ифодаи хабар бо шакли сифати феълии замони гузашта, ифодаи хабар бо шакли сифати феълии замони ҳозира, ифодаи хабар бо шакли замони ояндаи сифати феълӣ, хабарҳои мураккабсохти бо сифати феълӣ ифода ёфта, тафовутҳо дар шаклгирии пурқунандаҳои гуногун, пурқунандаи бевосита, пурқунандаи бавосита, тафовутҳои диалектологӣ дар ифодаи ҳолшарҳқунандаҳо (ҳоли макон, замон, сабаб, мақсад, тарзи амал, миқдору дараҷа, монандӣ, ҳилофӣ) ва тафовутҳо дар сохтори ҷумла хеле муфасссал баррасӣ шудаанд.

Муҳаққиқ таъкид менамояд, ки: “дар гуиши шеваи ҷануб мисли гуиши дигар шеваҳои забони тоҷикӣ ва забони адабии тоҷик ҳамаи ҳелҳои ибораҳо дида мешавад. Аммо тафовут низ ба назар мерасад. Ин тафовут, асосан, дар сохтори воситаҳои алоқа, дараҷаи истеъмоли он воситаҳо дида мешавад. Дар шеваи ҷануб ин тафовутҳо бештар дар сомондихии ибораҳои номӣ равшан мушоҳида мешавад” [22, с. 103].

Ифодаи хабарҳои феълӣ дар гуишҳои забони тоҷикӣ мувофиқи таҳқиқи муаллиф аз нигоҳи сохт ду ҳел мешавад: сода ва таркибӣ. Дигар масъалае, ки дар боби сараъзоҳо муаллифи рисола ба миён гузоштааст, тафовути хабарҳои феълӣ аз хабарҳои номӣ мебошад. Муҳаққиқ таъкид мекунад, ки: “ду ҳели хабарҳо –

хабарҳои номӣ ва хабарҳои феълӣ аз ҳам ба таври қатъӣ фарқдоранд, чӣ аз ҷиҳати мундариҷаи нахвӣ, чӣ аз ҷиҳати воситаҳои дастуриву ифодашон. Аммо дар забоншиносии Эрон, аз ҷумла дар таҳқиқоте, ки ба забони тоҷикӣ ва форсӣ (саҳеҳтараш ба нахви ҷумлаҳои содаи забони адабии тоҷику форс- Ҳ. В.) бахшидашуда нозуктарин вижагӣ ва сохтори хабарҳои феълию номӣ нишон дода нашудаанд” [22, с. 108].

Хулоса, рисолаи илмӣ забоншинос Р. Ғафоров “Синтаксис таджикских говоров в сравнительном освещении (Простое предложение)” дар шевашиносии солҳои 70-уми асри XX-и тоҷик дастоварди муҳим маҳсуб меёбад.

Зерфасли 5.1.3.-и боби панҷум **“Шарофиддин Рустамов ва таҳқиқи калимасозӣ”** унвон дорад.

Мо дар боби чаҳоруми диссертатсия осори илмӣ марҳилаи аввали ин забоншиносро то андозае баррасӣ намудем ва таъкид ҳам кардем, ки нахустин асари таҳқиқӣ вай ба ҷумлаи мураккаби тобеъ бо пайрави сабаб бахшида шудааст. Аммо баъдтар диққати ин муҳаққиқро масъалаҳои сарфи забони тоҷикӣ, аз ҷумла, исм, категорияҳои он, калимасозии ин ҳиссаи мустақил ва номии нутқ ҷалб менамояд. Аз ин ҷост, ки то таҳқиқи яқлукху бунёдии исм чандин мақолаҳо дар нашриҳои муҳталиф нашр менамояд, дар конференсияҳои ҷумҳуриявӣ байналмилалӣ бо маърузаҳо баромад карда, доираи васеи донишмандонро ба масъалаи мазкур ошно месозад. Ин мавзӯро дар мақолаҳои чун “Исмшавии сифат”, “Як қилиби калимасозии исм”, “Калимасозии факки изофат”, “Калимасозӣ ва услуб”, ки дар маҷаллаву маҷмуаҳои гуногун ба таъбиридаанд, баррасӣ намудааст.

Соли 1972 рисолаи доктории худро таҳти унвони “Имя существительное в современном таджикском литературном языке” Ҳимоя кард, ки баъдтар, яъне соли 1981 бо номи “Исм” [63] ба забони тоҷикӣ нашр шуд.

Муҳаққиқ дуруст таъкид менамояд, ки дар забоншиносии навини тоҷик ҳарчанд ки мавзӯи исм ҳадафи таҳқиқу омӯзиши зиёд қарор гирифта шуда бошад ҳам, аммо бисёр масъалаҳои печидаву душвори он ҳал нашуда мондаанд, бинобар таҳқиқи бунёдиву ҷамъбастии он зарур гардид, чаро ки исм дар паҳлуи феъл аз муҳимтарин ва асоситарин ҳиссаҳои нутқ ба шумор меравад.

Боби якум ба масъалаи омӯзишу таҳқиқи исм дар забоншиносии тоҷик бахшида шудааст. Ш. Рустамов ба фарҳангҳои “Фарҳанги Ҷаҳонگیرӣ”, “Фарҳанги Рашидӣ”, “Бурҳони қотеъ” ишора карда, аз онҳо дар бораи ҷамъбандии исм бо пасвандҳои ҷамъсозӣ “-он”, “-ҳо”; пасвандҳои калимасозу шаклсоз намуна овардааст. Масалан, муҳаққиқ аз “ойин”-и нухуми “Фарҳанги Ҷаҳонگیرӣ” намунаҳои зеринро овардааст: -манд (хирадманд, донишманд), -ванд (Худованд), -гор (хидматгор, омӯзгор, созгор), -вар (тоҷвар, ҳунарвар), -ур (ғанҷур, ранҷур, муздур, дастур), -лох (санглох, девлох, рудлох), -сор (намаксор, шохсор, кӯҳсор), -зор (гулзор, сабззор), -бор (дарёбор, ҳиндбор, рудбор), -(и) стон (бистон, гулистон, сангистон), -гар (косагар, шишагар), -бон (филбон, дарбон), -вон (уштурвон, астарвон), -ор (харидор, фурухтор, рафтор, кирдор, гуфтор), -иш (дониш, омӯзиш).

Мутаассифона, муаллиф таърихи масъаларо аз “Фарҳанги Ҷаҳонگیرӣ” доништааст, ҳол он ки ин таърих боз ҳам қадимтар аст, яъне то “Фарҳанги

Чохонгирӣ” дар фарҳангҳои “Адот-ул-фузало”-и Қозихон Бадр Муҳаммади Дехлавӣ (соли таълифи фарҳанг 1419), “Шарафномаи Аҳмади Мунярӣ”-и Иброҳим Қавомиддини Форукӣ (соли таълифи луғат 1473-74), “Муайид фузало”-и Муҳаммади Лод (соли таълифи луғат 1519) маълумоти мухтасари дастурӣ, аз ҷумла, оид ба пасвандҳои шаклсоз дида мешавад. Дар ин боби рисола Ш. Рустамов аз таърихи омузишу таҳқиқи исм дар забоншиносии форсӣ ва тоҷикӣ таваққуф намуда, андешаҳои худро оид ба арзиши он таҳқиқот иброз намудааст, масалан, ӯ таъкид мекунад, ки дар диссертатсия аз хулосаҳои муҳаққиқони сохтори забони форсӣ В. С. Расторгуева, Л. С. Пейсиков, Ю. А. Рубинчик, И. К. Овчиникова, Н. З. Хотамӣ, Ж. Лазар ва дигарон истифода кардааст.

Дар боби дуюми рисола Ш. Рустамов доир ба гурӯҳбандии ҳиссаҳои нутқ ва мавқеи исм дар низоми ҳиссаҳои нутқи забони тоҷикӣ сухан меронад. Ӯ дар асоси як қатор асарҳои забоншиносони рус, ки оид ба масъалаи таснифҳои ҳиссаҳои нутқ дар забонҳои гуногун изҳори назар кардаанд, ба хулосае меояд, ки масъалаи ҳиссаҳои нутқ на танҳо дар забоншиносии навини тоҷик, балки дар тамоми забоншиносии ҷаҳон аз муҳимтарин, душвортарин ва ҳалнашудани грамматика маҳсуб меёбад.

Дар боби сеюми рисола масъалаи категорияҳои грамматикӣ (дастурии) исм таҳқиқу баррасӣ шудааст.

Категорияи шумора ба сифати аломати асосии категорияи грамматикӣ фарқкунандаи исм аз сифат баромад мекунад.

Муҳаққиқ пасвандҳои ҷамъбандии классикӣ, арабӣ ва муосири тоҷикиро шарҳу тавзеҳ дода, ба хулосае меояд, ки барои категорияи ҷамъбандии забони тоҷикӣ воситаи асосӣ ва серистеъмол пасвандҳои ҷамъсозӣ “-ҳо” ва “-он” маҳсуб меёбад.

Дарвоқеъ, дар таърихи афкори забоншиносии тоҷик донишмандони гузашта мо ҳам барои исмҳои зируҳ пасванди “-он”-ро ва ҳам барои исмҳои беруҳ пасванди “-ҳо”-ро ҷун пасванди ҷамъсоз донистанд.

Дар боби чаҳоруми рисола Ш. Рустамов масъалаи калимасозии исмро таҳқиқу баррасӣ кардааст. Дар таҳқиқи ин масъала ӯ ба андешаҳои муҳаққиқи шинохтаи таърихи забон профессор В. А. Лившице такя карда, изҳор менамояд, ки: “калимасозӣ воситаи асосии боигарии таркиби луғавии забони тоҷикӣ ба шумор рафта, бо ин роҳ таркиби луғавӣ бо калимаҳои нав такмил меёбад” [62, с. 70].

Воқеан, калимасозӣ дар тамоми марҳилаҳои инкишофи забони тоҷикӣ яке аз роҳҳои пурмаҳсули такмили таркиби луғавии забони тоҷикӣ, таъмини имкониятҳои пешрафти забони ноби тоҷикӣ ва салосату нафосати он ба шумор рафта, дар ин бора муаллифони фарҳангҳои пешин, асарҳои ба улуми сегонаи адабӣ бахшида шуда, қайдҳои муфид ҳам кардаанд.

Профессор Ш. Рустамов барои калимасозии исм 5 роҳу воситаро нишон додааст:

1. Роҳи морфологӣ: а) исмсозии пасвандӣ; б) исмсозии пешвандӣ; в) исмсозии пешвандиву пасвандӣ.

2. Роҳи синтаксисӣ – морфологӣ (мураккабшавӣ): а) мураккабшавии “соф”; б) мураккабшавии пешванду пасвандӣ.

3. Ихтисоршавӣ
4. Аббревиатсия
5. Як ҳиссаи нутқ ба ҳиссаи нутқи дигар гузаштан [63, с. 75].

Ниҳоят, боби панҷуми рисолаи Ш. Рустамов “Вазифаҳои синтаксисии исм” ном дошта, чунон ки худӣ муҳаққиқ таъкид кардааст, ин масъала дар забоншиносии навини тоҷик дар солҳои 70-уми асри XX пурра ҳал шудааст.

Ҳамин тариқ, дар солҳои 70-ум профессор Ш. Рустамов як даста мақола ва чанд дастуру рисолаҳои дигар ҳам навиштааст, аммо рисолае, ки мо онро баррасӣ намудем, дар ин марҳилаи ташаккули забоншиносии навини тоҷик нақши алоҳида дошта, махсусан, барои дар солҳои баъдӣ ба майдон омадани чандин рисола дар боби калимасозӣ таъсири калон расондааст.

“Баррасии масъалаҳои забоншиносӣ аз назари Абдулғанӣ Эшонҷонов” муҳтавои зерфасли 5.1.4.-и боби панҷумро ташкил медиҳад.

Шуруъ аз охирҳои солҳои 50-ум А. Эшонҷонов дар баробари корҳои методӣ ва таълифи китобҳои дарсию дастурҳои роҳнамо ба таҳқиқи масъалаҳои камомухташудаи забоншиносии тоҷик машғул мешавад, чунончи: “Феълҳои тасрифшаванда дар мақеи хабарҳои номӣ”, “Именное сказуемое в современном таджикском литературном языке”, “Именное сказуемое и способы его выражение в таджикском литературном языке”, “Хабарҳои номии маъмул”, “Хабарҳои номӣ ва тарзи ифодаёбии онҳо дар забони адабии тоҷик”, “Қумлаи пайрави муайянкунанда ва хусусиятҳои он дар забони адабии ҳозираи тоҷик”, “Аъзоҳои чиди қумла дар забони ҳозираи тоҷик”, “Қумлаҳои чидаъзо ва баъзе хусусиятҳои грамматикӣ он.

А. Эшонҷонов соли 1959 дар мавзӯи “Хабарҳои номӣ дар забони адабии ҳозираи тоҷик” [91] рисолаи номзадӣ дифоъ карда, онро соли 1969 ба шакли китоби алоҳида ба нашр мерасонад.

Ин асар дар наҳви қумлаҳои сода яке аз беҳтарин таҳқиқ маҳсуб меёбад. Тавре ки дар сарсухани ин асари худ муаллиф таъкид кардааст, ӯ дар ифодаи хабарҳои номӣ ба воситаи исм, мафҳумҳои предметонидашуда, сифат ва ҳелҳои он, шумора, ҷонишин ва ҳелҳои он, зарф, масдар, сифати феълӣ, ибораҳои пешояндӣ, ибораҳои рехта ва ғайрирехта ифода гардидааст, факту далелҳои зиёд гирд овардааст.

Ба андешаи муҳаққиқ, дар ташаккули хабарҳои номӣ, пеш аз ҳама исм, сифат, шумора, зарф хеле ғаёл аст. Ғайр аз ин, ҳиссаҳои нутқ мафҳумҳои сифатӣ исмӣ ва сифати феълӣ низ дар нақши хабарҳои номӣ меоянд. “Дар забони адабии ҳозираи тоҷик ҳамин факти забониро низ қайд кардан зарур аст, ки ба вазифаи хабар омадани исми хос (ҷондор ва бечон) ба феълҳои ёридиҳанда не, балки ҳолис ва ё бо бандакҷонишинҳои хабарӣ, бештар ифода меёбад: Ҳамин ҷавон Абуалӣ ибни Синост. Яке аз шахрҳои қадими Осиёи Миёна Бухорост. Ин дарё Сир аст [91, с.97].

Бо ҳамин усул доир бо ҳама хели исмҳо мисолҳои фаровон оварда, ҷо-ҷо вижагиҳои онҳоро дар адои нақши хабари номӣ таъкид карда, сохту таркибашонро ҳам нишон додааст.

Муҳаққиқи мавзӯи хабарҳои номӣ А. Эшонҷонов категорияи шахс, шумора ва замонро низ дар хабарҳои номӣ инкор накардааст. Дар ин бобат А.

Эшончонов дар рисолаи зикргардида ин тавр қазоват кардааст: “Аз рӯйи шахсу шумора ва шакл мувофиқат қардани хабар ба мубтадо дар ҷумла алоқаи бевосита байни ин ду сараъзоҳои ҷумла мебошад. Дар ин бобат роли хабар хеле калон аст, зеро вай хоҳ шаклан ва хоҳ мазмунан таҷассумкунандаи субъект ва ҳукм мебошад ва ин ҳодиса, алалхусус, дар хабарҳои феълӣ характернок аст” [91, с. 101].

Хулоса, ин рисолаи забоншинос А. Эшончонов дар таҳқиқи наҳви ҷумлаҳои сода дар забоншиносии навини тоҷик дар солҳои 70-уми асри XX яке аз муҳимтарин таҳқиқот маҳсуб меёбад.

Зерфасли 5.1.5.-и боби панҷум **“Муқаррама Қосимова ва масъалаҳои таҳқиқи таърихи забон”** ном дорад.

Фаъолияти илмӣ М. Қосимова аз солҳои 60-уми асри XX шуруъ гардида, соли 1962 таъти роҳнамоии профессор Д. Тоҷиев дар мавзӯи “Ҷумлаи пайрави шартӣ дар забони адабии тоҷик” [40] рисолаи номзадӣ дифоъ менамояд.

То таълифи рисолаи мазкур муаллиф аз натиҷаҳои паҷӯшиши худ ҷанд мақолае навишта, манзури муҳаққиқон ғардонидаст.

Як ғартариин ин таҳқиқи муҳаққиқи ҷавон дар ин аст, ки ӯ ғар хилофи баъзе муҳаққиқон дар тасдиқи мулоҳизаҳои худ, асосан, қӯшиш кардааст, ки аз осори мансури муосир мисолҳо биёрад ва ағар аз осори манзум яғон-яғон намуна оварданӣ шавад ҳам, онро аз назми муосир оварда, аз осори манзуми классикӣ низ ба сурати фаровон истифода кардааст.

Ин усули таҳқиқ тасдиқи он ҳақиқати таърихино қувват медиҳад, ки забони адабии муосири тоҷик идомаи ҳамон забони адабии тоҷикии дариест, ки ҳануз дар асри X қомилан шакл гирифта, дар ҳамон услубҳои ниғориш мустаъмал буд.

Муқоиса шавад:

Ғар ғар сари нафси худ амирӣ, мардӣ

Ғар қуру қар ар нуқта нағирӣ, мардӣ [60, с. 74].

Халқи ҳиндуи ситамқашро расон аз мо салом,

Эй суруди ман, ағар дорӣ ту ҳам болу паре [73, с. 53].

Бубинед, ки дар назми ду шоири тоҷик, ки яке дар асри X, дигаре дар асри XX эҷод кардаанд, ифодаи ҷумлаи пайрави шарт ҳеҷ тафовути назаррас дида намешавад.

Шуруъ аз нимаи дуюми солҳои 70-ум М. Қосимова ба таҳқиқи вижағҳои наҳвии осори классикӣ забони адабии тоҷик меғардозад ва дар ин замина ҷандин мақола, маҷмуаи матнҳо ғарои қорқарди мавзӯҳои наҳв ва дастури таълими таълиф намудааст, ҷунончи: “Очеркҳо оид ба синтаксиси ҷумлаҳои содаи асри XI”, “Практикум аз забони адабии тоҷик”, “Хат ва имлои матни классикӣ тоҷик”, “Маҷмуаи машқҳо оид ба синтаксиси забони тоҷикӣ”, Принципы написания учебника “Исторический синтаксис таджикского языка”.

Натиҷаҳои таҳқиқи масоили синтаксиси ҷумлаҳои содаи осори насрии асри XI муҳтавои рисолаи доктории ӯро дарғар меғирад, ки соли 1979 бо номи “Синтаксис простого предложения таджикской прозы XI века” [38] дифоъ менамояд.

Зерфасли 5.1.6.-и боби панҷум “Саид Ҳалимов муҳаққиқи таърихи забон” унвон дорад.

Дар солҳои 60-70-уми асри XX С. Ҳалимов бо таълифоти худ дар ташаккули забоншиносии навини тоҷик саҳми арзанда гузошта, дар ин ду даҳсола ғайр аз чанд китобҳои таълимӣ барои калонсолон асарҳои зеринро ба нашр расонидааст: “С. Айни – лексикограф” (1964), “Забони адабии ҳозираи тоҷик” (ҳиссаҳои нумири нутқ бо ҳаммуаллифии К. Шукурова (1973), “С. Айни ва баъзе масъалаҳои инкишофи забони адабии тоҷик” (1973), “Таърихи забони адабии тоҷик (асрҳои IX – X)” (1979).

Асари С. Ҳалимов бо номи “С. Айни – лексикограф” [82] аз муқаддима, фаслҳое чун: “Муҳтасар дар бораи қорҳои лексикографии С. Айни”, “Қарағни қори лексикографии С. Айни” “Тарзҳои муайян намудани маънои қалимаҳо”, “Дар бораи баъзе вариантҳои фонетикии қалимаҳо”, “Шарҳи грамматикии қалимаҳо”, “Қайдҳои этимологии С. Айни дар луғат”, “Сарчашмаҳои лексикографии луғати ҷопнашудаи С. Айни” иборат мебошад.

Устод С. Айни, ҳамчунон ки С. Ҳалимов таъкид кардааст: “ҳофизаи қавӣ дошт, луғати зиёдеро бо тамоми тафсилоташ ва ҷузъиёташ аз ёд медонист, вале носанҷида, луғатро нодида ба навиштани он руҳсат намедод, албатта, луғатеро, ки маънии онро қас қомил надонад. Вай маънии ҳар як қалимаро ба суханаш идома дода мегуяд, – С. Ҳалимиён, ҳарчанд донанд ҳам, боз луғатҳоро меидон ва ба диғарон ин қорро тавсия меод” [82, с. 76].

Рисолаи номзодии С. Ҳалимов ба таҳқиқи афкори забоншиносии устод С. Айни бахшида шуда, дар он ҳамаи паҳлуҳои фаъолияти забоншиносии устод С. Айни таҳқиқи густурда шудааст.

Боби якуми рисола “С. Айни дар бораи роҳҳои инкишофи забони тоҷикӣ” ном дошта, он ба фаслҳои “С. Айни дар бораи муносибати байни забони тоҷикӣ ва форсӣ”, “С. Айни дар бораи роҳҳои инкишофи забони адабии тоҷикӣ”, “Муқоризаи С. Айни барои тозагии забони тоҷикӣ” ҷудо карда шудааст. Ин ҳама масъалаҳое, ки устод С. Айни аз бозтоби андешаҳои худ онҳоро матраҳ сохтааст, арзиши забоншиносонашон дар рисолаи С. Ҳалимов муайян карда шудаанд, имрӯз низ аҳамияташонро гум накардаанд.

Дар фасли аввали боби дуҷуми рисола муаллиф назару андешаи устод С. Айниро дар бораи муносибати забони тоҷикӣ бо форсӣ чунин хулоса кардааст: “То Инқилоби Октябр шоирону нависандагони тоҷику форс муддати дароз бо як забони адабии умумӣ, ки бо номҳои дарӣ ё форсӣ ё порсии дарӣ ёд мешуданд, осори худро навиштаанд” [82, с. 11].

Боби сеюми рисолаи худро С. Ҳалимов “С. Айни дар бораи забони тоҷикӣ ва адабиёти классикӣ” унвон дода, таълифоти устод С. Айниро дар бораи вижаҳои забони осори адабии классики тоҷик: Рӯдакӣ, Фирдавӣ, Абӯалӣ ибни Сино, Саъдӣ, Қамол, Восифӣ, Навоӣ, Бедил, Аҳмади Дониш таҳлилу бозгӯй кардааст. Таҳқиқи осори ба илми забоншиносӣ иртибот доштаи устод С. Айни дар паҷӯиши С. Ҳалимов нишон медиҳад, ки дар зинаи аввали ташаккули забоншиносии навини тоҷик хизмати устод С. Айни хеле назаррас аст.

Боби чоруми рисолаи С. Ҳалимов ба таҳқиқи фаъолияти луғатнигории устод Айни баҳшида шудааст. Ин боби рисола ро муҳаққиқ ба се қисмат ҷудо намуааст:

1. Муҳтасар дар бораи қорҳои лексикографии устод С. Айни;
2. Қорҳои лексикографии устод С. Айни дар болои луғати тафсири;
3. Манбаҳои лексикографии нашрнамудаи луғати тафсилии устод С.

Айни.

Донишманди шарқшинос Е. Э. Бертелс иштироки бевоситаи устод Айниро дар ин қор хеле заруру муҳим мешуморад ва ҷунин меғуяд: “Барои иштирок дар таҳияи ин луғат бояд бузургтарин донишмандон, аз ҷумла, рафиқ Айни ҷалб қарда шавад. Мо дар дунё аз Айни дида бузургтарин донандаи забони тоҷикӣ надорем ва иштироки ӯ дар таҳияи ин луғат мутлақо ногузир мебошад” [82, с. 17].

Метавон атрофи ин рисола соатҳо баҳс намуд, аммо мо назарамонро бо андешаҳои профессор Д. Хоҷаев, ки оид ба ин рисолаи забоншинос С. Ҳалимов ҷунин ҳулоса пешниҳод намуааст, ҷамъбааст намоем, ки воқеан, омузанда мебошад: “Ҳулоса, афқори забоншиносии устод С. Айни тамоми риштаҳои илми забоншиносии навини тоҷикиро фаро гирифтааст ва таҳқиқи он ба сурати рисолаи номзадӣ аз ҷониби забоншиносии нозуқбини ҳушсалиқа, устоди равоншод С. Ҳалимов дар солҳои 60 асри XX иқдоми бисёр неқ махсуб меёфт ва арзиши ин таҳқиқ имрӯз ҳам қам нағаштааст” [79, с. 149].

Зерфасли 5.1.7.-и боби панҷуми диссертатсия **“Муҳаммадӣ Исмағуллоев ва баъзе масъалаҳои наҳви забони тоҷикӣ”** номгузори шудааст.

М. Исмағуллоев солҳои 70-уми асри XX дар таҳқиқи мавзӯҳои наҳви забони тоҷикӣ фаълони иштирок менамояд. Дар боби ҳолшарҳқунандаҳои таҳқиқи густурдае анҷом дода, соли 1971 бо номи “Очеркҳои грамматикӣ оид ба ҳолшарҳқунандаҳои дар забони адабии ҳозираи тоҷик” [35] қисми якум (қоли мақон ва қамон) ба табъ расонидааст, қисми дууми ин, очеркҳои грамматикӣ солҳои 80-уми асри XX нашр мешавад.

Забоншинос М. Исмағуллоев дар натиҷаи таҳқиқи омузиши маводди забони адабии тоҷик дар тақ ба ақидаи забоншиносии рус Н. Никитин, ки сохти грамматикии забон ва воқитаҳои ифодаи синтаксисии он дар доираи анъанавии таснифоти аъзоҳои пайрави ҷумла пурра акс ёфта наметавонанд, ҳолшарҳқунандаҳоро аз 9 хели анъанавӣ ба 14 хел мерасонад, яъне 5 хели ҳолшарҳқунандаи диғарро бо номи қоли вазъиятӣ, қоли қолат, қоли қиёс, қоли вазифа, қоли мутобиқат илова менамояд. Агар амиқтару саҳеҳтар назар афқанем, ин ҳама хели ҳолҳои ҷудоқардаи ӯ ба қамон 9 хели ҳол дохил мешаванд.

Ҳизмати забоншинос М. Исмағуллоев дар таҳқиқи қоли мақон ва қамон дар ин аст, ки он нуқсу қамбудихоеро, ки дар қитобҳои дарсии забони тоҷикӣ дар шинохти қоли мақон мавҷуд буд, ислоҳ менамояд ва аломату нишонаҳои ин хели ҳолшарҳқунандаро то ҷое муайян намуа, тафовути онро аз пурқунанда нишон медиҳад.

Зерфасли 5.1.8.-и боби панҷум ба фаълоти илми **“Фарҳод Зикриёев ва саҳми ӯ дар таҳқиқи наҳви забони тоҷикӣ”** баҳшида шудааст.

Фарход Зикриёев тахти роҳнамоии Носирҷон Маъсумӣ ба таҳқиқи ҷумлаи мураккаб бо ҷумлаҳои пайрави тарзи амал ва монандӣ машғул шуда, соли 1970 онро ба сифати рисолаи номзадӣ дифоъ менамояд ва рисолаи мазкур бо номи “Ҷумлаҳои пайрави тарзи амал ва монандӣ дар забони адабии ҳозираи тоҷик” [33] ба нашр мерасад.

Дар рисолаи мазкур баъзе мулоҳизаҳои ҷолиби тоза ба назар мерасад. Масалан, яке аз масъалаҳои баҳсангези ҷумлаҳои мураккаби тобӣ дар он солҳо дар шинохти калимаҳои ҳамнисбат буд. Муҳаққиқи ҷавони нахвиносо дар заминаи афкори забоншиносии шуравӣ ва таҳлилу муқоисаи афкори забоншиносии мавҷуда ба сурати густурда доир ба моҳияту нақши калимаҳои ҳамнисбат дар таркиби ҷумлаҳои мураккаби тобӣ андеша ронда, бо далелу мисолҳои мушаххас зарурати қорбасти онҳоро дар панҷ банд муфасссал шарҳу тавзеҳ дода, назарияи ин категорияи нахвино, ки профессор Д. Ҳоҷиев дар нахвиносии навини тоҷик пешниҳод қардааст, тақвият додааст. Дар мавриди воситаи дигари алоқаи ҷумлаҳои пайрав ба сарҷумла, яъне пайвандаки муштараквазифа ё нахви “ки” дар мисоли ҷумлаи мураккаби тобӣ бо пайрави тарзи амал андешаи ҷолибе баён қардааст: “Ҷумлаи пайрави тарзи амал бо пайвандаки “ки” ба сарҷумла вақте алоқаманд мегардад, ки дар таркиби сарҷумла калимаи ҳамнисбат омада бошад. Ин лаҳза ҷумлаҳои пайрав ҳамеша пас аз сарҷумла меоянд. Хусусияти чунин ҷумлаҳои пайрав дар ин аст, ки ба ибораҳои гуногун бармегарданд” [76, с. 43].

Минбаъд ба таҳқиқи бунёдии ҷумлаи мураккаби пайваст, ки дар забоншиносии навини тоҷик шинохту таҳқиқи он пайдо нашуда буд, шуруъ менамояд.

Муҳтавои натиҷаҳои таҳқиқи ӯ дар рисолаи доктории мавсуф ба номи “Хусусиятҳои сохториву маъноии ҷумлаҳои мураккаби пайваст дар забони адабии ҳозираи тоҷик” (1987) инъикос мегардад.

Дар зерфасли 5.1.9.-и боби панҷум муҳокимаронию натиҷагирӣ атрофи **“Ҳомид Маҷидов ва баррасии масъалаҳои фразеологияи забони адабии ҳозираи тоҷик”** сурат гирифтааст.

Профессор Ҳ. Маҷидов то дифои рисолаи номзadiaш оид ба ҷабҳаҳои муҳталифи воҳидҳои фразеологӣ чандин мақола манзури аҳли илми забоншиносии менамояд, аз ҷумла: “Ибораҳои фразеологӣ дар романи Раҳим Ҷалил “Одамони ҷовид” [42], “К вопросу о классификации фразеологических единиц таджикского языка”, “Некоторые вопросы фразеологии современного таджикского языка”, “Сабабҳои бавуҷудӣ, роҳҳои ташаккул ва инкишофи минбаъдаи воҳидҳои фразеологии феълии забони ҳозираи тоҷик”, “Аломатҳои фарқкунандаи воҳидҳои фразеологии забони тоҷикӣ”, “Ибораҳои фразеологии феълий” мебошанд.

Минбаъд дар мадди назари Ҳ. Маҷидов масъалаи таҳқиқи бунёдии воҳидҳои фразеологии забони тоҷикӣ қарор мегирад ва дар ин бобат пажӯҳиши густурдаро идома медиҳад ва дар солҳои 70-ум як даста мақолаҳои дигар ба таъби мерасонад, ки паҳлуҳои норавшану баҳсноки воҳидҳои фразеологияи забони тоҷикиро дарбар мегиранд.

Мухаккики воҳидҳои фразеологии забони тоҷикӣ Х. Мачидов пажӯҳиши муназзамро оид ба ин масъала дар солҳои 80-90-ум идома дода, соли 1995 бо унвони “Фразеологическая система современного таджикского литературного языка” рисолаи илмӣ ба нашр расонид.

Дар зерфасли 5.1.10.-и боби панҷум **“Баъзе масъалаҳои забони тоҷикӣ аз назари Пулод Қурбонов”** мавриди омузиш қарор мегирад.

Мавзуи таҳқиқи П. Қурбонов баёнияҳо буда, доир ба ин мавзӯ як силсила мақолаҳо ба таъб расонидааст, чунончи: “Дар бораи баёнияҳои изофӣ”, “Дар бораи баёниҳои истисноӣ”, “Дар бораи баёния”, “Як типӣ нави ҷумлаи пайрав дар забони адабии ҳозираи тоҷик”, “Ифодаи ёфтани муносибати баёниҳои ба воситаи ҷумлаи пайрав”. Соли 1974 дар мавзуи “Баёния дар забони адабии ҳозираи тоҷик” [41] рисолаи номзадӣ дифоъ менамояд.

Зерфасли ёздаҳуми фасли якуми боби панҷум **“Баҳридин Камолитдинов – муҳаккики услубшинос”** ихтисос дода шудааст.

Аз нахустин қадамҳои худ ба ҷодаи илм Б. Камолитдинов ба таҳқиқи хусусиятҳои забони асарҳои яке аз адибони навҷӯи насри бадеии тоҷик Ҳаким Карим машғул мешавад. Пас аз таҳқиқи баррасиҳои зиёде соли 1966 дар мавзуи “Забон ва услуби ҳикояҳои Ҳаким Карим” [36] рисолаи номзадӣ дифоъ менамояд.

Баъдтар диққати Б. Камолитдиновро бештар масъалаҳои нахвшинӣ ҷалб менамояд ва ӯ ба таҳқиқи яке аз мавзӯҳои хеле кам омехташуда – муродифоти нахвӣ машғул шуда, ин мавзӯро муддати 18 сол таҳқиқ карда, онро ба сифати рисолаи докторӣ соли 1988 бо унвони “Муродифоти нахвӣ дар забони адабии ҳозираи тоҷикӣ” [37] (Синтаксическая синонимия в современном таджикском литературном языке) дифоъ менамояд. Дар рисола масъалаҳои зерин мавриди баррасӣ қарор гирифтаанд:

1. Мафҳуми муродифоти нахвӣ (синтаксисӣ)
 - чӣ гуна воҳидҳои гуногуни нахвӣ (ҷумла, ибора, сохторҳои грамматикӣ) метавонанд як маъно ё маъноҳои наздикро ифода кунанд.
2. Навъҳои муродифоти нахвӣ дар забони тоҷикӣ
 - муродифоти ҷумлаҳои сода ва мураккаб;
 - муродифоти ибораҳои феълӣ, исмӣ ва дигар сохторҳо;
 - шаклҳои гуногуни ифодаи як фикр.
3. Воситаҳои грамматикӣ ва услубӣ ба вучуд омадани муродифот
 - ҷойивазкунии аъзои ҷумла;
 - истифодаи пайвандакҳо, калимаҳои ёридиҳанда, шаклҳои феъл;
 - табдили ҷумлаҳои тобеъ ва сода ба ҳамдигар.
4. Нақши муродифоти нахвӣ дар ҳусни баён ва фарҳанги нутқ
 - чӣ гуна интиҳоби сохтори мувофиқ нутқро раван, таъсирбахш ва дақиқ мегардонад.

5. Хусусиятҳои услубии муродифоти нахвӣ
 - истифодаи онҳо дар услуби бадеӣ, илмӣ, публицистӣ ва гуфтугӯӣ.

Дар солҳои баъдӣ оид ба услубшиносӣ, ҳусни баён, маданияти сухан як силсила дастуру мақола таълиф менамояд. Натиҷаҳои таҳқиқи ин забоншиносии хушсалиқа, махсусан, дар солҳои 80-ум хеле назаррас мебошад.

Дар зерфасли дувоздахуми фасли якуми боби панҷум “**Абдусаттор Мирзоев ва масъалаи таҳқиқи ибораҳои забони тоҷикӣ**” мавриди таҳлили баррасӣ қарор дода шудааст.

Профессор Абдусаттор Мирзоев дар мавзуи “Ибораҳои феълии замонӣ дар забони адабии ҳозираи тоҷик” [49] рисолаи номзадӣ ва дар мавзуи “Масъалаҳои ибора дар забони тоҷикӣ” [50] рисолаи докторӣ ҳимоя кардааст. Таҳқиқоти ӯ бо навгонӣ, амиқдешӣ ва истифодаи фаровони манбаъҳои илмӣ фарқ мекунад. Маҳз ҳамин хусусиятҳо ҷойгоҳи ӯро дар рушди илми забоншиносии навини тоҷик устувор гардониданд.

Профессор А. Мирзоев, махсусан, дар соҳаи иборашиносӣ қорҳои арзишманд анҷом дода, ба натиҷаҳои назаррас ноил гардидааст. Дар ин бахши наҳв асарҳои пурарзиш офаридааст, чунончи: “Ибораҳои феълии замонӣ дар забони адабии тоҷик” (1971), “Луғати имло” (1991), “Масъалаҳои ибора дар забони тоҷикӣ” (2002), *Забони тоҷикӣ*. Китоби дарсӣ барои хонандагони синфи 6-уми муассисаҳои таҳсилоти миёнаи умумӣ (бо ҳаммуаллифӣ) ва ғайра.

Ба масъалаи навъҳои ибора, воситаҳои алоқаи грамматикӣ, ибораи феълӣ, меъёрҳои имлои забони тоҷикӣ ва усули таълими забон тавачҷуҳи махсус зоҳир кардааст.

Профессор А. Мирзоев дар фаъолияти илмӣ худ усули таҳқиқи системавиро татбиқ намуд. Ин усул имкон фароҳам овард, ки воқеияти мавҷудият ва қонуниятҳои амалқарди забони адабии муосири тоҷик бо дақиқият ва таҳлили амики илмӣ баррасӣ гардад. Дар натиҷа, мактаби ҳоси илмӣ ӯ ташаққул ёфта, дар рушди забоншиносии тоҷик саҳми арзанда гузошт.

Аз ибтидои солҳои 70-уми асри XX як зумра забоншиносони ҷавони тоҷик бо таъсир ва баҳрабардорӣ аз афкори забоншиносии профессор Д. Тоҷиев, хусусан, назариёти ӯ дар боби ҷумлаҳои мураккаби тобӣ ба таҳқиқи баррасии баъзе аз ҷумлаҳои пайрав пардохтанд. Чунончи, забоншиносии хушсалиқа С. Атобуллоев оид ба ҷумлаи мураккаби тобӣ бо ҷумлаҳои пайрави мубтадо ва хабар дар шакли рисолаи илмӣ дар шакли китоби алоҳида бо номи “*Ҷумлаҳои пайрави мубтадо ва хабар дар забони адабии тоҷик*” ба нашр мерасонад.

Муҳаққиқи дигар К. Қаландаров дар боби ҷумлаҳои мураккаб пажӯҳиш анҷом дода, соли 1977 рисолаи номзадӣ бо унвони *Сложноподчиненные предложения в таджикском литературном языке XV-XVI вв* (На основе материала “Бадаи ал – вақои” Восифи) дифоъ менамояд.

Дар боби ҷумлаҳои мураккаби тобӣ боз чанд нафар аз ҷавонони ҷӯйяндаву хушсалиқаи дигар ба таҳлилу омузиш ва таҳқиқи ҷумлаҳои мураккаби тобӣ шуруъ менамоянд. Масалан, Р. Асоев ба таҳқиқи ҷумлаи мураккаби тобӣ бо ҷумлаи пайрави миқдору дараҷа машғул шуда, аз натиҷаҳои таҳқиқи худ мақолаҳои зеринро манзур мегардонад: “*Ҷумлаи пайрави миқдору дараҷа бо маънои иловагии шарт*” ва “*Ҷумлаи пайрави миқдору дараҷа ё натиҷа?*”.

Ба таҳқиқи ҷумлаи мураккаби тобӣ бо ҷумлаи пайрави муайянкунанда таҳти роҳбарии профессор Д. Тоҷиев дар Д. Хочаев машғул гардида, дар ин боб мақолаҳои зерин ба таъби мерасонад: *Калимаҳои ҳамнисбат ва ҷумлаи пайрави муайянкунанда*. Дар кит: *Масъалаҳои филологияи тоҷик*. (Маҷмуаи мақолаҳои аспирантон) – Душанбе, 1976, “*Таълими ҷумлаи пайрави муайянкунанда дар*

синфи VIII”. – Мактаби советӣ, 1979, №7, “Тобишҳои маъноӣ иловагӣ ҷумлаи пайрави муайянкунда”. – Мактаби советӣ, 1976, №10, “Як хели ҷумлаи пайрави муайянкунда дар “Ғулмон”-и устод Айнӣ. Дар кит: Масъалаҳои назариявӣ ва амалии таълими забон ва адабиёти тоҷик. – Душанбе, 1977.

Д. Хочаев таҳқиқи ниҳони ҷумлаи мураккаби тобеъ бо ҷумлаи пайрави муайянкундаро ба сифати рисолаи номзадӣ (Сложноподчиненные предложения с придаточными определительными в современном таджикском литературном языке) дифоъ менамояд.

ХУЛОСА

Мо аз таҳлилу баррасии мавзуи таҳқиқшаванда ба хулосаҳои зерин омадем:

1. Аз таҳқиқоти дар солҳои истиқлол анҷом додашуда бармеояд, ки афкори забоншиносии тоҷик таърихи тулонӣ дошта, он ба давраи қабл аз Хилофати араб рост меояд, аммо зинаи аввали ташаккули афкори забоншиносии навини тоҷик, аз солҳои 1840-уми асри XIX, яъне замони Русияи подшоҳӣ, шуруъ шудааст. Яке аз ин омилҳо аз ҷониби муҳаққиқони забоншинос ва шарқшиносон таълифи китоби грамматикаи мухтасар зери унвони “Грамматикаи забони форсӣ” (“Краткая грамматика персидского языка”-и Аббос-Қули Оғо Боқихонов, “Краткая грамматика персидского языка”-и Мирзо Ҷаъфар, “Краткая грамматика новоперсидского языка”-и К. Г. Залеман ва В. А. Жуковский) мебошад, ки дар инкишофи афкори забоншиносии навини тоҷик саҳм гузоштаанд. Дар ин грамматикаҳо асосҳои дастури забони форсӣ шарҳу тавзеҳ ёфтааст, ки аксари мавзӯҳои матраҳшуда ба хусусиятҳои дастурии забони адабии классикӣ ва муосири тоҷикӣ низ дахл дорад. [24-М].

2. Дар доираи чунин пажӯҳишҳо то Инқилоби Октябр таваҷҷуҳи махсуси муҳаққиқони шарқшиносии Русияи подшоҳӣ дар баробари омузиши ҳамаҷонибаи урфу одатҳои мардуми тоҷик, фарҳанг, тарзи зиндагӣ ва дигар хусусиятҳои иҷтимоӣ, инчунин ба таҳқиқи системанок ва амиқтари гӯйишҳои забони тоҷикӣ равона гардида буд. Аз ин ҷост, ки дар натиҷаи чунин пажӯҳишҳо аз ҷониби онҳо бо мақсади густариши равобити илмӣ ва иҷтимоӣ бо ин сарзамин як қатор асарҳои арзишманди илмӣ, дастуру роҳнамоҳо бо забони тоҷикӣ таълиф намуданд, ки барои шаклгирии афкори забоншиносии навини тоҷик то Инқилоби Октябр таъсир расонидааст [24-М].

3. Дар ин давра бо вучуди маҳдудиятҳои сиёсӣ ва илмиву иҷтимоии замон дар заминаи афкори пешқадами муҳаққиқон ва шарқшиносони намоён баъзе дастуру роҳнамоҳо ва очеркҳо таълиф гардидаанд., ки онҳо дар ташаккул ва рушди афкори забоншиносии навини тоҷик, бахусус, таълифи китобҳои дарсии нисбатан мукамал нақши муҳим бозидаанд. Шеваҳои забони тоҷикӣ нахуст аз тарафи профессори университети Қазон В. В. Григорев дар асоси ёддоштҳои Мирзо Шамси Бухорӣ бо номи “Намунаи шеваи тоҷикони Бухоро” мавриди таҳқиқ қарор гирифта, баъдан забоншиносони дигар дар ин ҷода қори илмӣ-пажӯҳишӣ ба сомон расонидаанд. Ин асари В. В. Григорев ба илми шевашиносии тоҷик асос гузошт ва дар марҳилаҳои баъдӣ таҳқиқи шеваҳои тоҷикӣ муҳаққиқони шевашинос ба ин асар ҷун нахустин таҳқиқ ишора кардаанд [24-М].

4. Таҳқиқи забони форсӣ ва тоҷикӣ дар замони Русияи подшоҳӣ ба мақсади омузиши ин забонҳо аз ҷониби шахрвандони Русия ва ба ин восита шинос шудан ба фарҳанг, урфу одати ин халқҳо ва кушодани роҳи васеъ барои тичорат ба ин сарзаминҳо маҳсуб меёфт [24-М].

5. Таълифи дастуру роҳнамоҳои зиёде аз забони форсӣ, ки аксари онҳо қоидаву қонунҳои дастури забони тоҷикиро низ инъикос менамуданд, ба дастурнигорӣ баъдӣ забони тоҷикӣ ва дар ин замина шаклгирии афкори

забоншиносии навини тоҷик низ аз ҳадафҳои муаллифони он грамматикаҳо ба ҳисоб мерафт [24-М].

6. Таълифи асари этнографии П. К. Кузнетсов бо номи “О таджиках Ташкентского уезда” (1900) дар баробари маълумоти этнографӣ оид ба лексикаи тоҷикони Тошканд ва таъсири забони узбекӣ ба ин гӯиши тоҷикӣ тавзеҳоти муҳим баён доштааст. Дар асари дигари ин муҳаққиқ ба номи “Сравнительный грамматический очерк таджикского и сартовского наречий” бори аввал дар таърихи шевашиносии тоҷик гӯишҳои тоҷикӣ ба ду ғурӯҳ: шеваи водихо (ҳамворӣ) ва шеваи кӯҳистон ҷудо карда шудааст [24-М].

7. Таъсири афкори забоншиносии русро ба афкори забоншиносии тоҷик дар нимаи дууми асри XIX мо, пеш аз ҳама, аз тариқи китобҳои дарсӣ мебинем, зеро бо таълифи китобҳои дарсӣ муҳаққиқон дар шарҳу маънидоди ҳодисаҳои гуногуни савтӣ, сарфӣ, луғавӣ ва наҳвӣ аз таҷрибаи забоншиносони рус баҳра мегиранд, ки ин ҳам яке аз омилҳои шаклгирии забоншиносии навини тоҷик маҳсуб меёбад [24-М].

8. Собит шудааст, ки забони адабии тоҷикӣ пас аз Инқилоби Октябр ба марҳилаи нави рушд ворид шуд. Майли содабаёнӣ, ки намоёндагони аҳли қалами охири асри XIX оғоз карда буданд, дар солҳои баъдӣ барои густариши равияи демократӣ қунонидани забони адабӣ замина фароҳам овард. Муҳаққиқон ва мутахассисони соҳа ҳамин нуқтаи назарро ба инобат гирифта, таърихи рушди забони адабии муосири тоҷикиро ба се марҳила ҷудо намуданд: 1) солҳои 20-ум; 2) солҳои 30-юм, 40-ум ва 50-ум; 3) солҳои 60-ум, 70-ум ва 80-уми асри XX [5-М; 6-М; 7-М; 8-М; 9-М; 10-М; 11-М; 12-М; 13-М; 14-М; 15-М; 16-М; 17-М; 18-М; 20-М; 23-М; 24-М].

9. Пас аз Инқилоби Октябр масоили забони адабии тоҷик ва пурра демократӣ қунонидани он, ҳамчун яке аз проблемаҳои муҳими сиёсӣ ва давлатӣ, дар маркази тавачҷуҳ қарор мегирift. Сохтори нави ҷамъиятӣ, шароити қуллаи нави сиёсӣ, иқтисодӣ ва фарҳангӣ нақши забони адабии тоҷикиро тадриҷан зиёд карда, мазмуну моҳияти онро нисбат ба пешина дигаргун намуд. Забони адабӣ дар заминаи рушди инқилоби фарҳангӣ дар Тоҷикистон, рушди адабиёт, матбуот ва маориф бо нигоҳ доштани фонди асосӣ ва таркиби луғавӣ ва принципҳои сохти грамматикӣ мавҷудаи худ вобаста ба таркиби луғавӣ, сохту қоидаҳои дастурӣ ва вижагиҳои услубӣ ҷанбаҳои қомилан навро фаро гирифта, бар асоси худ хусусиятҳои забони умумиро бештар касб намуд ва хусусияти умумихалқӣ пайдо кард. Омузиш ва таҳқиқи услуби адабиёти бадеӣ баҳри пурратар ва равшан нишон додани моҳият ва вижагиҳои раванди ташаккул, рушд ва тақомули забони адабӣ ва забони адабиёти бадеӣ имконияти васеъ фароҳам овард [21-М].

10. Вазъи забоншиносии тоҷик дар ибтидои асри XX хеле печидаву мураккаб будааст. Аз ибтидои асри XX то солҳои 20-уми асри XX давраи ивазшавии бинишу афкори қадиму нав маҳсуб мешавад. Дар ҳамин давра як даста китобҳои дарсӣ таълиф шудаанд, ки муаллифонашон намоёндагони халқи маҳаллӣ ё аз ҷумлаи хатмқунандагони мактабҳои русӣ-маҳаллӣ буданд.

Инҳо равшанфикроне буданд, ки тарғиби илму маданияти рус ва низомии таълим ба забони модарӣ, яъне тоҷикӣ, мақсаду маромашон буд. Ба ин ғурӯҳ муаллифони дастурҳои забони форсӣ Мирзосайид Абдусалом, Муҳаммадрасул

Расулӣ, Маҳмуд Хоча Бехбудӣ, Исматулло Раҳматуллозода ва чанде дигар дохил мешуданд. Муҳаққиқони мазкур дар шаклгирии афкори забоншиносии навини тоҷик нақши муҳим бозидаанд [13-М; 21-М].

11. Гузариш аз низоми хатти арабиасос ба алифбои лотинӣ ва баъдан ба алифбои сириллики тоҷикӣ яке аз марҳилаҳои муҳимми рушди таърихии низоми хати забони тоҷикӣ маҳсуб меёбад. Таҳлили маводди таърихӣ ва забоншиносии тоҷик собит менамояд, ки ин раванд дар заминаи тағйироти сиёсӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангии ҷомеаи шуравӣ сурат гирифта, ба ташаккул ва тақмили меъёрҳои забони адабии тоҷикӣ таъсири назаррас гузоштааст [6-М; 7-М; 8-М].

12. Гузариш ба алифбои нав дар баробари таҳкими робитаҳои байни миллатҳо ва густариши фазои ҷғонаи фарҳангиву маърифатӣ, дастрасии густарда ба иттилооти бештар барои рушди минбаъдаи соҳаи маориф, матбуот, фарҳанг ва илми тоҷик низ заминаи мусоид фароҳам овардааст. Аз ин рӯ, масъалаи мазкурро метавон ҳамчун яке аз омилҳои муҳимми рушди минбаъдаи забони адабии тоҷикӣ дар давраи шуравӣ арзёбӣ намуд [6-М; 7-М; 8-М].

13. Баъди тақсимои ҳудуди миллӣ соли 1924 дар Осиёи Миёна ва ба сифати ҷумҳурии мухтор дар ҳайати Ўзбекистон шинохта шудани Тоҷикистон таҳқиқи омузиши забони тоҷикӣ ба зинаи нав ворид мешавад.

Дар ин давра дар равиши таҳқиқ, асосан, ба ду ҷиҳат эътибори ҷиддӣ дода шудааст:

а). Тайёри ва гузаштан ба алифбои нав, яъне алифбои лотинӣ (солҳои 1924 – 28).

б). Муайян кардани меъёрҳои забони адабии китобии тоҷикӣ ва роҳҳои наздик намудани он ба оммаи мардумро дарбар мегирифт [7-М; 8-М].

14. Мубоҳисаҳои солҳои 20-30-юми асри XX дар атрофи забони тоҷикӣ, ҳарчанд ки бештар гирифтори манфиатҳои сиёсӣ буданд, вале моҳияту арзиши таҳассусиву илмӣ низ доштанд. Бисёр донишмандони ҳирфай масъалаҳои муҳимми илмиро ба миён мегузоштанд, аммо ҳалли бештари онҳо амалӣ намегашт. Ин мубоҳисаҳо дар баробари таълифи китобҳои дарсӣ ва дастурҳои таълимӣ аз асосҳои дастури забони тоҷикӣ барои гузоштани бунёди илми забоншиносии давраи нави тоҷик, яъне забоншиносии навини тоҷик дар аҳди шуравӣ, заминаи мусоид фароҳам овард [5-М; 6-М].

15. Дар мулоҳизаҳои бархе аз муҳаққиқони тоҷик доир ба вазъи забони тоҷикӣ дар солҳои 20-30-юми асри XX чанд нуктаи муҳим ба миён гузошта шудааст ва аз ҳама муҳимтарин ин аст, ки устод Айнӣ, А. Муҳиддинов ва пайравони ӯ асосҳо ё меъёрҳои шинохти забони адабиёро муҳимтарин ҷиҳат шуморидаанд. Дар воқеъ, агар ҳамоно солҳо меъёрҳои илмии шинохти забони адабии тоҷик рушд мекард, шояд имрӯз тавоноии забони тоҷикӣ бештар мешуду камтар асосҳои дастурии он ба танқид гирифтзор мегардид [5-М; 6-М].

16. Дар мубоҳисаҳои солҳои 20-30-юми асри XX бисёр адабибонҳои олимони, омузгорони муҳаққиқон ширкат мекунанд. Ҳар кадоме аз онҳо оид ба масъалаҳои забоншиносии назари худро баён дошта, аз мавқеи сиёсӣ ё таҳассусӣ муҳокима меронад. Доираи мавзӯоти баҳсҳои солҳои 20-30-юм дар атрофи забони тоҷикӣ хеле васеъ буд, аммо як нукта равшан ба назар мерасад, ки маҳз

дар заминаи ҳамин мувоҳисаҳо бунёди илми забоншиносии навини тоҷик гузошта мешавад [5-М; 6-М; 13-М].

17. Масъалаҳои асосии мувоҳисаҳои солҳои 20-30-юми асри XX-ро бо ҳамроҳии масоили мавриди баррасии Анҷумани нахустини забоншиносони Тоҷикистон (23-28-уми августи соли 1930) аз нигоҳи мавзӯи гурӯҳбандӣ намоем, феҳристи мукаммали онҳо тамоми пахлуҳо, бахшу қисматҳои илми забоншиносии тоҷикро дарбар мегиранд, чунончи: 1. Забони адабии тоҷик ва масоили илмиву амалии он. 2. Масъалаҳои марбут ба алифбои лотинӣ ва қабули он. 3. Дар бораи имлои нави тоҷикӣ. 4. Дар бораи истилоҳ ва истилоҳгузинӣ. 5. Сарфу наҳви забони тоҷикӣ. 6. Дар бораи китобҳои дарсӣ. 7. Дар бораи забони матбуот. 8. Оид ба забони гуфтугӯии тоҷикӣ. 9. Дар бораи наздик намудани забони адабии тоҷик бо забони омма. 10. Баъзе масъалаҳои назариявии забоншиносии тоҷик. Дар атрофи ин масъалаҳо дар рӯзномаву маҷаллаҳои ҳамон давра теъдоди зиёди мақолаҳо chop шудаанд, ки аксар муаллифони он мақолаҳо чун мутахассисони касбӣ ба масъалаҳои муҳимми забоншиносӣ даст задаанд ва ба кулли масоили мавриди назар аз нуқтаи назари биниши нави забоншиносӣ баҳо додаанд [6-М; 8-М; 13-М].

18. Дар ибтидои солҳои 30-юми асри XX дар катори устод Айнӣ, А. Лоҳутӣ, Э. Бертелс, Т. Зехнӣ, С. Ализода, Р. Ҳошим, А. Фитрат, Бектош, А. Мунзим, Б. Азизӣ, Ҳ. Бақозода, Б. Ҳочизода, як зумра адибону донишмандони хушсалиқа бо назару биниши тоза дар пахлуи устод Айнӣ истода, барои рушди афкори забоншиносии навини тоҷик дар он солҳо саҳми худро гузоштанд. Ба ин гурӯҳ А. Деҳотӣ, А. Мирзоев ва Л. Бузургзода дохил мешаванд [7-М; 10-М; 11-М; 14-М].

19. Солҳои 40-50-уми асри XX давраи хеле вазнини ҳаёти халқҳои собиқ шӯравӣ буд, бо вучуди ин дар таҳқиқи масъалаҳои забоншиносӣ, таълифи китобҳои дарсӣ аз асосҳои дастури забони тоҷикӣ барои зинаҳои гуногуни таҳсил ва пажӯҳиши шеваҳои забони тоҷикӣ, як зумра муҳаққиқон, аз ҷумла, В. С. Расторгуева, Л. Бузургзода, А. Мирзоев, Ш. Ниёзӣ, М. Ғафуров, Н. Маъсумӣ, О. Чалолов, Б. Ниёзмӯҳаммадов, Д. Тоҷиев, Ш. Ниёзӣ, А. З. Розендфелд ва дигарон бо таълифи асару мақолаҳои илмӣ дар рушди илми забоншиносӣ дар ин марҳила саҳм гузоштаанд. Ин муҳаққиқон, аз як тараф, дар таълифи китобҳои дарсӣ барои зинаҳои гуногуни таҳсилот ғаёлона иштирок карда бошанд, аз тарафи дигар ба таҳқиқи омузиши масъалаҳои гуногуни бахшҳои илми забоншиносии тоҷик машғул шуданд [4-М; 14-М; 15-М; 18-М].

20. Дар солҳои 60-уми асри XX дар илми забоншиносии навини тоҷикӣ забоншиносон ба монанди Т. Зехнӣ, В. С. Расторгуева, А. Мирзоев, Б. Ниёзмӯҳаммадов, Д. Т. Тоҷиев, Н. Маъсумӣ, М. Фозилов, М. Бехбудӣ, Р. Л. Неменова, А. З. Розендфелд, А. Л. Хромов, Х. Ҳусейнов, М. Қосимова, С. Ҳалимов, М. Исмаилов, Б. Камолиддинов, Р. Х. Додиҳудоев, Ш. Рустамов, А. Каримов, М. Мӯҳаммадиев, Ҳ. Маҷидов, А. Мирзоев, П. Қурбонов ва дигарон ба таҳқиқи масъалаҳои гуногуни забоншиносии навини тоҷик машғул мешаванд [14-М; 15-М; 16-М; 18-М; 20-М].

21. Солҳои 70-уми асри XX дар илми забоншиносии навини тоҷик марҳилаи ҷамъбасти натиҷаҳои пажӯҳишу таҳқиқи бахшҳои илми забоншиносӣ

махсуб меёбад. Маҳз дар ҳамин давра тамоми дастовардҳои муҳаққиқони забоншиносии тоҷик дар шакли дастури китобҳои дарсии зинаҳои гуногуни таҳсилот, луғату фарҳангҳо, рисолаҳои илмӣ ҷамъбасти омодаву ба нашр расонда шудаанд. Дар солҳои 70-ум як гурӯҳ забоншиносоне монанди Т. Зеҳнӣ, Р. Ҳошим, Б. Ниёзмӯҳаммадов, Д. Тоҷиев, Н. Маъсумӣ, Р. Ғаффоров, М. Исмаилов, А. Халилов, Р. Х. Додихудоев, А. Каримов, А. Мирзоев, Ш. Рустамов, С. Хушенова, М. Эшнӣёзов, Б. Сиёев, С. Ҳалимов, Х. Ҳусейнов, М. Қосимова, С. Раҳматова, Ҳ. Маҷидов, Т. Мақсудов, М. Мӯҳаммадиев, Б. Қамолӣддинов, Ҳ. Раупов, Н. Шаропов, Т. Хаскашев, А. Абдуқодиров, П. Қурбонов, С. Атобуллоев, Ф. Зикриёев ва дигарон ба таҳқиқи ҷамъбасти масъалаҳои мубрами забоншиносии навини тоҷикӣ машғул шудаанд. Дар солҳои 70-уми асри XX дар забоншиносии тоҷик зарурати таҳияи “Грамматикаи илмӣ забони адабии ҳозираи тоҷик” ба миён омада, дар ин давра ба навиштани лоиҳаи он шуруъ намуданд. Ташаббускори он Институти забон ва адабиёти ба номи Рӯдакии АИ ҶТ (ҳоло АМИТ) маҳсуб меёфт. Дар ин давра “Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик” (1977) нашр гардид ва дар таҳияи ин асари арзишманди илмӣ гурӯҳи муҳаққиқону донишмандон ва забоншиносони намоён саҳм гирифтанд. Натиҷаи меҳнати арзишманди забоншиносон дар ин даврон бар он овард, ки солҳои 80-ум китоби мазкур дар се ҷилд (солҳои 1985-1989) ба таъриф расид. Бо вуҷуди арзиши муҳими илмӣ доштани Грамматикаи илмӣ мазкур баъзе масъалаҳои мубрам аз доираи баррасии он берун монда буд. Нахуст масъалаҳои назариявии марбут ба проблемаҳои дастурӣ (грамматика) ба таври кофӣ, равшан ва амиқ ҳалли худро наёфтанд. Махсусан, масъалаҳои назариявии ибора ба таври зарурӣ матраҳ нашудаанд; дуҷумла таҳлилу тавсифи маводди забонӣ, асосан, дар поёи забони адабии муосири тоҷикӣ сурат гирифта, намунаҳои забони адабиёти классикӣ қариб, ки истифодаи нашудааст [3-М; 4-М; 10-М; 14-М; 15-М; 16-М; 18-М; 20-М; 21-М].

22. Дар нимаи дуҷумлаи солҳои 70-уми асри XX дар қатори насли калонсолу миёнсол як гурӯҳи ҷавонони хушсалиқа ба таҳқиқи масъалаҳои гуногуни бахшҳои забоншиносии навини тоҷик мепардозанд ва аввалин мақолаҳои таҳқиқӣ худро дар маҷаллаҳои маҷмуаҳо ба нашр мерасонанд [3-М; 4-М; 13-М; 18-М].

ТАВСИЯҲО ОИД БА ИСТИФОДАИ АМАЛИИ НАТИҶАҲОИ ТАҲҚИҚОТ

Аз таҳлилу натиҷагирӣҳои мавзӯи таҳқиқотӣ метавон нуктаҳои зеринро ба сифати тавсияҳои амалӣ пешниҳод намуд:

1. Арзиш ва таъсири ин мавод барои омӯзиши афкори забоншиносии марҳилаҳои баъдӣ заминаи хубе шуда метавонад;

2. Нишон додани арзиши забоншиносии ин мавод аз нигоҳи имрӯзи забоншиносӣ, муайян кардани саҳми ҷеҳраҳои алоҳида аз муҳимияти дигари ин мавзӯ маҳсуб меёбад;

3. Аз нигоҳи замон марҳила ба марҳила шаклгириву рушди афкори забоншиносии навини тоҷик барои даврабандии афкори забоншиносии навини тоҷик мусоидат карда метавонад;

4. Аз баррасии маводди таҳқиқшуда бармеояд, ки новобаста аз тадқиқотҳои анҷомдода дар омузиши афкори забоншиносии тоҷик ҳануз ҳам қорҳои анҷомнофта зиёданд;

5. Натоиҷи мавзуи мазкур дар таҳияи донишномаи забоншиносии тоҷик маводди судманд дода метавонад;

6. Пажӯҳиши мабоҳиси афкори забоншиносии навини тоҷик, ки дар диссертатсия мавриди арзишдоварӣ қарор гирифтааст, дар рушду инкишофи илми забоншиносии муосири тоҷик заминаи мусоид мегузорад;

7. Равиши илмие, ки дар баррасии қор интиҳоб шудааст, имкон фароҳам меорад, таҳқиқи афкори забоншиносии навини тоҷик бештар мавриди омузиш ва баррасӣ қарор гирад;

8. Хулосаҳо ва нукоти назарии дар диссертатсия оид ба афкори забоншиносии навини тоҷик ба даст омадаро, метавон дар таҳия ва тадвини китобҳои дарсӣ, монографияҳо, таҳқиқоти диссертатсионӣ ва дастурҳои таълимӣ-методӣ истифода кард.

9. Натиҷаҳои таҳқиқи мазкур барои бознигариӣ бисёр масъалаҳои забоншиносии навини тоҷик мавод дода метавонад.

10. Аз натиҷаҳои таҳқиқи диссертатсионӣ дар таълифи дастури ҷомеаи забони тоҷикӣ баҳра бурдан мумкин аст.

ИНТИШОРОТ АЗ РҶӢИ МАВЗӢИ ДИССЕРТАТСИЯ

I. Монография:

[1-М]. Вализода, Ӳ. С. Ташаккули забоншиносии навини тоҷик дар солҳои 20-30-юми асри XX. Монография [Матн] / Ӳ. С. Вализода. – Душанбе, 2026. – 120с.

II. Таълифоти муаллиф дар маҷаллаҳои илмӣ тақризшавандаи

Комиссияи олии аттестатсионии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон:

[2-М]. Вализода, Ӳ. С. Баъзе мулоҳизаҳо оид ба истифодаи аъзои истисноӣ дар повести «Одина»-и устод Айни [Матн] / Ӳ. С. Вализода // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – Душанбе, 2008. – №2 (48). – С. 9-11.

[3-М]. Вализода, Ӳ. С. Маъно ва муносибати синтаксисии аъзоҳои истисноии ҷумла бо аъзоҳои асосӣ дар забони тоҷикӣ [Матн] / Ӳ. С. Вализода // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – Душанбе, 2008. – №8. – С. 43-52.

[4-М]. Ходжаев, Д., Вализода, Ӳ. С. Синтаксическая концепция профессора Д.Т. Таджиева о сложноподчиненных предложениях [Матн] / Д. Ходжаев, Ӳ.С. Вализода // Паёми Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – Душанбе, 2015. – №3 (50). – С. 236-241.

[5-М]. Вализода, Ӳ. С. Нахустин таҳқиқ оид ба ҷумлаи мураккаби тобеш дар забоншиносии навини тоҷикӣ [Матн] / Ӳ. С. Вализода // Фурӯғи илм: маҷаллаи байналмилалӣ илмӣ. – Душанбе, 2024. – №001 (1). – С. 189-198.

[6-М]. Вализода, Ӳ. С. Мубоҳисаҳои солҳои 20-30-юми асри XX дар атрофи забони тоҷикӣ ва арзиши забоншиносии онҳо [Матн] / Ӳ. С. Вализода // Фурӯғи илм: маҷаллаи байналмилалӣ илмӣ. – Душанбе, 2024. – №2 (). – С. 180-190.

[7-М]. Вализода, Ӳ. С. Сайидризо Ализодаи Самарқандӣ ва афкори забоншиносии ӯ [Матн] / Ӳ. С. Вализода // Фурӯғи илм: маҷаллаи байналмилалӣ илмӣ. – Душанбе, 2024. – №3 (3). – С. 231-237.

[8-М]. Вализода, Ӳ. С. Баъзе мулоҳизаҳо оид ба андешаҳои Лутфулло Бузургзода дар китоби дарсии «Синтаксиси мухтасари забони тоҷикӣ» [Матн] / Ӳ. С. Вализода // Фурӯғи илм: маҷаллаи байналмилалӣ илмӣ. – Душанбе, 2024. – № 4 (04). – С. 160-166.

[9-М]. Вализода, Ӳ. С. «Қоидаҳои забони тоҷик» (сарфу наҳв)-и Абдуррауфи Фитрат ва мақоми он дар илми забоншиносии тоҷик [Матн] / Ӳ. С. Вализода // Паёми Донишгоҳи забонҳо. Силсилаи илмҳои филологӣ, педагогӣ ва таърих. – Душанбе, 2024. – №4 (56). – С. 36-42.

[10-М]. Вализода, Ӳ. С. Китоби дарсии «Наҳви забони тоҷикӣ»-и М. Беленитский, Б. Ӳочизода ва ҷойгоҳи он дар таърихи афкори забоншиносии навини тоҷикӣ [Матн] / Ӳ. С. Вализода // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – Душанбе, 2024. – №9. – С. 20-24.

[11-М]. Вализода, Ӳ. С. Доир ба арзиши забоншиносии ду таҳқиқи академик Абдулғанӣ Мирзоев [Матн] / Ӳ. С. Вализода // Паёми Донишгоҳи

давлатии Кӯлоб. Бахши илмҳои таърих ва бостоншиносӣ, педагогика ва филология. – Кӯлоб, 2025. – №1. – С. 211-219.

[12-М]. Вализода, Ҳ. С. Пасвандаки «-ак» дар таҳқиқи академик Абдулғанӣ Мирзоев ва арзиши забоншиносии он [Матн] / Ҳ. С. Вализода // Суханшиносӣ: маҷаллаи илмӣи Институти забон ва адабиёти ба номи Рӯдакии АМИТ. – Душанбе, 2025. – №2 (51). – С. 64-71.

[13-М]. Вализода, Ҳ. С. Арзиши забоншиносии як китоби дарсӣ [Матн] / Ҳ. С. Вализода // Фурӯғи илм: маҷаллаи байналмилалӣи илмӣ. – Душанбе, 2025. – №2 (06). – С. 307-314.

[14-М]. Вализода, Ҳ. С. Саҳми Бектош дар илми забоншиносии тоҷик [Матн] / Ҳ. С. Вализода // Фурӯғи илм: маҷаллаи байналмилалӣи илмӣ. – Душанбе, 2025. – №3 (07). – С. 187-193.

[15-М]. Вализода, Ҳ. С. Баъзе мулоҳизаҳо оид ба афкори забоншиносии академик Бобоҷон Ниёзмӯҳаммадов [Матн] / Ҳ. С. Вализода // Фурӯғи илм: маҷаллаи байналмилалӣи илмӣ. – Душанбе, 2025. – № 4 (08). – С. 346-353.

[16-М]. Вализода, Ҳ. С. Саҳми Носирҷон Маъсумӣ дар рушди афкори забоншиносии навини тоҷикӣ дар солҳои 40-70-уми асри XX [Матн] / Ҳ. С. Вализода // Паёми Донишгоҳи забонҳо. Силсилаи илмҳои филологӣ, педагогӣ ва таърих. – Душанбе, 2025. – №5 (56). – С. 36-42.

[17-М]. Вализода, Ҳ. С. Таърихи ташаккули забони адабии тоҷик аз назари академик Абдулғанӣ Мирзоев [Матн] / Ҳ. С. Вализода // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – Душанбе, 2025. – № 8. – С. 15-21.

[18-М]. Вализода, Ҳ. С. Абдулвоҳиди Мунзим ва нақши ӯ дар мувоҳисаҳои солҳои 20-30-юми асри XX дар атрофи забони тоҷикӣ [Матн] / Ҳ. С. Вализода // Паёми Донишгоҳи давлатии Кӯлоб. Бахши илмҳои таърих ва бостоншиносӣ, педагогика ва филология. – Кӯлоб, 2026. – №1 (42). – С. 285-290.

[19-М]. Вализода, Ҳ. С. Саҳми профессор Додочон Тоҷиев дар рушди илми забоншиносии навини тоҷик [Матн] / Ҳ. С. Вализода, Д. Хоҷаев // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – Душанбе, 2026. – №3. – С. 5-11.

III. Мақолаҳои ки дар маҷмӯа ва нашрияҳои дигари илмӣ:

[20-М]. Абдусалом Деҳотӣ ва нақши ӯ дар таҳқиқи баъзе масъалаҳои забони адабии тоҷикӣ [Матн] / Ҳ. С. Вализода // Маводди конференсияи илмию амалии ҷумҳуриявӣ бахшида ба рӯзи Забони давлатӣ таҳти унвони “Забон дар масири Истиқлол: мушқилот ва дурнамо”. – Душанбе, 2025. – С. 12-21.

[21-М]. Вализода, Ҳ. С. Додочон Тоҷиев ва ташаккули забоншиносии навини тоҷик [Матн] / Ҳ. С. Вализода // Маводди конференсияи илмию амалии ҷумҳуриявӣ бахшида ба рӯзи байналмилалӣи забони модарӣ таҳти унвони “Истиқлол, забонҳои модарӣ ва арҷгузорӣ ба онҳо”. – Душанбе, – С. 23-30.

[22-М]. Вализода, Ҳ. С. Нақши Худойдод Ҳусейнов дар шаклирии забоншиносии навини тоҷик [Матн] / Ҳ. С. Вализода // Маводди конференсияи ҷумҳуриявӣи илмию назариявӣ бахшида ба 35 солагии Истиқлоли давлатии

Ҷумҳурии Тоҷикистон ва 95 солагии Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи Садриддин Айний таҳти унвони “Забони модарӣ ва истиқлоли миллӣ” ба ифтихори рӯзи байналмилалӣ забони модарӣ. – Душанбе, 2026. – С. 45-52.

[23-М]. Вализода, Ҳ. С. Андешаҳои забоншиносии Нарзуллоҳ Ҳайдарӣ дар китоби «Дар атрофи забони адабии тоҷик» [Матн] / Ҳ. С. Вализода // Маводди конференсияи байналмилалӣ илмӣ-амалӣ дар мавзӯи “Масъалаҳои мубрами филологияи Шарқ ва робитаҳои забониву адабӣ дар шароити ҷаҳонишавӣ”. – Душанбе, 2026. – С. 61-72.

[24-М]. Вализода, Ҳ. С. Баҳриддин Азизӣ ва мавқеи ӯ дар муҳофизатҳои солҳои 20–30-юми асри XX дар атрофи забони тоҷикӣ [Матн] / Ҳ. С. Вализода // Маводди конференсияи байналмилалӣ илмӣ-амалӣ дар мавзӯи “Масъалаҳои мубрами филологияи Шарқ ва робитаҳои забониву адабӣ дар шароити ҷаҳонишавӣ”. – Душанбе, 2026. – С. 11-21.

[25-М]. Вализода, Ҳ. С. Шакли афкори забоншиносии навини тоҷик то Инқилоби Октябр [Матн] / Ҳ. С. Вализода // Маводди конференсияи байналмилалӣ илмӣ-амалӣ таҳти унвони “30-юмин хонишҳои славянӣ” бахшида ба 35 солагии Истиқлоли давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон, 30 солагии Донишгоҳи славянии Русия ва Тоҷикистон ва Рӯзи илми тоҷик. – Душанбе, 2026. – С. 67-73.

ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК: 800+809.155.0 (81+81.2

Тадж)

В – 20

На правах рукописи

ВАЛИЗОДА ХОКИМХОН САФОЛИЁН

**ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ТАДЖИКСКОЙ
ЛИНГВИСТИКИ И ЭТАПЫ ЕЁ РАЗВИТИЯ (1840-Е ГОДЫ XIX
ВЕКА ДО ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ)**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени доктора
филологических наук по специальности 6.2.2. Теория языка

Душанбе – 2026

Диссертация выполнена на кафедре истории языка и типологии филологического факультета Таджикского национального университета.

**Научный
руководитель:**

Ходжаев Давлатбек – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела языка Института языка и литературы имени Абуабдулло Рудаки

**Официальные
оппоненты:**

Хасанзода Абдужамол Ашраф – доктор филологических наук, профессор кафедры таджикского языка Государственного образовательного учреждения «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова»

Рахмон Наргис Шариф – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Академии государственного управления при Президенте Республики Таджикистан

Нозимов Абдулхамид Абдуалимович – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Филиала федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский технологический университет МИСИС в г. Душанбе»

**Ведущая
организация:**

Таджикский государственный педагогический университет имени Садриддина Айни

Защита диссертации состоится “25” сентября 2026 года, в 09:00 часов на заседании диссертационного совета 6D.KOA-117 при Таджикском международном иностранных языков имени Сотима Улугзода (адрес: 734019, Республика Таджикистан, г. Душанбе, улица Мухаммадиев, 17/6, e-mail: shtddm@gmail.com; тел.: (+992) 882891717).

С диссертацией и её авторефератом ознакомиться в научной библиотеке и на официальном сайте Таджикского международного университета иностранных языков имени Сотима Улугзода www.dbz.tj.

Автореферат разослан «__» _____ 2026 года.

**Учёный секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук, доцент**

Сохибназарова Х. Т.

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена исследованию формирования современной таджикской лингвистики и этапов её развития (с 1840-х годов XIX века до эпохи перестройки).

Актуальность темы исследования. Актуальность темы исследования «Формирование современной таджикской лингвистики и этапы её развития (1840-е годы XIX века до периода перестройки)» в первую очередь связана с необходимостью научного понимания историко-социальных и культурных процессов формирования современной таджикской лингвистической мысли. Данная тема занимает одно из центральных мест в истории языкознания и имеет большое значение для понимания того, как формируется национальное самосознание и развивается духовная культура общества. Именно изучение этой темы позволяет определить этапы перехода от классических восточных традиций к методологии современной науки, а также выявить процессы трансформации научной мысли, влияние политических факторов и роль различных научных школ. Другой аспект значимости исследования темы выражается в том, что на данном этапе были заложены основы современного таджикского языкознания, а ключевые вопросы морфологии и синтаксиса, лексики, фонетики, стилистики, фразеологии и диалектологии таджикского языка были приведены в определенную научную систему.

История лингвистической мысли таджикского народа, подобно философии, литературе, литературной критике, искусству и архитектуре, имеет глубокие исторические корни. Предки таджиков имели свой собственный алфавит и письменность ещё до арабского завоевания. Известный русский востоковед В.В. Бартольд в этой связи писал: «Заслуги согдийцев в деле распространения алфавита дают им право на место в истории рядом с финикийцами» [15].

Это свидетельствует о том, что таджикская лингвистическая мысль вероятно, возникла и формировалась в нашем народе, используя опыт Греции и Индии и находилась в стадии формирования.

Один из первых исследователей истории таджикской лингвистической мысли Д. Ходжаев, высказывает следующее мнение в связи с изучением этого вопроса: «Хотя нет достаточного материала доисламского периода, чтобы осветить страницы истории таджикской лингвистической науки, на основе научных работ и грамматика арабского языка, большинство авторов которых, по историческим источникам, были иранцами, в том числе таджиками, и весьма достоверной и подробной информации в философских трактатах, аруза, литературной критике и музыке, написанных на таджикском языке в исламскую эпоху, мы можем быть абсолютно уверены, что наша лингвистическая наука имеет исторические корни» [78, с. 4].

После арабского завоевания таджикская лингвистическая мысль попала под влияние арабской грамматической системы. Подобное воздействие было продиктовано требованиями эпохи, поскольку арабский язык стал доминирующим языком правящей элиты, и все научные силы были мобилизованы для совершенствования и развития его грамматической теории.

Согласно историческим источникам, большинство составителей арабской грамматической системы были иранцами, например, автор знаменитого произведения «Аль-Китаб» перс Сибавайх [64] был одним из них. Постепенно влияние халифата начало ослабевать на землях, где проживали неарабские народы, и эти народы и нации смогли либо возродить, либо развить свою науку и культуру. В их числе был и таджикский народ, получивший возможность заложить основы и дать толчок возрождению всех сфер экономической, культурной и научной жизни.

На этой основе в трудах ученых X века и последующих периодов появились важные лингвистические заметки, замечания и пояснения касательно различных наук, в том числе таджикского языкознания, пример чего мы можем видеть в «Донишномаи Алои» («Книге знания Алои») Абуали ибн Сино» [1].

Этот выдающийся учёный также представил ряд лингвистически значимых тем, связанных с законами логики, представляющих интерес с точки зрения современной лингвистики. Кроме того, он написал трактат по фонетике под названием «Махоридж-ул-хуруф» [1]. Эта традиция, то есть объяснение правил таджикского языка на основе наук философии, риторики, искусства и музыки продолжалась до первой половины XX века.

Хотя традиция комментирования основ таджикской грамматики в дальнейшем, вплоть до первой половины XIX века, продолжалась в рамках трактатов по триаде филологических наук, в толковых словарях и некоторых руководствах по основам таджикской грамматики, со второй половины XIX века состояние таджикской лингвистической мысли меняется.

В тот период в Центральной Азии возникло просветительское движение, представители которого занимались прежде всего реформой образования. С этой целью они выражали свои идеи по совершенствованию и обновлению школьных программ, методов обучения и содержания учебников, а также сами непосредственно участвовали в обучении и преподавании, создавая новые учебники.

После присоединения Средней Азии к России под влиянием русской культуры, общественной мысли и просветительского движения возникают русско-туземные школы и школы нового метода (джадидские школы). В мировоззрении и сознании таджикского народа происходят изменения, а налаживание учебного процесса и появление новых лингвистических взглядов закладывают основу для дальнейшего развития. Предпринимаются попытки на основе опыта русистики составить нормативные и грамматические основы таджикского языка для различных ступеней обучения и разных возрастных категорий таджикского общества. Результатом этих усилий стало издание в 1841 году составленной на основе новых подходов и методов «Краткой грамматики персидского языка» Аббаскули Ага Бакиханова [13].

В 1875 году М.А. Терентьев публикует книгу под названием «Грамматики турецкого, персидского, киргизского и узбекского языков» [69]. Девять лет спустя, в 1884 году, Мирзо Джафар пишет «Краткую грамматику персидского языка» [45].

В 1888-90 годах И.П. Наливкин публикует две книги: одну под названием «Русско-персидский словарь», а другую – «Руководство к практическому изучению персидского языка».

Хотя эти книги были составлены для учащихся специализированных классов институтов и университетов восточных языков тех лет, а также использовались некоторыми русскими чиновниками, имевшими дело с местным населением в Средней Азии, они послужили основой для последующего формирования и развития лингвистической мысли нового периода и написания более совершенных учебников по основам таджикской грамматики.

Именно поэтому всестороннее исследование истории формирования [лингвистической мысли] и её этапов имеет большое теоретическое и практическое значение для истории современного таджикского языкознания, развития его нынешнего этапа, составления учебников по таджикскому языку для различных ступеней обучения, а также для создания всеобъемлющей академической грамматики.

Начиная с середины 1920-х и в 1930-е годы в таджикской печати стали возникать различные мнения и дискуссии, в которых рассматривались вопросы таджикского литературного языка. В связи с этим публикуется множество статей, которые неодинаковы по своему научному уровню, содержанию, глубине и национальной самобытности, однако именно благодаря им в определенной степени закладываются основы современного таджикского языкознания. К счастью, эти публикации были собраны со страниц газет, журналов и из архивов и изданы в 2007 году в виде книги под названием «Забони тоҷикӣ дар мабной мувоҳидаҳо» («Таджикский язык в контексте дискуссий») [46].

Все дискуссии, которые велись вокруг таджикского литературного языка, его упрощения и различных вопросов таджикской лингвистики, стали основой для формирования современной таджикской лингвистической мысли в первой половине XX века, но до настоящего времени ценность и влияние этих источников на языковую мысль на более поздних этапах не были полностью проанализированы и исследованы. Поэтому определение языковой ценности этих материалов с точки зрения современной лингвистики, установление вклада видных деятелей считается одной из важнейших и актуальных тем данного исследования.

Также актуальность данного исследования заключается в том, что в его рамках проводится анализ и рассмотрение процессов формирования и развития современной таджикской лингвистической мысли.

Степень изученности научной темы. О состоянии современной таджикской лингвистики впервые высказался С. Айни. В своей статье «Оид ба вазъияти забоншиносии тоҷик» («О состоянии таджикской лингвистики») С. Айни пишет: «Хотя таджикский литературный язык имеет тысячелетнюю историю и прочную грамматическую основу, до Великой Октябрьской социалистической революции не появилось ни одной полноценной работы по этой теме» [9, с.3-8].

В связи с этим утверждением устода мы бы хотели отметить два момента. Во-первых, из общего ряда можно исключить лексикографию (науку о

словарях), поскольку, как указывает Д. Ходжаев в статье «Взгляды устода Айни на историю таджикской лингвистической мысли», эта отрасль языкознания имеет в таджикском языке давнюю традицию и еще в эпоху Саманидов получила определенное развитие на основе своего прежнего наследия. Во-вторых, вплоть до начала XX века необходимые сведения и разъяснения по основам грамматики таджикского языка-дари приводились во введениях к толковым словарям и в трактатах по триаде филологических наук, а также составлялись некоторые учебные пособия, такие как «Чахор гулзор» Ходжи Хасана Нисори (XVI в.) и «Рисолае дар сарфу нахв ва имло» («Трактат по грамматике и орфографии») Ходжи Мухаммада Каримхана Кирмани (XIX в.).

В 1962 году выходит в свет аналитическая статья В. С. Расторгуевой под названием «Изучение таджикского языка в СССР» [57]. В данной работе автор упоминает статьи, трактаты и книги, посвященные диалектам, а также грамматическим и стилистическим особенностям таджикского языка начиная со второй половины XIX века. Кроме того, она кратко останавливается на статье профессора Казанского университета В. В. Григорьева «О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре», в которой содержатся сведения о диалекте бухарских таджиков.

Эта статья может предоставить необходимый материал для всестороннего изучения современной таджикской лингвистической мысли за последние сто лет. Другая статья, озаглавленная «Вазъияти забоншиносӣ ва вазифаи забоншиносони тоҷик» («Состояние лингвистики и задача таджикских лингвистов») [56], которая также содержит общие пояснения и ставит перед таджикскими лингвистами ряд вопросов для решения, написана академиком Б. Ниёзмухаммадовым.

В данной статье автор приводит сведения о переходе с арабского письма на латиницу (1929–1930 гг.), а в 1940 году – с латинского на новый алфавит, разработанный на основе русской графики, характеризуя эту реформу как важное событие в просвещении таджикского народа и изучении русского языка. В связи с данным вопросом исследователь указывает, что многочисленные переводы с русского языка на таджикский также оказали «благотворное влияние на грамматический строй таджикского языка».

Автор статьи обосновывает своё рассуждение следующим образом: «В результате этого влияния русского языка в таджикском языке появились новые формы простых предложений. Благодаря этому в последние годы синтаксический строй национального таджикского языка стал более богатым, отточенным и плавным» [56, с. 77].

В вышеупомянутых рассуждениях академика Б. Ниёзмухаммедова есть два момента, которые представляются спорными и сомнительными. Во-первых, бездоказательно утверждается, будто в результате этого влияния русского языка в таджикском языке возникли новые типы простых предложений. Что это за типы простых предложений, которых до этого влияния не существовало в нашем классическом и современном литературном языке, и как же мы без них обменивались мыслями?! Другой момент заключается в том, что влияние русского языка на синтаксический строй нашего литературного языка в той

степени, которую подчёркивает автор, не является поводом для гордости, поскольку чрезмерное воздействие на синтаксис языка свидетельствует о его уязвимости и несет в себе угрозу смещения подвергнувшегося влиянию языка.

С этой точки зрения влияние другого языка на синтаксическую систему таджикского языка следует рассматривать не как положительное явление, а как процесс, влекущий за собой негативные последствия, и необходимо предостеречь литераторов от неоправданного использования чуждых синтаксических моделей, поскольку подобное вмешательство может отрицательно сказаться на целостности и закономерностях развития языка.

В завершение вводной части упомянутой статьи автор пишет: «Изучение некоторых областей таджикского языкознания (диалектология и лексикология зародились еще до Октябрьской революции) и исследование современного таджикского литературного языка в годы советской власти значительно продвинулись вперед, в этой сфере были достигнуты большие успехи, и именно в эти годы были заложены основы таджикской лингвистической науки» [56, с. 79].

Конечно, это мнение автора соответствует времени написания статьи. Сейчас, основываясь на последних исследованиях, являющихся продуктом эпохи перестройки и Независимости, можно отметить, что и в прошлом наши учёные уделяли внимание вопросам грамматики и чистоте языка, его лексики и терминологии.

Начиная с XIV века, были написаны также некоторые научные работы и учебные пособия. Таким образом, таджикская лингвистическая мысль также сформировалась в прошлом и в определённой степени прогрессировала.

Обсуждение и заключение академика Б. Ниёзмухаммадова в основном охватывают формирование и развитие современной таджикской лингвистики (советский период). После этого академик Б. Ниёзмухаммадов выражает своё мнение об изучении таджикской лингвистики, которое включает два периода: дореволюционный и советский.

В статье автор высказывает замечания о грамматике таджикского литературного языка, заявив, что, хотя на таджикском языке было создано множество произведений, его грамматическая структура не анализировалась и не изучалась до Октябрьской революции, да и необходимости в этом не было, поскольку таджикский язык не преподавали как предмет в старых школах и медресе.

Этот вывод академика Б. Ниёзмухаммадова также весьма относителен, ведь на основе законов какого языка создавал свои произведения народ, сотворивший столь всемирно известную литературу, если с точки зрения правил таджикской грамматики в трудах наших классиков невозможно обнаружить ни единого изъяна? Если сказать, что на основе арабского, то ведь они написаны на чистом и поэтичном таджикском языке, а не на арабском. Безусловно, эти литераторы изучали систему арабской грамматики, однако они тонко чувствовали нюансы и изящество таджикского языка и сами формулировали грамматические правила родной речи. Например, Абу Али ибн Сино, Носир Хусрав, Шамс Кайс Рази, Насируддин Туси, Махмуд Омули, Хусрав Дехлави,

Атоулло Махмуд Хусайни, Абдуррахман Джами, Ходжа Хасан Нисори, а также составители толковых словарей, начиная от «Лугати фурс» и вплоть до «Гиёс-ул-лугот», привели множество толкований и разъяснений по основам таджикской грамматики, и в этом русле был составлен и написан ряд учебных пособий.

Таким образом автор перечисляет научно-исследовательские работы по стилистике, лексикологии, сравнительному изучению таджикского и русского языков, терминологии и орфографии, написанные таджикскими учеными и востоковедами до 60-х годов XX века, и отмечает их ценность и значение.

Академик Б. Ниёзмухаммадов указывает, что наряду с достижениями и успехами в области современного таджикского языкознания наблюдается и немало недостатков, преодоление которых в кратчайшие сроки и стремление к дальнейшему развитию таджикской лингвистической науки являются первоочередной задачей таджикских языковедов.

Профессор Ш. Рустамов публикует статью под названием «Забоншиносии тоҷик дар даврони советӣ» («Таджикская лингвистика в советскую эпоху») [64]. Отличие статьи Ш. Рустамова от двух предыдущих заключается в том, что в начале он кратко упоминает историю таджикской лингвистики, затем переходит к комментарию к научно-методическим работам по современной таджикской лингвистике и напоминает, что начало таджикской лингвистики восходит к прошлым векам.

«Таджикская лексикография, – отмечает автор, – берет свое начало в X веке, и за этот период появилось множество толковых словарей, в большинстве из которых при толковании слов уделялось внимание также их структуре и составу. Некоторые толковые словари снабжены лексико-грамматическими введениями, в которых в определенной степени разъясняются грамматические и словообразовательные особенности [языка]» [64, с.19].

После краткого введения автор переходит к объяснению организации научно-образовательной базы в советскую эпоху, изменению алфавита, вкладу С. Айни в развитие таджикского литературного языка, подчёркивает вклад русских и таджикских учёных И.И. Зарубина и Л. Бузургзода в изучение звукового состава таджикского языка и перечисляет достижения таджикских лингвистов до 1970-х годов.

В связи с данной темой можно упомянуть статьи и доклады Б. Азизи «Ба забони дарӣ дурри суханро суфтан мехоҳам» («Хочу нанизывать жемчужины слов на языке дари») и «Дар бораи забони адабии тоҷик» («О таджикском литературном языке»), С. Айни «Дар атрофи забони форсӣ ва тоҷикӣ» («Вокруг персидского и таджикского языков»), «Забони тоҷикӣ» («Таджикский язык»), «Чавоби ман» («Мой ответ»), Бектоша «Дар атрофи забони адабии тоҷикӣ» («Вокруг таджикского литературного языка»), Бертельса «Дар бораи забони адабии тоҷик» («О таджикском литературном языке»), Бухори «Дар гирди масъалаи забони адабии тоҷик» («Вокруг вопроса о таджикском литературном языке»), Думбола «Оё лозим аст, ки забони адабии тоҷикӣ аз нав эҳё шавад» («Нужно ли заново возрождать таджикский литературный язык»), Т. Зехни «Забони «Овози тоҷик»» («Язык [газеты] «Голос таджика»»), «Маслиҳатҳои ман дар бораи забон» («Мои советы о языке»), «Мувоҳида дар бораи забон ва

адабиёт» («Дискуссия о языке и литературе»), Мунзима «Дар бораи забони адабии тоҷикӣ» («О таджикском литературном языке»), А. Мухиддинова «Фикрҳои мо дар бораи забони адабии тоҷикӣ» («Наши мысли о таджикском литературном языке»), Муинзода «Дар атрофи масъалаи забони китобӣ-адабӣ» («Вокруг вопроса о книжно-литературном языке») и Рахима Ҳашима «Мирзо Фатҳолӣ Охундов». Авторы этих публикаций преимущественно затронули ключевые проблемы языкознания и дали оценку всему спектру рассматриваемых вопросов с позиций нового лингвистического видения».

В библиографическом труде А. Юнусова «Таърихи забоншиносии тоҷик» («История таджикского языкознания») исследован «Общий указатель» по истории развития таджикского литературного языка. Учёный в меру своих возможностей предпринял попытку отразить материалы по таджикскому языкознанию, опубликованные как до Октябрьской революции, так и в советский период на протяжении 110 лет (1861–1971 гг.). Вся литература «Указателя» сгруппирована в 14 основных глав, большинство из которых включают в себя отдельные разделы. Например: 1. Общая часть. 2. Письменность и орфография. 3. Преподавание таджикского языка. 4. Учебники. 5. Программы. 6. Вопросы стилистики. 7. История таджикского языка; в данной главе собраны труды и статьи, которые непосредственно относятся к таджикскому языку либо были опубликованы в советской печати). 8. Диалекты таджикского языка. 9. Взаимоотношения таджикского языка с другими языками. 10. Строй современного таджикского литературного языка. 11. Лексикология. 12. Лексикография. 13. Библиография. 14. Вспомогательные указатели. Каждая публикация относится к определённой теме, а библиографические материалы, касающиеся таджикского языкознания, приведены в заключительном томе книги. Следует отметить, что данный труд окажет существенную помощь каждому исследователю, занимающемуся изучением истории и теории таджикского языкознания.

В связи со вкладом отечественных и зарубежных лингвистов, содействовавших становлению современного таджикского языкознания, можно упомянуть исследования и ряда других учёных. В соответствующих разделах диссертации о них представлены подробные сведения.

Связь исследования с программами либо научной тематикой. Разработка темы диссертации выступает важным показателем соответствия научной работы государственным стратегиям и приоритетным направлениям развития науки, а также служит ключевым критерием качества и теоретико-практической значимости научного труда. Тематика диссертации непосредственно соотносится с Законом РТ «О государственном языке РТ» (от 05.10.2009, № 553), «Программой развития государственного языка на 2020-2030 годы» (от 28.11.2020, № 647), «Программой развития государственного языка Республики Таджикистан на 2012-2016 годы» (от 30.06.2012, № 335), Постановлением Правительства РТ «О Правилах орфографии таджикского языка и Знаках препинания таджикского языка» (от 30.06.2021, № 268), а также с плановыми темами кафедры истории языка и типологии Таджикского национального университета. На указанной кафедре тема «История таджикской

лингвистической мысли» составляет одно из направлений научного исследования. Данная тема включает в себя несколько разделов и подразделов, отдельные части которых читаются в рамках специализированных курсов и семинаров.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В кратком и систематизированном описании исследования определены его основные аспекты и всесторонне рассмотрены цель работы, охватывающая обзор развития современного языкознания, задачи научной работы, определение важного объекта исследования, конкретизация рассматриваемого предмета, обобщение научного труда на различных этапах и периодах исследования, научное обоснование темы и ее связь с существующими теориями, а также совокупность результатов, выводов и новых научных достижений, полученных в ходе осуществления научной деятельности. В положениях, выносимых на защиту, представлены основные и абсолютно новые научные выводы. Основные положения, раскрывающие теоретическую значимость исследования, степень достоверности его результатов, соответствие диссертации паспорту научной специальности, личный вклад соискателя ученой степени, апробация и внедрение результатов исследования, публикации по теме диссертации, ее структура и объем, получили явсостороннее освещение в рамках данной научной работы.

Цель исследования. Целью исследования является определение факторов и основных этапов становления и развития современной таджикской лингвистической мысли, в особенности с середины XIX века вплоть до периода перестройки XX века. Предпринята попытка изучить и проанализировать весь массив доступных материалов начиная с 1840-х годов XIX века до 70-х годов XX века. На основе исследуемого материала мы стремились выявить, проанализировать и обобщить особенности становления и развития современной таджикской лингвистической мысли на каждом этапе в зависимости от влияющих на неё факторов.

Задачи исследования. Для достижения поставленных целей планируется решить следующие задачи:

- углубленный анализ теоретических основ формирования современной таджикской лингвистики и концепции лингвистической мысли;
- определение начального этапа формирования современной таджикской лингвистической мысли;
- выявление основ, факторов и целей формирования современной таджикской лингвистической мысли;
- изучение и анализ основных этапов формирования современной таджикской лингвистической мысли;
- определить первый этап формирования современной таджикской лингвистической мысли после Октябрьской революции;
- рассмотреть и проанализировать научные дискуссии 20-30-х годов XX века, а также оценить работы видных деятелей, активно участвовавших в этом процессе;

- изучить второй этап изучения таджикского языка и его роль в развитии таджикской лингвистической мысли;
- показать различия между третьим этапом развития современной таджикской лингвистической мысли и вкладом таджикских лингвистов-исследователей в формирование лингвистической мысли.

Объект исследования. Объектом исследования диссертации являются научные работы таджикских и зарубежных востоковедов с 1840 года до Октябрьской революции, а также научные работы лингвистов-исследователей по различным вопросам современной таджикской лингвистики в период с 1917 по 1970 годы XX века.

Предмет исследования. Предметом исследования является дискуссия, связанная с «Формированием современной таджикской лингвистики и этапами её развития (1840-е годы XIX века до периода перестройки)».

Теоретическая основы исследования. Теоретической основой данного исследования являются достижения отечественных и зарубежных учёных, таких как Ибн Сина, Носир Хусрав, Насируддин Туси, Шамси Кайс Рази, Махмуд Омули, Атаулло Махмуд Хусайни, Абдурахман Джами, Ходжа Хасан Нисори, Б. Ниязмухаммедов, Д.Т. Таджиев, М.Н. Косимова, Ш. Рустамов, Д. Ходжаев, Д. Саймидинов, С. Халимов, А. Хасанзода, Т. Вахобов, С. Назарзода, Ф. Шарифзода, М. Султон, С. Сабзаев, А. Юнусов и зарубежные исследователи, такие как Аббаскули Ага Бакиханов, М. Терентьев, Мирзо Джафар, К.Г. Зелеман, В.А. Жуковский, И.П. Наливкин, В.В. Григорьев, Виноградов, Ф.М. Березин, Е.Е. Бертельс, А.Н. Болдырев, В.А. Звегинцев, А.Н. Гвоздев, В.С. Росторгуева, В.А. Ефимов, П.Н. Ханлари, М. Бахор и др.

Научная новизна темы исследования заключается в следующих пунктах:

- это первое исследование в таджикской лингвистике, всесторонне и фундаментально рассматривающее формирование современной таджикской лингвистики, и этапы её развития (1840-1970);
 - впервые источники и факторы формирования современной таджикской лингвистической мысли рассмотрены на основе исторических этапов;
 - впервые, с точки зрения времени и содержания, этапы формирования и развития современной таджикской лингвистической мысли разделены на два периода: период до и после Октябрьской революции с большим количеством фактологических материалов;
 - новизна исследования также заключается в том, что впервые формирование современной таджикской лингвистики и этапы её развития (1840-1970) полностью и всесторонне проанализированы на основе различных исторических этапов;
 - впервые подробно рассмотрен второй этап, который считается временем развития и формирования современной таджикской лингвистики, и в котором сейчас в область таджикской лингвистики входят представители местного старшего и младшего поколений, включая деятелей, сыгравших в нем важную роль.

Положения, выносимые на защиту:

1. Конкретизирована периодизация исторического развития современного таджикского литературного языка, а также углубление процесса демократизации литературного языка в рамках трех этапов (20–30-е годы; 40-е и 50-е годы; 60-е, 70-е и 80-е годы XX века).

2. Доказано, что составление кратких грамматик персидского языка («Краткая грамматика персидского языка» Аббаскули Ага Бакиханова, «Краткая грамматика персидского языка» Мирзо Джафара, «Краткая грамматика персидского языка» К. Г. Залемана и В. А. Жуковского) заложило надежный фундамент в эволюцию новой таджикской лингвистической мысли; на основе фундаментальных источников обосновано, что взгляды ученых Аббаскули Ага Бакиханова, Мирзо Джафара, К. Г. Залемана и В. А. Жуковского создали благоприятные условия для развития таджикской лингвистической науки.

3. Установлено, что вклад отечественных просветителей Мирзосаида Абдусаломы, Мухаммадрасула Расули, Махмудходжи Бехбуди, Исматулло Рахматуллозода в популяризацию науки и системы образования на родном языке, а также составленные ими учебные пособия и руководства по персидскому языку внесли существенный вклад в становление новой таджикской лингвистической мысли.

4. Тематически классифицированы дискуссии 20–30-х годов XX века и вопросы, рассмотренные на Первом съезде языковедов Таджикистана (23–28 августа 1930 года), а также определен полный перечень отраслей и разделов таджикского языкознания: таджикский литературный язык и его научно-практические проблемы, латинский алфавит и его принятие, новая таджикская орфография, терминология и терминотворчество, морфология и синтаксис таджикского языка, написание учебников, роль прессы в развитии языкознания, таджикский разговорный язык.

5. Обосновано, что вклад устода Айни, А. Лахути, Э. Бертельса, Т. Зехни, С. Ализода, Р. Хошима, А. Фитрата, Бектоша, А. Мунзима, Б. Азизи, Х. Бакозода, Б. Ходжизода создал благоприятную почву для развития новой таджикской лингвистической мысли.

6. Показано, что отечественные ученые и литераторы занимали особую позицию в становлении языкознания и сыграли значительную роль в дискуссиях и полемике, связанных с вопросами нормы литературного языка, культуры речи, использования заимствованной лексики, терминологии, соблюдения грамматических правил литературного языка, словообразования и моделирования словосочетаний, построения предложений, корректного употребления лексических и синтаксических синонимов, стилистических особенностей языковых единиц, произношения, орфографии и пунктуации.

7. Переход от системы письменности на арабской основе к латинскому алфавиту и впоследствии к таджикской кириллице определен как один из важнейших этапов исторического развития графической системы таджикского языка. С опорой на историко-лингвистический материал доказано, что данный процесс протекал на фоне политических, социальных и культурных

преобразований в советском обществе и способствовал формированию и совершенствованию норм таджикского литературного языка.

8. Систематизированы и описаны важнейшие достижения таджикских исследователей и языковедов 70-х годов XX века, воплощенные в форме учебных пособий и учебников для различных ступеней образования, словарей, а также обобщающих научных монографий.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что впервые на основе обширного материала с 1840-х по 1970-е годы всесторонне и подробно проанализированы и рассмотрены процесс формирования современной таджикской лингвистики и этапы её развития, что способствует дальнейшему развитию лингвистической науки, совершенствованию методологических основ и более глубокому пониманию идей современной таджикской лингвистики.

Практическая значимость исследования заключается в том, что на основе обширного материала систематически определён процесс формирования современной таджикской лингвистики и этапы её развития в советскую эпоху со второго этапа (1925-1926 гг.) до 1970-х годов, что может послужить основой для совершенствования формирования современной таджикской лингвистики и этапов её развития в период независимости, а также для разработки учебников и пособий для различных уровней образования, общего пособия по таджикскому языку и проведения специализированных курсов и семинаров. Кроме того, результаты и выводы диссертации могут быть использованы при разработке учебных пособий и учебников по формированию современной таджикской лингвистики. Они также будут использованы студентами, магистрантами и докторантами в процессе написания выпускных и магистерских работ, а также кандидатских диссертаций.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Тема диссертационного исследования «Формирование современной таджикской лингвистики и этапы её развития (с 1840-х годов XIX века до периода перестройки)» соответствует паспорту специальности 6.2.2. Теория языка.

Личный вклад соискателя ученой степени учёной степени в исследование заключается, прежде всего, в сборе обширного материала по формированию современной таджикской лингвистики и этапам её развития (1840-1970 гг.), изучении теорий современных отечественных и зарубежных учёных по рассматриваемой теме, подготовке статей и докладов по теме исследования. Также отбор и научная организация темы осуществляются по согласованию с научным консультантом, а вклад соискателя проявляется в определении основных целей, обработке материала, анализе и обсуждении, а также научных выводах по выбранной теме.

Исследование рассматривается как новое и актуальное в таджикской лингвистике. В ходе исследования автору диссертации удалось решить важные поставленные перед ним задачи, включая всестороннее изучение истории мысли в современной таджикской лингвистике на основе обширного материала с 1840-х годов XIX века по 1970-е годы XX века.

Апробация и применение результатов диссертации. Диссертация рассмотрена, обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании кафедр истории языка и типологии современного таджикского литературного языка, таджикского языка и методики преподавания таджикского языка и литературы Таджикского национального университета с участием специалистов Института языка и литературы им. А. Рудаки Национальной академии наук Таджикистана, Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни (Протокол №11 от 08.05.2026).

Публикации по теме диссертации. Основные выводы диссертации опубликованы в 22 научных статьях, в том числе 15 статьях в рецензируемых научных журналах Высшей аттестационной комиссии при Президенте Республики Таджикистан, 5 статьях в научных сборниках научно-теоретических конференций и в различных научных изданиях.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, 5 глав, заключения, рекомендаций по практическому применению результатов исследования и списка использованной литературы. Общий объем диссертации составляет 360 страниц компьютерного набора.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Введение к диссертации содержит информацию об актуальности и необходимости темы исследования, степени изученности темы, связи исследования с научными программами и темами, целях, задачах, объекте, предмете, теоретических основах, методологических основах, источниках, научной новизне темы исследования, основных положениях, выносимых на защиту, теоретической и практической значимости исследования, соответствии темы диссертации научной специальности, личном вкладе соискателя ученой степени в исследование, практическом подтверждении результатов исследования, публикации научных работ по теме диссертации, структуре и объёме диссертации.

Первая глава диссертации «**Формирование современной таджикской лингвистической мысли во второй половине XIX века**» включает шесть разделов и содержит информацию об исследованиях, проведённых учёными по состоянию современной таджикской лингвистической мысли во второй половине XIX века.

Хотя классическая таджикская лингвистическая мысль имеет древнее историческое прошлое, она не изучалась непосредственно и отдельно в процессе формирования начального этапа современной таджикской лингвистики, охватывающего определённый исторический период до Октябрьской революции. Поэтому источники и факторы современной таджикской лингвистической мысли во второй половине XIX века формировались на основе взаимодействия исторических, социальных и культурных условий.

Одним из важных факторов, способствовавших становлению современной таджикской лингвистической мысли, является составление грамматик персидского языка, в которых приведены подробные разъяснения и глубокий анализ различных учёных, посвящённые общим правилам таджикского

и современного персидского языков. В их число, в частности, входят: «Краткая грамматика персидского языка» [13] Аббаскули Ага Бакиханова (Тифлис, 1841); «Грамматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская» [69] Михаила Терентьева (Санкт-Петербург, 1875); «Краткая грамматика персидского языка» [45] Мирзо Джафара (Казань, 1884); «Краткая грамматика новоперсидского языка» [28] К. Г. Залемана и В. А. Жуковского (1890)».

Правда, интерес российского царского правительства к изучению персидского и таджикского языков имеет ещё более раннюю историю. По источникам, первое изучение живого персидского языка в России относится к первой половине XVIII века. Петр I ещё в 1716 году отправил в Иран 5 учеников для изучения персидского и тюркских языков. Лингвистическая мысль этого периода в основном включала вопросы изучения местных диалектов. Все источники, затрагивающие историю изучения таджикского языка, подтверждают, что его исследование началось именно с диалектов, связано с именем профессора Казанского университета В. В. Григорьева и приходится на вторую половину XIX века. Как упоминается в источниках, В.В. Григорьев просит Мирзо Шамси Бухори написать мемуары о некоторых важных событиях в Бухаре, Куكانде и Кошгаре. На основе мемуаров Мирзо Шамси Бухори, В.В. Григорьев обобщает свои выводы в грамматическом очерке «Обозрение диалектических отличий, употребительных у бухарских таджиков» [20, с. 53]. Эти мемуары, как теоретическая основа науки таджикской диалектологии, заложили основу для дальнейшего формирования современной таджикской лингвистики.

В 1898 году русский востоковед А.А. Семёнов в составе «Общества натуралистов» прибывает в Центральную Азию и изучает диалекты таджиков в Бухаре, верховьях Зарафшана, Каротегине, Дарвозе и других местах, обнаружив богатый материал. В работе А.А. Семёнова «Материалы для изучения диалектов горных таджиков Центральной Азии» диалекты горных таджиков изучались в сравнении с персидским языком того периода.

В 1900 году В.П. Наливкин публикует в Самарканде книгу под названием «Руководство по практическому изучению персидского языка». В этой работе исследователь уделяет больше внимания практическим аспектам изучения таджикского языка, включая разговорный язык.

Таким образом, до Октябрьской революции исследователи-иранисты царской России, с одной стороны, близко познакомились с обычаями, культурой и бытом таджикского народа, а с другой, в целях более глубокого проникновения в этот регион, составляли практические руководства и разговорники по языку местного населения и приступали к исследованию таджикских диалектов.

Первый раздел первой главы диссертации озаглавлен **«Формирование современной таджикской лингвистической мысли до Октябрьской революции»**.

История формирования современной таджикской лингвистики, хотя и сформировалась в советскую эпоху, точнее, в 20-30-е годы XX века, восходит ко второй половине XIX века. В самой же России, как в крупнейших центрах вроде Санкт-Петербурга и Москвы, так и в других провинциальных городах, таких как

Казань и Харьков, было налажено преподавание персидского языка, и ещё с начала XIX века издавались учебники и пособия. Безусловно, в этот период российская лингвистика также была признана самостоятельной наукой и развилась до такой степени, что вклад основателей и представителей лингвистических школ Санкт-Петербурга, Москвы и Казани в этом отношении очень велик. Возникновение и укрепление этих лингвистических школ в России, с одной стороны, привело к быстрому развитию русской лингвистики, а с другой – заложило фундамент для формирования национальных систем современного языкознания у других народов и наций бывшего Советского Союза. Этот вопрос частично рассматривается в статье лингвиста Ф.Х. Шарифовой «Составление персидских грамматик в России в XIX веке» [89], где автор рассматривает первые учебники персидского языка, написанные в России и на её территориях, и их влияние на грамматики XX века: «В российских высших учебных заведениях спрос на учебники персидского языка возник одновременно с преподаванием предмета «Персидский язык и литература» в XIX веке» [89, с.28].

Наша основная цель также заключается в том, чтобы показать влияние этих грамматик на учебники и учебные пособия по таджикскому языку для средних и высших учебных заведений и проследить на их основе становление и развитие современной таджикской лингвистической мысли.

На этой основе были разработаны учебники и методические пособия, принадлежащие перу иранистов А.Н. Болдырева (1826), Аббасакули Ага Бакиханова (1832), Ф.Н. Берёзина (1853), К. Г. Залемана, В. А. Жуковского (1890) и Мирзо Джафара (1884).

Из числа книг и учебных пособий по персидскому языку, демонстрирующих общность в изложении вопросов фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса персидского и таджикского языков, мы сочли необходимым представить сведения о структуре, содержании и лингвистической ценности трех трудов: «Краткая грамматика персидского языка» Аббасакули Ага Бакиханова (1841), «Краткая грамматика персидского языка» Мирзо Джафара (1884) и «Краткая грамматика новоперсидского языка с приложением метрики и библиографии» К. Г. Залемана и В. А. Жуковского (1890). Выбор обусловлен тем, что данные работы оказали существенное влияние на составление учебников по таджикскому языку в последующие годы, на научные труды в области таджикской грамматики и, в целом, на становление современной таджикской лингвистической мысли.

Первой персидской грамматикой в России была «Краткая грамматика персидского языка» Аббасакули Ага Бакиханова. Эта работа была опубликована автором в 1832 году на персидском языке и в 1841 году на русском языке в Тбилиси и представляет собой набор правил, служащих путеводителем для понимания и осмысления персидского языка. Грамматика состоит из трёх частей: первая часть посвящена буквам, вторая – словам, а третья – содержанию слов и выражений, встречающихся в предложениях или речи.

Мы также можем увидеть эту систему классификации согласных звуков таджикского языка в научных работах по лингвистике Абу Али ибн Сино, Носира

Хусрава, Насируддина Туси, Ходжа Хасана Нисори и в таджикских толковых словарях.

Второй раздел первой части посвящён явлению связывания букв в персидском языке, где автор последовательно демонстрирует случаи и способы слитного и раздельного написания букв, описывает их графические изменения и приводит толкование слов.

В третьем разделе третьей части представлены сведения об огласовках в письменности. Данные знаки огласовки играют исключительно важную роль в графическом облике слов, а также в произношении и чтении каждого отдельного слова.

Автор конкретно, на примерах разъясняет и комментирует такие знаки огласовки, как фатха, касра, замма, именуемые «триадой огласовок» (гласных знаков), а также знаки «танвин», «ташдид», «мадда», «сукун» (сокин) и «хамза». Данные огласовки и знаки оказывают существенную помощь для безошибочного чтения лексем и текста в целом.

Вторая часть данного пособия посвящена рассмотрению особенностей изменений структуры слов в персидско-таджикском языке и состоит из двух разделов:

Первый раздел называется «о словах персидского языка» и содержит информацию о классификации частей речи. Автор подчёркивает, что слова в персидском языке делятся на три группы в соответствии с арабской системой: существительные, глаголы и буквы, которые включают в себя следующее:

1. О существительном. Существительное – это часть речи, которая не зависит от трёх времён: настоящего, прошедшего и будущего, и сама по себе обозначает то или иное понятие. В зависимости от своих характеристик существительное в персидском языке бывает двух видов: истинное и переносное. Истинное существительное бывает или именем (собственным или нарицательным), или прилагательным или числительным. Затем предоставляет информацию о существительных в единственном и множественном числе, об имени прилагательном, имени числительном, имени существительном женского рода и глаголах.

2. О глаголе. Глагол – это часть речи, описывающая движение или действие существительного, или его состояние в одном из трёх времён – настоящем, прошедшем и будущем. То есть глагол, как подчёркивает автор, берёт своё название от неопределённой формы (инфинитива) и имеет две основные формы: глагол прошедшего времени (мози) и глагол настоящего-будущего времени (музореъ) с однотипными личными окончаниями. Глагол прошедшего времени описывает действие, которое уже произошло, и образуется от неопределённой формы с окончанием «дан» или «тан».

«Краткая грамматика персидского языка» Аббаскули Ага Бакиханова сыграла важную роль в истории таджикско-персидской лингвистической мысли и изучении таджикско-персидского языка, и на её основе было написано несколько других книг по грамматике.

Ещё одна грамматика, используемая в России для изучения и преподавания персидского языка, – это «Краткая грамматика персидского языка»

Мирзо Джафара, впервые опубликованная в Казани в 1884 году издательством Императорского университета и переизданная в 1901 году в соавторстве с Ф. Э. Коршем. Эта грамматика сыграла важную роль в преподавании и изучении персидского языка в России.

«Краткая грамматика персидского языка» Мирзо Джафара начинается с краткого введения, раздела о персидском алфавите, огласовках, произношении звуков, примеров чтения текста с русской транскрипцией, а затем начинается основная часть. Например, он приводит газель Хафиза Ширази с транскрипцией следующим образом:

اَکَر اَن تُرْکِ شِیرازِ بَدَسْت اَرَد دِل مَارَا،
بِخَالِ هِنْدُویشِ بَخْشَم سَمَرَقَنْدُ وَخَارَا [83, с. 10].

Агар он турки ширази бедаст орад деле мара,
Бехале хендуйаш бахшам Самарганд-о- Бохарара.

(Если б ширазская турчанка Моё ей сердце поднесла,
За родинку её отдал бы Я Самарканд и Бухару – пер. А. Фет).

В разделе «Начало грамматики и грамматические правила» Мирзо Джафар говорит о роде в персидском языке. Автор справедливо отмечает, что в персидском языке нет окончания или отличительного знака рода в частях речи, то есть нет изменений в словах, независимо от того, относятся ли они к мужчине или женщине, например: Ин мард гуфт. Ин зан гуфт. Ин кӯдак мегуяд. / Этот мужчина сказал. Эта женщина сказала. Этот ребенок говорит. Для обозначения рода одушевленного предмета используется слово «нар» для мужчин и слово «мода» для женщин. Для обозначения связи между существительным и прилагательным, а также для образования дополнительных фраз и выражений к существительному добавляется буква «и»: китоби хуб /хорошая книга. Это же правило соблюдается и при связи местоимения с существительным, а также при связи двух существительных друг с другом, например: бародари ман, қалами шогирд, аспҳои шумо, бӯии гул, садои булбул / мой брат, карандаш ученика, ваши лошади, запах цветка, пение соловья...

После такого краткого описания изафета автор переходит к описанию особенностей существительного. Сначала рассматривается предметное имя существительное. Автор показывает роль изафета и предлогов и послелогов в выражении русского падежа в персидском языке.

В данной грамматике представлена необходимая информация и пояснения о местоимениях в таджикском-дари языке и подчеркивается, что в персидском языке распространены следующие виды местоимений (существительные-инфинитивы):

1. Личные местоимения: ман, ту, ӯ, он, вай, мо, шумо, эшон, онҳо (я, ты, он, оно, она, мы, ты, они).

2. Притяжательные местоимения: -ам, ашон, атон.

3. Указательные местоимения: ин, он, инхо, онхо, хамин, хамон, хамчунин, хамчунон, ончунон, чандин, чандон, ин қадар, он қадар (это, то, эти, они, также, а также, а также, как много).

4. Возвратные местоимения: худ (худам, худи ман, ман худам). (сам, я сам, лично я, я сам).

5. Определительные местоимения: хама, тамом, ишон, хама кас. (все, весь/целый, они/эти, каждый/все).

6. Вопросительные местоимения: кай?, кй?, чй?, чй гуна?, чй тавр?, чй қадар?, кадом?. (когда?, кто?, что?, какой/каким образом?, как/каким способом?, сколько?, какой/который?).

7. Неопределённые местоимения: касе, яке, чизе, баъзе. (кто-то/некто, один/кто-то один, что-то/нечто, некоторые/некий)

8. Отрицательные местоимения: ҳеч, ҳеч чиз, ҳеч кас. (никакой/нисколько, ничто/ничего, никто).

Ещё один раздел грамматики посвящён пояснению глаголов. В персидском языке, как отмечает автор грамматики, глаголы бывают двух видов: правильные и неправильные. Правильные глаголы – это глаголы, все формы времени которых образуются от основы глагола. Неправильные глаголы – это глаголы, формы настоящего, будущего и повелительного наклонения которых образуются от основы глагола. Неправильные глаголы – это глаголы формы настоящего и будущего времени, а также повелительное наклонение образуются от основы глаголы других спрягаемых форм, например: «хон» (читай) от инфинитива «хондан» (читать) [65, с.28].

В конце книги автор приводит несколько рассказов и фрагментов текста и объясняет их лексику, что имеет большое значение для чтения и запоминания словарей.

В заключение следует отметить, что книга «Краткая грамматика персидского языка» Мирзо Джафара сыграла значительную роль в изучении персидского и таджикского языков и составлении последующих грамматик.

Другая персидско-таджикская грамматика, написанная во времена царской России, – это «Краткая грамматика новоперсидского языка» К.Г. Залемана и В.А. Жуковского.

Авторы говорили о необходимости составления этой грамматики и спросе на неё, указывая, что население Центральной Азии испытывает большую потребность в такой книге.

Структура и содержание основной части данной грамматики схожи с «Краткой грамматикой персидского языка» Мирзо Джафара, а сама «Краткая грамматика новоперсидского языка» К. Г. Залемана и В. А. Жуковского состоит из трёх глав и приложения.

Первая глава данной грамматики, озаглавленная «Учение о письме и звуках», содержит сведения об алфавите, знаках чтения, звуковом составе, произношении, гласных и согласных звуках, фонетических правилах, просодике и ударении. Следует отметить, что в первой главе этого труда фонетическая структура персидского и таджикского языков подвергнута весьма тонкому и детальному анализу.

Вторая глава данной грамматики носит название «Учение о формах». В ней авторы прежде всего приводят сведения об имени существительном и, указывая на утрату грамматического рода в новоперсидском языке, отмечают, что для выражения естественного (биологического) пола используются совершенно разные лексемы. Например, петуха (самца птицы) называют «хурус», а курицу (самку) – «мокиён», или же корову (самку) называют «модагов», а быка (самца) – «бука» и «барзагов». Для разграничения пола у людей существуют отдельные слова «мард» (мужчина) и «зан» (женщина), как например: мардак (мужчина), занак (женщина), чавонмард (молодой мужчина/юноша), чавонзан (молодая женщина), пирамард (старик), пиразан (старуха) и т. д.

Другая статья принадлежит В.В. Григорьеву – «Обозрение диалектических отличий употребительного у бухарских таджиков персидского языка», которая заложила основу для становления современной таджикской лингвистики.

Статья П.Е. Кузнецова под названием «Сравнительный грамматический очерк таджикского и сартовского наречий» [39] была опубликована в 1915 году. Автор делит таджикские диалекты на две группы: первая группа – это диалект таджиков Верховья Амударьи, включающий каратегинский, дарвозский, рушанский, шугнанский, а вторая группа – диалект таджиков долины: Ферганы и Ташкентского уезда.

В этом очерке автор впервые в истории современной таджикской лингвистики вводит сравнительно-типологический метод, основанный на материале таджикского диалекта и диалектов Ташкентского уезда.

Ещё одним этапом в изучении таджикских диалектов и формировании на этой основе современной таджикской лингвистической мысли стала организация экспедиции Общества любителей прекрасного в Центральную Азию (1889 г.) с целью исследования и изучения диалектов таджиков Дарвоза, Каратегина, Зарафшана. В 1900-1901 годах результаты этой экспедиции были представлены А.А. Семеновым и опубликованы под названием «Материалы для изучения диалектов горных таджиков Центральной Азии». После работы А.А. Семенова были опубликованы ещё две работы: одна В.П. Наливкина под названием «Руководство по практическому изучению персидского языка» (Самарканд, 1900 г.), другая П.Е. Кузнецова под названием «О таджиках Ташкентского уезда» (1900 г.).

Эти материалы имеют важное значение как научные источники в научных исследованиях таджикских учёных.

Таким образом, труды и статьи данных учёных, посвящённые теоретическим вопросам, морфологии и синтаксису, лексике, фонетике, истории, а также диалектной лексикографии и изданные в форме исследовательских работ, монографий, словарей, авторефератов кандидатских и докторских диссертаций, а также докладов, активно используются научным сообществом страны.

«Пр просветительское движение и его влияние на систему преподавания таджикского языка» – это второй раздел первой главы.

В конце XIX века под влиянием просветительского движения и реформ в сфере образования произошли изменения в таджикской лингвистической мысли, в частности, в системе преподавания таджикского языка, и появились учебные пособия и учебники на таджикском языке.

Первым значительным шагом в этом направлении, на наш взгляд, стала работа индийского учёного Воджидали Муджмали. Его книга «Матлаъ-ул-улум ва маджмаъ-ул-фунун» [19] внесла заметный вклад в развитие преподавания таджикско-персидского языка и эсистематизацию основ грамматики таджикского языка, став одним из наиболее ценных трудов своего времени.

Свои наблюдения и мысли по этому поводу он выражает следующим образом: «...Внезапно я вспомнил о пользе этой неизменной благодати, что учебное пособие для учеников начальной школы, используемое в персидских школах, становится все более обременительным, то есть учителя годами читают некоторые эссе, романтические стихи и другие книги, от которых следует отстранить учеников начальной школы, растрачивая драгоценные жизни и оказываясь бесполезными, и фактически не извлекая пользы из научной грамотности. Чтобы устранить этот вред образованию учеников начальной школы и облегчить образование студентов и учёных, следует подготовить двухтомное издание: первый том содержит краткое изложение науки, а второй – описание науки, тогда учителя смогут в короткие сроки получить всестороннее образование и информацию по общим аспектам науки» [19, с. 347].

Многие заметки и пояснения Ваджидали Муджмали по лингвистике, особенно основам грамматика таджикского-персидского языка, можно найти в «Эҳсоъ-ул-улум» Абу Насра ал-Фараби, «Донишнома» Ибн Сино, «Джаме-ул-хикматайн» Носира Хусрава, «Асос-ул-иктибос» и «Меъёр-ул-ашъор» Насируддина Туси, «Алмуджам» Шамси Кайса Рози, «Нафаис-ул-фунун фи-аройс-ул-уюн» Махмуда Омули, «Бадаъ-ус-санаъ» Атоулло Хусайни, «Фавайди Зиёия» Абдуррахмана Джами, «Чахор гулзор» Ходжа Хасана Нисори, а также различных толковых словарях. Разница в том, что описания Муджмали относительно полемики просты и конкретны и являются логическим продолжением мысли предыдущих таджикских учёных.

Другое мнение заключается в том, что первая и девятая главы книги «Матлаъ-ул-ум ва маджмаъ-ул-фунун» непосредственно посвящены описанию лингвистических вопросов, в частности, основ таджикско - персидского языка.

Третье мнение состоит в том, что с точки зрения современной лингвистики многие темы, которые автор объясняет в разделе синтаксиса, относятся к разделу морфологии. Это свидетельствует о том, что Воджидали Муджмали больше опирался на средневековые лингвистические идеи персидских и таджикских учёных. В средневековой системе персидской и таджикской филологии они опирались на систему арабского языка. Например, второй раздел девятой главы «Матлаъ-ул-улум ва маджмаъ-уль-фунун» озаглавлен «Об описании синтаксических правил персидского языка» и начинается с объяснения группировки слов по частям речи, что с точки зрения современной лингвистики является темой обсуждения в морфологии. Например, «Знайте, что персидские слова делятся на три части: существительное, глагол и

буква (харф). Существительное – это слово, имеющее самостоятельное значение, и время в нём не выражается, например: аспу филу гову хар ало ҳазал қиёс ва осмон, чаеи махлуқот, малоик, қавоқиб, буруч, наботот, чамотот, меваҷот (лошадь, слон, корова, осёл, небо, всё творение, ангелы, созвездия, растения, тела и фрукты). Глагол – это слово, значение которого можно понимать, как прошедшее, будущее и настоящее время, например, «гуфт» – глагол прошедшего времени, «хоҳад гуфт» – глагол будущего времени и «меғӯяд» – глагол настоящего времени. Буква – это слово, не имеющее ни самостоятельного значения, ни времени, и не дающее осмысленного значения без добавления другого слова, например, «вов»-и атф или «ё»-и ваҳдат и другие» [19, 459 с.].

Воджидали Муджмали считает необходимым изучать и понимать важнейшие темы таджикского-персидского языка в системе образования медресе, включая грамматические категории, образование слов, словосочетания и предложений.

Во второй половине XIX века в Центральной Азии возникло просветительское движение, представители которого в первую очередь занялись реформированием сферы образования. После полного присоединения Центральной Азии к России под влиянием русской общественной мысли и культуры, а также просветительского течения возникли школы русско-туземного типа и новометодные школы. В мировоззрении и сознании таджикского народа происходят изменения, формируются предпосылки для организации обучения на таджикском языке и возникновения новых лингвистических взглядов и идей.

Третий раздел первой главы называется **«Учебники школ нового типа и отражение в них современной таджикской лингвистической мысли»**.

Изучение грамматики играло ключевую роль в системе образования центральноазиатских медресе. Единственная причина заключалась в том, что оно в основном охватывало основы обучения арабскому языку.

1. «Бидон». В этой книге в доступной форме излагаются морфология и синтаксис арабского и таджикского (персидского) языков.

2. «Аввали илм». В данной книге в форме вопросов и ответов изложены основные религиозные предписания.

3. «Муизи» («Муъизи»). Эта книга посвящена арабскому спряжению и словоизменению.

4. «Авамил». В данном труде рассматриваются грамматические факторы, которые делятся на две категории: выраженные словесно (лексические) и подразумеваемые (смысловые). В общей сложности этих факторов насчитывается 100. Данная книга также посвящена арабскому синтаксису.

5. «Кофия». Эта книга посвящена арабской морфологии и синтаксису. Полное название данного труда – «Аль-Кафия фи-н-нахв», а его автором является арабский ученый Ибн аль-Хаджиб.

6. «Шархи Мулло» («Комментарий Муллы»). Данный труд принадлежит перу мыслителя XV века Абдурахмана Джами, а его оригинальное название – «Фаваид аз-Зиёия».

7. «Шамсия». Это сочинение посвящено науке логики.

Как мы видим, роль грамматики в системе образования медресе была очень важной и обширной.

Учебные программы центральноазиатских медресе показывают, что статус филологических наук, особенно лингвистики, очень высок по сравнению с другими предметами. В процессе преподавания большинства других наук вопросы языка и лингвистики также прямо или косвенно затрагиваются.

Например, на более поздних этапах обучения изучаются следующие книги или предметы, связанные с лингвистикой, особенно с каламом:

1. «Ахаммийи Кутби». Данная книга представляет собой комментарий к сочинению «Шамсия» и охватывает вопросы логики и калама (мусульманского рационального богословия).

2. «Акаида Насафи». Это книга, посвящённая науке калама, автором которой является Аллома Тафтазани.

3. «Тахзиб». Данный труд посвящён науке логики и калама.

4. «Хикмат аль-айн». Сочинение, посвящённое натурфилософии (естественной философии) и метафизике (божественной философии).

5. «Мулло Джалол». Этот труд посвящён науке калама.

«Действительно, персидско-таджикский язык наряду с арабским занимал важное место в учебном процессе медресе, и в этом русле также шло русловое развитие и эволюция таджикской лингвистической мысли.

Таким образом, в укреплении позиций таджикского языка, внедрении его грамматических правил в практику преподавания новометодных школ и в становлении новой таджикской лингвистической концепции весьма значителен вклад следующих первых учебных пособий:

1. «Сарфу нахви точикй» («Таджикская морфология и синтаксис») Саидризо Ализоде Самарканди;

2. «Қоидаҳои муҳим аз сарфу нахви тоҷикӣ» («Важные правила таджикской морфологии и синтаксиса») Абдурауфа Фитрата;

3. «Сарфи забони тоҷикӣ» («Морфология таджикского языка») Туракула Зехни;

4. «Дар атрофи забони адабии тоҷикӣ» («Вокруг таджикского литературного языка») Бекташа.

«Толковые словари и продолжение классической лингвистической мысли в них» – четвертый раздел первой главы.

Помимо сохранения богатства таджикского языка, толковые словари также являются важным источником относительно точной и полной информации о правилах обучения таджикскому дари. Эта традиция в истории нашей науки и культуры восходит к сасанидской эпохе, с появлением первых словарей – «Фарханги Оим-свак» и «Фарханги Пахлавик». Позже, с появлением более полных словарей, таких как словари Абу Хафса Согди, «Фарханги Катрон» и «Лугати Фурс» Асади Туси, эта традиция получила дальнейшее развитие. В дальнейшем, по мере эволюции таджикского языка и расширения ареала распространения таджикского дари в различных регионах мира, было составлено множество толковых словарей.

В первой половине XIX века был опубликован очень важный толковый словарь «Гияс-уль-лугат» Мухаммада Гиясиддина Ромпури (1827). Словарь «Гияс-уль-лугат» признан учёными прошлого и настоящего как наиболее авторитетный словарь, использующий все надёжные источники для толкования слов, фраз, терминов и фразеологии. Этот словарь также считается важным источником для сохранения лингвистической мысли Средневековья и таджикского языка первой половины XIX века. В ряде случаев приводимые автором грамматические комментарии и сегодня могут служить незаменимым первоисточником. Некоторые зафиксированные в данном словаре грамматические сведения уникальны и не встречаются в других лексикографических трудах или научно-лингвистических работах.

Ещё один словарь, составленный в XIX веке и сыгравший важную роль в развитии таджикской лингвистической мысли, и особенно таджикского языка XIX века, – это «Хафт кулзум» [24] Бадршоха Гози. Этот словарь содержит информацию о лексике, грамматике и форме написания слов. Структура словаря и его терминология весьма примечательны. При делении словаря на главы, разделы и подразделы автор словаря использует термины, связанные с водой, такие как: бахр (море/океан), нахр (река/канал), чўй (ручей/арык), дарё (река), чашма (родник/источник), сохил (берег), маъбар (переправа), заврак (лодка/челн), поёб (брод/мелководье), обгир (водоём/водозабор), рўд (река/поток), чиход (русло/направление течения), мавча (волна/рябь), сафина (корабль/судно).

Автор словаря «Хафт кулзум» обосновал, прокомментировал и разъяснил 38 грамматических функций буквы «алиф» на примере бейтов и поэтических фрагментов из произведений классических поэтов. Разумеется, подобное толкование «алифа» встречается в трудах многих прежних учёных, однако не в таком количестве; кроме того, разъяснения автора данного словаря весьма просты и понятны, и он, продолжая традиции предшественников, довёл их практически до совершенства.

Пятый раздел первой главы озаглавлен **«Присоединение Центральной Азии к России и возрастающее влияние русской лингвистической мысли на становление современной таджикской лингвистики».**

Российская империя начала завоевание Центральной Азии во второй половине XIX века. Первый период завоевания Центральной Азии завершился в 1876 году упразднением Кокандского ханства и образованием Туркестанского государства, а второй период – полным завоеванием Центральной Азии и определением границ Туркестанского государства в 1895 году. Начиная именно с этого периода, начинается влияние науки, культуры, языка и в целом цивилизации русского народа на все регионы Центральной Азии, на населяющие её народности и нации. В этом русле также активизируется влияние русского языка и культуры на таджикский язык и культуру. Царское правительство в целях ознакомления с жизнью народа, изучения его языка и подготовки таким способом своих верных помощников считает открытие русско-туземных школ наилучшим орудием.

Разумеется, открытие русско-туземных школ, гимназий, а также направление в различные регионы Центральной Азии групп специалистов и ремесленников послужили причинами всё более глубокого воздействия русского языка и культуры на язык и культуру народов этого края, в том числе и таджикского народа.

Теперь в системе образования местных школ, где обучались сами учащиеся из коренного населения, методы обучения сближались с методическими основами русских школ. Например, если рассмотреть структуру и содержание одного из учебников, служившего пособием как для русских, так и для местных классов, мы увидим, насколько существенно он отличается от старых учебных руководств медресе. Таковым является учебник М. А. Терентьева «Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская», состоящий из трёх частей: первая часть посвящена фонетическим особенностям таджикского языка, вторая – словообразовательным и морфологическим аспектам, а третья – конструированию предложений, то есть синтаксическому аспекту.

В объяснении этих тем автор опирался на средневековую традицию составления грамматик. Например, приводимые автором сведения об изменениях, которые таджикские учёные, авторы учебных руководств, внесли в арабографичный таджикский алфавит с целью его адаптации к фонетическим особенностям таджикского языка, а именно: включение в состав арабского алфавита 4 звуков – г, ж, ч, п (а в некоторых руководствах указывается 5 звуков), также встречаются в фонетических трактатах и трудах Абу Али ибн Сино, Насруддина Туси, Ходжи Хасана Нисори и Ваджидали Муджмали.

«Кроме того, в данном труде приводятся сведения о трёх типах огласовок (гласных знаков), таких как: фатха (араб.) = забар (перс.-тадж.); касра (араб.) = зер (перс.-тадж.); замма (араб.) = пеш (перс.-тадж.), а также о раздельно- и слитнопишущихся буквах (соединяемых и несоединяемых графемах), позиционных вариантах их связывания, изолированном и связанном написании букв и т. д.

В разделе об морфологии и словообразовании наиболее заметно влияние европейско-русской системы грамматики. В пособиях и научных работах, предшествовавших этому учебнику, части речи делились на три группы: существительное, глагол и буква, что основывалось на арабской грамматической системе. В учебнике «Персидская грамматика» после вводной информации о морфологии приводится информация о существительных, прилагательных, местоимениях, числительных, наречиях, предлогах, союзах, междометиях, глаголах (с частицами), а затем рассматривается словообразование в таджикско-персидском языке, основанное на русской грамматической системе. В третьей части этого учебника приводится практическая информация об использовании членов предложения – подлежащего и сказуемого, определения, дополнения и обстоятельства.

Как мы видим, структура, содержание и метод описания синтаксических вопросов в этом учебнике совпадают с той структурой, которая, с

незначительными изменениями, использовалась во всех учебниках, основанных на принципах таджикского языка.

Вторая глава называется «**Становление современной таджикской лингвистики в 1920-х и 1930-х годах XX века**» и состоит из двух разделов и 10 подразделов.

Первый раздел работы озаглавлен «**Дискуссии вокруг вопросов таджикского языка и их лингвистическая ценность**», где утверждается, что состояние современной таджикской лингвистики в 1920-х и 1930-х годах не было однородным и гармоничным, а скорее чрезвычайно сложным, и происходила смена взглядов и идей между старым и новым, другими словами, это считалось переходным периодом. Например, первые грамматики, написанные в 60-80-х годах прошлого века, предназначались для студентов специальных курсов институтов восточных языков, а также частично для чиновников, работавших с местным населением Туркестана и нуждавшихся в знании языка местного населения. Однако значение и суть этих книг впоследствии вышли за рамки круга их издателей и стали основой для создания всеобъемлющих книг и пособий, основанных на базовых принципах преподавания таджикского языка. Таким образом, 1900-1920 годы стали периодом составления пособий и учебников по обучению таджикскому языку. И что наиболее важно, большинство авторов и составителей пособий и учебников были представителями местного населения, выпускниками местных русских школ или представителями просвещённых слоёв населения, целью которых было продвижение русской науки и культуры и системы образования на таджикском языке. В эту группу авторов входят Мирзосайд Абдусалом, Мухаммадрасул Расули, Махмуд Ходжа Бехбуди, Исмаилюлло Рахматуллозода и ряд других.

Второй период изучения таджикского языка начался в 1925 году. В этот период началось исследование и определение фонетической структуры таджикского языка, его морфологической системы. На этой основе была разработана новая таджикская алфавитная система, создана и адаптирована система терминов. В то же время, на основе предыдущих исследований и новых работ, появилось несколько научных трудов по лингвистике, ведётся подготовка специалистов для всестороннего изучения таджикского языка, готовятся и выпускаются учебники.

Ещё один отрядный факт заключается в том, что в этот период, в 1925 году, под руководством И.И. Зарубина из Санкт-петербургского университета в Центральную Азию отправилась экспедиция (сообщество) учёных из Санкт-петербургского университета, которая охватила различные регионы Центральной Азии, включая Мастчинский, Фальгарский, Искодарский районы, города Самарканд, Пенджикент, Истаравшан и Ташкент, и были написаны научные работы по этнографии, фольклору и лингвистике. Результаты этой экспедиции отражены в статье И.И. Зарубина под названием «Отчёт об этнологических работах в Центральной Азии летом 1926 года».

В данной статье представлена система гласных таджикского языка в следующем порядке: о, е, й, а, и, и. Кроме того, выделены два других звука – у, г – как две особые фонемы. Гласные делятся на две группы по долготе: а) долгие

гласные: о, е, й и краткие гласные: і, и, а. Эта идея И.И. Зарубина получила дальнейшее развитие в его книге 1928 года «Очерки разговорного языка самаркандских евреев».

Летом 1927 года И.И. Зарубин во второй раз посещает Таджикистан и начинает изучать диалекты Зарафшанской долины. В этой экспедиции участвовал фонетик В.К. Орфинский, ученик академика И.Л. Щербы (у И.Л. Щербы была своя фонологическая школа). Он привлекает внимание В.К. Орфинского и ставит перед ним следующие задачи:

1. Точно определить фонетическую структуру таджикского языка.
2. Описать некоторые фонемы таджикского языка в соответствии с фонетическими законами.

К сожалению, В.К. Орфинский не знал таджикского языка, поэтому вместе с И.И. Зарубиным он занимался изучением фонетической структуры таджикского языка и добился больших успехов. После 18 лет этой экспедиции В.К. Орфинский публикует результаты исследования под названием «Материалы для характеристики фонетического состава таджикского языка» (1946).

В фонологической части статьи В.К. Орфинский следует мнению И.И. Зарубина, подтверждая существование фонем й, е, о, і, а, һ в диалектах Самарканда, Пенджикента и Искодара, и предоставляет подробную информацию.

Постепенно были написаны отдельные статьи и научные работы по изучению различных аспектов структуры таджикского литературного языка, которые стали истинной основой для развития современной таджикской лингвистики. Например, в 1927 году профессор А.А. Семёнов написал свой важный труд «Краткий грамматический очерк таджикского языка», в котором он особо выделяет фонемы «о», «й», «е» в таджикском языке и подробно останавливается на таджикском литературном языке тех лет.

Русский востоковед Е.Д. Поливанов в 1923-1928 годах пишет серию статей по различным вопросам таджикского языка, которые сыграли важную роль в развитии таджикской лингвистики в те годы. В частности, в двух своих статьях «Образцы иранизованных диалектов узбекского языка», «Узбекская диалектология и узбекский литературный язык», наряду с объяснениями и разъяснениями различных вопросов, вокализмы таджикского языка разделены на три группы:

1. Долгие - е, э, й;
2. Средние - а;
3. Краткие - і, и.

В исследовательском подходе серьёзное внимание уделялось главным образом трём аспектам или процессам:

1. Подготовка и переход к новому алфавиту, а именно латинскому алфавиту (1924-28). Эти вопросы обсуждались в газетах и журналах тех лет, включая «Рохбари дониш», «Правда Востока», «Овози тоджик». За основу таджикского литературного языка были взяты самаркандский и бухарский диалекты. Латинский алфавит был принят в 1928 году на Лингвистической конференции и утверждён в 1930 году на Съезде лингвистов.

2. Второе направление – определение норм (стандартов) таджикского литературного языка и путей его приближения к массам. Это направление включает в себя всестороннее изучение таджикских диалектов и совершенствование литературного языка за их счёт. С этой целью группе учёных во главе с М.С. Андреевым было поручено поднять основные вопросы фонетической структуры таджикского языка и его грамматической структуры.

Результаты этого исследования представлены в книге М.С. Андреева «Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров» (1930). В этой книге таджикские диалекты разделены на две большие группы: северо-западную и юго-восточную.

3. Третье направление анализа и исследований было сосредоточено на развитии терминологии и обогащении лексического состава таджикского языка.

Дискуссии 20-х и 30-х годов XX века вокруг таджикского языка, хотя и были в основном связаны с политическими интересами, также имели особую сущность и ценность. В связи с этой темой таджикский учёный А. Набави говорит: «...благодаря этим научно-культурным событиям основы таджикской лингвистики были заложены раньше, чем другие разделы таджикской филологии, в конце 20-х и начале 30-х годов, что, несомненно, способствовало дальнейшему развитию языка» [53, с.11].

На самом деле, круг тем дискуссий вокруг таджикского языка настолько широк, что они охватывают все разделы и аспекты лингвистики и находятся на разных уровнях с точки зрения научной сущности.

Ряд таджикских исследователей лингвистики, включая Н. Масуми, Р. Гаффора, Ш. Рустамов, М. Шакури, С. Халимов, Т. Ваххобов, С. Назарзода размышляли о сущности и значении этих дискуссий и научного конгресса лингвистики 1930 года, но этот материал не является всесторонним анализом лингвистики.

Следует подчеркнуть, что дискуссии 20-30-х годов XX века вокруг лингвистики имеют значительное историческое, научное и культурное значение. Их научное значение заключается в том, что, проводя эти дискуссии, таджикские учёные и интеллигенция выступали перед видными русскими учёными – известными востоковедами, и, с одной стороны, выражали собственные идеи, а с другой – извлекали пользу из их опыта, знаний и достоинств. Эти дискуссии в целом стали факторами и причинами формирования таджикской лингвистики в новую эпоху, то есть в советскую.

Основные вопросы, обсуждавшиеся в 20-30-е годы XX века, можно суммировать следующим образом:

1. Таджикский литературный язык и его научные и практические аспекты;
2. Вопросы, связанные с латинским алфавитом и его принятием;
3. О новой таджикской орфографии;
4. О терминах и выборе терминологии;
5. Морфология и синтаксис таджикского языка;
6. О учебниках;
7. О языке прессы;

8. О разговорном таджикском языке;

9. Некоторые теоретические вопросы лингвистики.

Действительно, 20-30-е годы XX века считались судьбоносными во всех сферах жизни таджикского народа, и лингвистика также вошла в эту группу. К сожалению, состояние лингвистики в 20-30-е годы XX века до сих пор не стало предметом специальных исследований и рассмотрения. Вопросы формирования и развития таджикского литературного языка, критерии его признания и метод произношения были одними из важнейших, сложных и деликатных вопросов, требующих решения и обсуждения в 20-30-е годы XX века. Таджикскими лингвистами были проведены подробные дискуссии по этим вопросам, которые мы указали в разделе «Степень изученности темы».

К сожалению, иногда, в силу целей советской политики, некоторые вопросы решались в одностороннем порядке и ненаучно, что в конечном итоге приводило к нежелательным результатам. Многие грамматические правила таджикского языка, устоявшиеся исторически, подверглись искусственному конструированию или редактированию, вследствие чего таджикский язык стал чрезмерно просторечным.

Таким образом, как показывают материалы дискуссий 20-30-х годов и размышления вокруг них, в противостоянии друг другу находились преимущественно две точки зрения:

С одной стороны, это были сторонники литературного языка современной иранской прессы, которых именовали «интернационалистами» (паниранистами). С другой стороны – те, кто стремился положить в основу современного таджикского литературного языка говор одной конкретной местности, то есть использовать его в качестве опорного диалекта. При этом представители данной второй группы также признавали историческое прошлое таджикского литературного языка (его формирование в IX–X веках) и его общность с персидским языком; они прекрасно знали и признавали, что до Октябрьской революции эти языки функционировали под названиями «персидский» и «персидский дари». В эту группу входили: С. Айни, А. Мухиддинов, Н. Бекташ, Т. Зехни, а также профессора в области филологии А. А. Семёнов и Шияд.

Например, С. Айни резюмировал свою мысль следующим образом: «...Если мы найдём путь к использованию простонародного таджикского языка, то и зарубежные персоязычные трудящиеся тоже не останутся совершенно обделёнными» [7, с. 43]

Данный вывод устода, на наш взгляд, означает следующее: «прежде всего мы должны сделать наш язык близким и понятным самому таджикскому народу любым возможным путём, чтобы сделать людей грамотными и просвещёнными, приобщить их к своей прошлой цивилизации, а уже затем искать пути к сближению и унификации нашего языка с персидским языком Ирана и дари Афганистана» [52, с.400].

Мысли и соображения А. Мухиддинова с научной точки зрения более развёрнуты и глубоки, и они не утратили своей ценности и сегодня. Так, он отмечает: «По нашему мнению, для создания литературного языка нет

необходимости признавать за основу говор какой-то одной местности; правильное будет, если мы определим теоретические и практические основы. Говор той местности, который окажется наиболее соответствующим и близким нашим основам, к тому говору и приблизится наш литературный язык. Наша цель – не создание локального литературного языка. Мы должны создать такой литературный язык, понимание которого было бы лёгким для всех советских таджикоязычных граждан. Язык, который будет легко понятен нашим массам, примется в качестве общего литературного языка и для персоязычного населения Ирана, Афганистана и Индии» [52, с. 400].

В данных соображениях А. Мухиддинова выдвинуто несколько важных положений, и наиболее существенным из них является то, что он посчитал определение основ, или критериев, признания литературного языка важнейшим аспектом. В самом деле, если бы в те годы были точно разработаны научные критерии идентификации таджикского литературного языка и в дальнейшем на этой базе происходило бы его развитие, возможно, сегодня потенциал таджикского языка был бы значительно шире, а его грамматические основы гораздо реже подвергались бы критике

Как мы видим, наш литературный язык и сегодня остро нуждается в корректировке и совершенствовании именно этих аспектных положений. Отсюда становится очевидным, что ни в те самые 20-30-е годы, ни в последующий период разработке и улучшению данных основ не было уделено должного внимания.

Другая спорная статья, написанная на высоком профессиональном уровне с точки зрения формулировки проблемы, метода изложения и научной основы, – это статья Б. Икроми под названием «Дар гирди масъалаи забони матбуоти тоҷикӣ» [34] («Вокруг вопроса о языке таджикской прессы»). Автор приводит в качестве примера отрывок из повести «Одина» устода Айни и отмечает: «кто из бухарцев, самаркандцев, таджикистанцев или иранцев не поймёт эти слова в полной мере. Конечно, все они понимают их одинаково. У них нет проблем. Эти слова взяты из простого языка масс и представлены в увлекательной форме» [34, с.353].

Таким образом, он поддерживает идею С. Айни, который на практике продемонстрировал пример таджикского литературного языка, создав этот рассказ. Фактически Айни пытался написать язык рассказа «Одина» промежуточным способом, между классическим литературным и устным языком.

Другим учёным этого периода, поддержавшим второе мнение и высказавшим полезные мысли по этому вопросу, является Б. Азизи. В своей статье «Ба забони дарӣ дурри суханро суфтан мехоҳам» [2] («Хочу нанизывать жемчужины слов на языке дари») он выражает следующую идею: «...точно так же, как мы не можем сделать свою литературу близкой к массам, приняв современный язык Ирана, подвергшийся чрезмерному арабскому влиянию, точно так же неверно принимать и язык городских таджиков, например Бухары; вместо этого следует принять в качестве литературного языка таджиков язык Кухистана – Таджикистана, который ныне является центром Советской Социалистической Республики, и восполнить его недостатки за счёт ставших

ныне известными арабских и европейских заимствований. Тогда основой нашего языка станет язык дари, и именно на этом языке, подвергая огранке жемчужины слова, мы сделаем нашу литературу массовой, и именно на этом нашем языке дари (горном языке) мы сможем распространять среди трудящихся масс наших соседей, проживающих в горных ущельях Ирана, Афганистана и Индии, наши революционные социально-политические идеи» [2, с.357].

Другой учёный, Т. Зехни в своей статье «Мои советы по языку» [31] выделяет две идеи или теории из множества взглядов и мнений, высказанных участниками дискуссии, которые являются наиболее популярными и научно обоснованными:

1. Внедрение международного персидского языка
2. Обеспечение понятности языка современной прессы для публики

Т. Зехни поддерживает вторую идею и считает, что мы должны брать важные аспекты языка из живого языка и делать его лёгким и понятным для публики. «Рассматривая стиль речи дари, который весьма часто встречается в произведениях классических поэтов и писателей, как горный говор, он подчёркивает: «Насколько язык горных регионов обладает сладостью и изяществом в плане фонетического звучания (мелодики), настолько же лучше он сохранил в себе грамматический строй и лексику по сравнению с городскими говорами; он лишь оказался лишённым науки и просвещения, из-за чего отстал в своём эволюционном развитии» [31, с.431].

В статье русского востоковеда Е.Э. Бертельса под названием «О таджикском литературном языке» в основном изложена программа построения таджикского литературного языка.

Работа таджикского ученого Н. Бектоша под названием «Дар атрофи забони адабии тоҷикӣ» «О таджикском литературном языке» [16] содержал в себе суть обобщения этих дискуссий.

Например, обобщая вопрос о таджикском литературном языке нового периода, Н. Бектош подчеркнул следующее: ««Коль скоро на арене уже присутствует общедоступный таджикский литературный язык, коль скоро, пусть и в малом количестве [повести] «Одина», «Ахмад-девбанд», [рассказ] «Бедонабозӣ» и тому подобные... уже изданы на столь желанном простом языке, то вокруг какого, собственно, вопроса ведутся все эти столь долгие дискуссии и споры?» [16, с. 529].

Другой вопрос, который был в центре дискуссий среди языковедов и литературоведов в 20-х и 30-х годах и имел большое значение для теории и практики лингвистики, касался терминов и выбора терминологии. Ссылаясь на этот аспект, С. Айни, принимая первую нормативную грамматику таджикского языка С. Ализода, отмечал: «Техническая и научная терминология — это не что-то настолько незначительное, чтобы редактор мог свободно её использовать» [10, с.69].

Следует отметить, что этот акцент С. Айни не утратил своей актуальности и сегодня.

В частности, А. Дехоти, комментируя решения научного конгресса Таджикистана по орфографии, алфавиту, терминологии и литературному

таджикскому языку, предоставляет следующее заключение конгресса по терминологии: «Обратимся к вопросу научной терминологии: мы также считаем необходимым сохранять терминологию, вошедшую в наш язык, будь то из самого таджикского персидского языка или из других языков (например, арабского, греческого и др.), и используемую в настоящее время в литературном языке. Например, слова нестӣ, ҳастӣ, кимиё, фалсафа, ҷуғрофиё, мусиқӣ (небытие, бытие, химия, философия, география, музыка) и др. следует сохранять в литературном языке. При необходимости лучше использовать европейско-международную терминологию, но необходимо использовать её в форме, характерной для языка народа» [25, с.672].

В статье М. Расули «Масъалаи алифбо ва имлоро ба зудӣ ҳал кардан даркор» («Вопрос алфавита и орфографии необходимо решить в кратчайшие сроки») касательно проблемы терминологии подчёркиваются два аспекта, которые и сегодня считаются важнейшими направлениями терминотворчества: «Здесь есть два вопроса, которые необходимо чётко разрешить: первый вопрос – какие таджикские термины следует принимать взамен русских и европейских, и второй вопрос – каким образом таджикизировать принимаемые нами международные термины» [58, с.678].

«Вклад учёных, писателей и журналистов в дискуссии 20-30-х годов XX века» – второй раздел второй главы. В конце 20-х – 30-х годов XX века, наряду с писателями и учёными старшего поколения – С. Айни, А. Лохути, Е.Э. Бертельс, Т. Зехни, С. Ализода, Р. Хошим, А. Фитрат, Н. Бектош, А. Мунзим, Б. Азизи, Х. Бакозода, Б. Ходжизода – плеяда одарённых писателей и учёных с передовыми взглядами стояли плечом к плечу с С. Айни, внося в эти годы свой вклад в формирование и развитие новой таджикской лингвистической мысли. В эту группу входят А. Дехоти, А. Мирзоев, Л. Бузургзода. В этом разделе рассмотрен вклад этих научных деятелей 20-х – 30-х годов XX века в развитие лингвистической науки в новый таджикский период.

Первый подраздел второй раздел второй главы озаглавлен **«Садриддин Айни (1878–1954) и его роль в развитии современной таджикской лингвистики»**. В нём отмечается, что устод Айни, наряду с созданием фундамента художественной прозы таджикской литературы советской эпохи, оказал неоценимую услугу в деле упрочения норм литературного языка, а также совершенствования и определения правил таджикской грамматики. Параллельно с созданием художественных и исторических произведений он написал целый цикл статей по вопросам орфографии, алфавита, стиля и слога классических художественных памятников, лексики и терминологии. С этой точки зрения можно с уверенностью сказать, что устод Айни по праву считается одним из основоположников нового таджикского языкознания. Будучи автором одного из первых учебников – «Тахзиб-ус-Сибийён», он выдвинул на первый план новую систему обучения и образования с позиций просветительства.

С. Айни – составитель и редактор первого «Русско-таджикского словаря» (1933-1934), «Таджикско-русского словаря» (1940) и автор первого толкового словаря таджикского языка (1938).

С. Халимов, изучавший языковедческую деятельность С. Айни и защитивший кандидатскую диссертацию по данному вопросу в 1964 году, отмечал: «Знаменитый писатель и учёный С. Айни – поистине ключевая фигура в истории таджикской культуры и языка. После революции он направил все свои силы и таланты на сохранение и развитие таджикского языка. Последовательные усилия и борьба ясно отражены не только в его литературных произведениях, но и в его научных и теоретических статьях, речах, письмах и размышлениях. Этот вопрос был поистине одним из важнейших в творчестве писателя, который был в первую очередь направлен на защиту таджикского языка от глубокого влияния арабского, персидского и турецкого языков, и в то же время не оставил исследователя равнодушным введение нового алфавита» [81, с.24].

В 20-х и 30-х годах, по мере того как таджикский литературный язык приближался к живому языку, а поэзия становилась более понятной, дискуссии в прессе о таджикском языке и способах его развития и сохранения набирали обороты. Например, одним из спорных вопросов в этих дискуссиях были различия между персидским и таджикским языками.

В этой связи Айни в своей статье «О персидском и таджикском языках» пишет: «Некоторые люди, не знакомые с таджикским языком, спрашивают: «Насколько таджикский язык отличается от персидского?» Однако любой, кто знаком со старой и новой персидской и таджикской литературой, прекрасно знает, что между ними нет принципиальной разницы. Подобно тому, как таджик или иранец понимает и любит произведения Саади, Хафиза, Низами и им подобных, он также понимает и любит произведения Рудаки, Камола Худжанди, Исмата Бухорои, Сайфи Исфаранги и им подобных. Подобно тому, как таджику трудно понять некоторые слова Фирдоуси, заимствованные из древнего персидского языка, иранцу так же трудно их понять... Некоторые люди из-за недостаточного знакомства с таджикским языком считают его искажённым персидским языком. Однако, если мы проигнорируем некоторые частичные влияния узбекского языка (например, использование «ми» в междометиях), то таджикский язык является самым простым и чистым из персидских диалектов» [7, 62].

Кроме того, устод Айни указал на два других важных аспекта: во-первых, он подчеркнул использование Фирдоуси древнеперсидского языка (Авесты, памятников на пехлеви и т. д.); во-вторых, отметил и акцентировал внимание на появлении в таджикском языке некоторых конструкций под влиянием узбекского языка, в частности, вопросительной частицы «-ми».

В самом деле, он был тонко чувствующим, проницательным знатоком языка и лингвистом, чья врождённая, Богом данная одарённость позволяла ему охватывать самые разные области знания. Например, касаясь исторической общности и единства таджикского и персидского языков, устод Айни придерживался мнения, что именно таджикский язык в большей степени сохранил в себе особенности классического литературного языка; более того, язык [иранской] прессы 20-х годов XX века до такой степени изобилует арабскими словами и конструкциями, что становился непонятным не только для таджиков, но и для самих персов.

В своих статьях «Забони тоҷикӣ» («Таджикский язык») и «Чавоби ман» («Мой ответ») Айни излагает множество полезных и плодотворных идей о путях развития таджикского литературного языка и чистоте его лексического состава, которые не утратили своей ценности и по сей день.

С. Айни также имеет некоторые заметки и ссылки по фонетике, орфографии и грамматике таджикского языка. В 1926 году на первом съезде учителей Таджикистана был поднят вопрос о переходе на латинский алфавит. С. Айни активно участвовал в этом важном событии и в статье «Масъалаи таърихӣ» («Исторический вопрос») пишет: «Теперь уже близок тот час, когда новый таджикский алфавит обретёт официальный статус и начнёт внедряться в жизнь. Это не какое-то мелкое, обыденное или повседневное дело – это историческое событие, подобное которому в жизни нашей нации случается лишь раз или два. Следовательно, и дискуссии вокруг него должны быть столь же важными, широкими и серьёзными по своему масштабу» [8, с. 211].

Как мы уже отмечали, С. Айни не написал отдельного труда по грамматике таджикского языка, но, однако, будучи преподавателем и проницательным учёным, он участвовал в редактировании и разработке учебников 20-30-х годов, их рецензировании, а также давал советы и указания их авторам и составителям. Например, С. Айни в своей рецензии на книгу С. Ализода «Сарфу наҳви тоҷикӣ» («Таджикская грамматика») отмечает следующее: «Эта книга содержит правила употребления таджикского языка и грамматики в той мере, в какой она достаточна для выпускников средней школы. Большинство приведённых в качестве примеров предложений просты, понятны и полезны. Однако для объяснения правил широко использовались арабские словари» [10, с. 69].

Также в 30-е годы XX века Айни прилагал большие усилия для сохранения суффикса «ро» и боролся против тех, кто хотел ввести его диалектные формы.

Другая область деятельности С. Айни, связанная с лингвистикой, изучение языка и стиля классических писателей. С. Айни написал ряд научных статей и работ о жизни и творчестве классических таджикских писателей, таких как Рудаки, Фирдоуси, Ибн Сино, Саади, Камол, Васифи, Навои, Бедил, Ахмад Дониш, и показал лингвистические особенности их произведений. Например, он считал простоту, общее понимание и ограниченное использование арабских слов и фраз в произведениях Рудаки одной из особенностей его стиля, и особенно подчёркивал крайне ограниченное использование арабских слов и фраз в «Шахнаме». Или же он наглядно продемонстрировал вклад мудрейшего учёного Ибн Сино в формирование научной терминологии.

Таким образом, С. Айни считается одним из основателей таджикской лингвистики советского периода, благодаря его многочисленным заметкам и ссылкам, написанию научных трактатов о языке и стиле классических авторов, его советам и консультациям с писателями, авторами и составителями учебников по основам преподавания таджикского языка, а также его активному участию в дискуссиях 20-х и 30-х годов. Вклад этого бескорыстного учёного в развитие современной таджикской лингвистики весьма значителен. В статье «Оид ба

вазъияти забоншиносии тоҷик» [9] («О состоянии таджикской лингвистики») С. Айни представляет современное состояние таджикской лингвистики с доказательствами.

Второй подраздел второго раздела второй главы озаглавлен **«Вклад Туракула Зехни (1892-1983) в формирование современной таджикской лингвистики»**.

В 1920-х и 1930-х годах Т. Зехни, наряду со многими ведущими таджикскими интеллектуалами, принимал активное участие в дискуссиях об упрощении литературного языка, преобразовании алфавита, принятии орфографии, терминологии и разработке учебников, основанных на принципах обучения таджикскому языку. В решении этих вопросов он в основном занимал позицию Айни. В своей статье «Забони «Овози тоҷик» (1926) («Язык «Голоса таджика») он писал: «Теперь же следует приложить усилия для создания приятного языка и современных научных и литературных терминов, которые выражали бы мысли молодого поколения и отвечали вкусам рабочих и крестьян, а также создать лёгкий литературный прозаический персидский язык, понятный народам Востока» [29, с.180].

В 1930 году он написал учебник под названием «Сарфи забони тоҷикӣ» («Морфология таджикского языка») [32]. Одно из преимуществ учебника Т. Зехни заключается в том, что, написав эту работу, он перевёл на таджикский язык многие термины и конструкции в области лингвистики и усовершенствовал некоторые правила грамматики.

Например, вместо арабских лингвистических терминов, используемых в предыдущих учебниках, включая «Сарфу наҳви тоҷикӣ» [11] С. Ализода, Т. Зехни использовал их таджикско-персидские эквиваленты. Например: Исми ом – нарицательное существительное, исми зирӯх – одушевленное существительное, исми беруҳ – неодушевленное существительное, исми муфрад – существительное единственного рода, исми тасғир – уменьшительное существительное, исми маъруфа – определенное существительное, исми нақара – неопределенное существительное и т. д.

В частности, весьма значителен вклад Т. Зехни в лексикографию и составление словарей, распознавание лексики и определение значений слов и выражений.

Подытоживая, отметим, что с первых шагов на пути науки Т. Зехни постоянно боролся за чистоту таджикского литературного языка, укрепление научного языка, развитие таджикской лингвистической мысли в XX веке и совершенствование учебников, основанных на принципах обучения таджикскому языку.

Третий подраздел второго раздела третьей главы озаглавлена **«Саидризо Ализода и его лингвистическая мысль»**.

Следует отметить, что лингвистическая мысль этого исследователя до настоящего времени не была полностью изучена. Некоторые лингвисты ссылались на его статьи и работы или цитировали его, подтверждая и разъясняя правила грамматики и орфографии. В 2006 году Д. Ходжаев переводит ценную

книгу С. Ализода «Сарфу нахви тоҷикӣ» [11] («Морфология и синтаксис таджикского языка») с персидского алфавита на кириллицу и во введении кратко, на основе фактических данных, показывает лингвистическую ценность этого учебника таджикского языка.

Создание С. Ализода книги «Сарфу нахви тоҷикӣ» («Морфология и синтаксис таджикского языка») стало важной вехой в истории таджикской лингвистической мысли. Вплоть до составления книги «Сарфу нахви тоҷикӣ», которая считается первым образцом нормативного стандартного таджикского языкового пособия советской эпохи, он занимается изучением и исследованием правил таджикского и других языков, а также, помимо понимания нюансов таджикской литературной речи, изучает и познает другие языки. Вклад С. Ализода в преподавание и исследование вопросов таджикского языка, составление учебников по основам обучения таджикскому языку, сохранение самобытности таджикского языка, его чистоты весьма значителен. Ещё в 1919 году он смело обращался к таджикской интеллигенции с призывом защитить родной язык от экспансии пантюркизма, беречь его чистоту и активно развивать. По его убеждению, таджикский язык – великое национальное достояние и один из главных признаков существования нации.

С. Ализода, составив «Сарфу нахви тоҷикӣ», заложил основу для грамматики таджикского языка для средних и высших учебных заведений. При его составлении автор использовал лингвистические особенности разных народов и национальностей. В предисловии к книге он отмечает по этому вопросу следующее: «При составлении данного пособия по таджикской грамматике были использованы следующие произведения: «Грамматика персидского языка» Гуламхосейни Кашифа и Мирзо Абдулазими Ирани, «Арабская морфология и синтаксис» Ахмада Хади Максуди Карани, «Турецкая морфология и синтаксис» Исмаила Хикмата и Абдулло Шоики Азарбайджани, «Персидская морфология и синтаксис» Мухаммада Рифата Истамбули, «Русская морфология и синтаксис» Сахарова и различные французские грамматики» [11, 88].

Действительно, книга С. Ализода «Таджикская морфология и синтаксис» достойна признания по нескольким причинам. Во-первых, все персидские книги, написанные до этой книги, носили названия на персидском языке, и впервые С. Ализода вводит слово «таджикский» в название учебника; во-вторых, благодаря использованию различных пособий, включая русские и европейские, в объяснении многих вопросов таджикской грамматики выражен новый взгляд.

Ещё один интересный аспект книги «Таджикская морфология и синтаксис» С. Ализода заключается в том, что объяснения и информация о существительных и глаголах, данные автором, отражают природу таджикского языка. Например, автор предоставляет конкретную информацию о собственных и нарицательных существительных, сущности и значении, инфинитиве, единственном и множественном числе, что до сих пор имеет высокую научную и образовательную ценность.

В разделе, посвящённом глаголам, С. Ализода простым и понятным языком объясняет их наиболее важные семантические и структурные особенности и наглядно показывает систему таджикских глаголов. Он начинает своё учебное объяснение глагола с инфинитива и, основываясь на понимании предыдущих учёных, разделил его на прямой и косвенный инфинитив, исходный и сокращённый. В данном учебном пособии весьма целесообразно представлены все временные формы глагола по наклонениям.

Третий раздел этой книги представляет темы грамматического раздела. Как подчёркивает профессор Д. Ходжаев: «По определённым причинам круг синтаксических вопросов в книге освещён значительно уже, чем морфологические» [77, с. 3].

В четвёртом подразделе второго раздела второй главы оценивается **«Рахим Хошим и его место в дискуссиях 1920-1930-х годов»**.

Рахим Хашим принимает участие в дискуссии 1920-1930-х годов, публикует несколько статей и высказывает свои взгляды. В статье «Мирзо Фатхали Охундов» [59], опубликованной в 4-5 номерах журнала «Рахбари Дониш» в 1928 году, Рахим Хашим выражает своё мнение по вопросу латинизации арабского алфавита, в частности, он говорит следующее: «Вопрос латинизации и изменения арабского алфавита возник в результате повседневных потребностей тюркских и персидских народов» [59, с. 149].

Ноябрьская конференция по новому алфавиту не смогла прийти к твёрдому решению о наличии или отсутствии этих звуков в таджикском произношении, поскольку по этому вопросу возникли разные мнения. Например, Обид Исмати, как пишет Рахими Мим, написал статью в номере 266 «Овози Тоджик», утверждая, что «эти буквы не встречаются в языке таджиков Узбекистана». Однако утверждать это в такой форме не совсем корректно. Возможно, таджики Самарканда и товарищ Обид не произносят «Ҷ» от «ҳалқ» (горло) и «Ғ» от «махрадж» (артикуляция звука), но это утверждение не может быть доказано. Если бы исследователь Обид хотя бы обратил внимание на произношение таджиков Охалика, который находится всего в 11 километрах от Самарканда, он бы увидел, что «Ҷ» и «Ғ» отличаются от «ج» и «غ», и это различие настолько очевидно, что его можно заметить, не обращая особого внимания. С этим акцентом Рахими Мим выступает за принятие этих двух букв в таджикский алфавит.

Все комментарии Рахима Мима интересны и приняты в новом алфавите, за исключением принятия заглавных букв.

Другая статья Рахима Мима под названием «Что пишут о таджикском литературном языке?» представляет собой обзор статей Музаффара, Дьякова, Думбола и профессора Шилда. Статья очень подробная и обсуждает тему того, что представляет собой литературный язык современной эпохи, или, другими словами, на чем должна основываться новая литературная речь?

Ещё одна статья Рахима Хашима, писавшего о проблемах таджикского алфавита, орфографии и литературного языка, называется «Дар атрофи масъалаи алифбои нав дар Эрон» («Вокруг вопроса о новом алфавите в Иране»). В статье обсуждается тот факт, что Турция также перешла на новый алфавит на основе

латинского алфавита в те же 1928-29 годы, и это движение также затронуло Иран. Различные проекты предлагаются несколькими людьми, такими как Саид Нафиси, Рашиди Ясами и Хусейни Зандони.

Ещё одна статья Рахима Хошима представляет собой текст его доклада, приуроченного к научной конференции таджиков Узбекистана, который под названием «Дар атрофи ҳал кардани масъалаҳои забон, алифбо ва имло» «Вокруг решения вопросов языка, алфавита и орфографии» был опубликован в газете «Тоҷикистони сурх» («Красный Таджикистан») от 11 февраля 1930 года. В статье подчёркивается, что перед научной конференцией стоят 3 важные задачи:

1. Вопрос литературного языка;
2. Вопрос алфавита;
3. Вопрос орфографии.

Таким образом, анализ статей Рахима Хашима показывает, что он участвовал в научных дискуссиях и встречах с научной точки зрения и вносил конструктивные предложения по правильному решению вопросов таджикского литературного языка, алфавита, орфографии и терминологии.

Пятый подраздел второго раздела второй главы посвящён теме **«Абдурауф Фитрат и его вклад в дебатах 20-30-х годов XX века».**

В 1930 году книга А. Фитрата под названием «Қоидаҳои забони тоҷикӣ» [74] («Правила таджикского языка») стала доступна таджикским читателям. До написания этой работы были опубликованы учебники С. Ализода (1926) и Т. Зехни (1930), но время требовало написания формальной грамматики. В связи с этим А. Фитрат в предисловии к учебному пособию «Правила таджикского языка» (морфология и синтаксис) отмечал: «При всем этом (автор имеет в виду все пособия и учебники, написанные от основ таджикского языка до написания его работы — Х.В.), отсутствие морфологического и синтаксического пособия, написанного специально для школ и на формальной основе, привлекло внимание Таджикского государственного издательства, которое поручило мне эту работу» [74. с. 65].

Учебное пособие А. Фитрата «Правила таджикского языка» было составлено в результате анализа многолетнего материала, собранного автором в сравнении и сопоставлении с информацией из других книг, и включает вводную информацию по фонетике и грамматике таджикского языка.

Весьма примечательно, что А. Фитрат ещё в те годы определял количество звуков в таджикском языке в 31 единицу, что в точности соответствует современному пониманию фонемного состава таджикского языка. В данном руководстве подробно разъясняются феномен слога и слогаделения, ударение и модели акцентуации таджикских слов. Полные сведения пособия А. Фитрата «Правила таджикского языка» относительно морфологии таджикского языка очень точны и полезны; они охватывают практически все аспекты таджикской морфологии в объёме общеобразовательной школы. В частности, он считает морфологический анализ слова на основе его значения наследием древних греков и признаёт этот подход сильно устаревшим, придерживаясь следующего мнения: «Во-первых, морфология берёт внешнюю сторону слова, то есть его форму, и исследует видоизменения и трансформации этой самой формы,

поэтому, хотя она и не отстраняется полностью от внутренней стороны слова, то есть от его значения, всё же она (то есть морфология) не может делать значение слова основой своей работы; во-вторых, логическое деление в морфологии не имеет чётких и определённых границ: слово, которое мы называем прилагательным, иногда становится существительным, а слово, которое мы называем существительным, порой выступает в роли прилагательного. Так, слова «бузург» (большой), «хурд» (маленький), «сангин» (каменный) являются прилагательными, но иногда становятся существительными собственными (Бузург, Хурд, Сангин – это имена людей), а слова «намад» (войлок), «гов» (корова), «муш» (мышь), будучи существительными, порой выполняют функцию прилагательного [в роли прозвищ-определений]: Халими намад, Нёмати гов, Ахмади муш.

В разделе служебных частей речи, озаглавленном «ёрдамчиҳо» («помощники»), допущено смешение предлогов, послелогов, союзов и частиц. Так, автор утверждает: «Агар (если) – этот предлог, приходя в начале слова, выражает условный характер предложения. Агар имрӯз биёй, боз ҳам меравам (Если сегодня придешь, мы всё равно пойдем). Агар наёй, намеравам (Если не придешь, не пойдем). Агар китоб аз туст, бигир (Если книга твоя, возьми)». Или же: «Хатто (даже) – этот предлог выражает доведение содержания предложения до крайнего предела. Бисёр зорӣ карда, хатто гирист (Очень сильно умолял, даже заплакал). Хеч кас, хатто худат ҳам набудӣ (Никого не было, даже тебя самого)». «Аслан (вообще, в основе своей) – это слово также заимствовано из арабского языка и выполняет универсальные функции (букв.: служит для всего). Ин боғ, аслан, мева надорад (Этот сад, в сущности, не плодоносит). Ман туро, аслан, надидаам (Я тебя вообще не видел)» [74, с.65].

Третья часть учебного пособия А. Фитрата посвящена правилам синтаксиса. А. Фитрат настолько формалистичен в своём объяснении синтаксиса, что утверждает так: «Синтаксис, являющаяся частью правил языка, конечно же, не может отступать от этой линии (имеется в виду внешняя форма предложений языка – Х.В.). Синтаксис также изучает внешнюю форму и порядок структуры предложения и то, как слова в предложении располагаются. Таким образом, мы определяем синтаксис с этой точки зрения: «Синтаксис – это наука, изучающая внешнее представление слов в предложении во внешней форме структуры предложения» [74, с.65].

Как видно из приведённой выше цитаты, при определении и признании синтаксиса и его законов А. Фитрат также уделяет должное внимание появлению грамматических явлений и единиц, но семантический аспект синтаксических единиц, логическое сочетание единиц разных уровней в составе слов и предложений, игнорировался.

Таким образом, учебное пособие А. Фитрата представляет собой первый в новом таджикском языкознании опыт применения структурного метода (структурализма), который позволил чётко и ясно эксплицировать многие аспекты морфологической и синтаксической системы таджикского языка. В истории формирования новой таджикской лингвистической мысли под влиянием

русской и европейской лингвистических теорий именно он внедрил структурный подход в практику составления грамматик таджикского языка.

Шестой подраздел второго раздела второй главы озаглавлен **«Абдулвохид Мунзим (1877-1934) и его роль в дискуссиях 20-30-х годов XX века»**.

Он активно участвовал в дискуссиях 20-30-х годов XX века вокруг таджикского языка, выражая свои взгляды на спорные вопросы таджикского языка и его грамматических основ в ряде своих статей. Первая статья А. Мунзима называется «Дар бораи забони тоҷикӣ» («О таджикском языке») [51]. Содержание статьи формируется дискуссиями двух сторон о таджикском литературном языке.

А. Мунзим поддерживает идею о том, что персидский язык и речь, на которой говорят в Иране, также непонятна всем таджикам, живущим в Иране, поскольку она содержит арабские слова, структуры и терминологию. Если мы примем это, то большинство таджиков, особенно грамотные и знающие арабский язык в некоторой степени, непонятны для остального таджикского населения. Он приводит пример из речи арабов Ирана: «Все знают, что «ташнае об бинӯшад»/ «жаждущему пить воду» понятен писателям Центральной Азии и Ирана, и остальному таджикскому населению это тоже понятно, но «аташоне моъ бишорбид» понятен только иранским писателям и немногим арабам».

В этой статье А. Мунзим приводит еще один пример: «Первая группа (то есть те, кто поддерживал персидский язык Ирана – Х.В.) пишет:

Замин сабз шуд аз нузули рабеъ

Даромад чу зумруд ба шакли бадеъ

«Земля позеленела от нисхождения Раби.

Она пришла, как изумруд, в форме бадеъ».

Вторая группа говорит:

Баҳор омад, аз сабза рӯй замин,

Ҳама гашт зебо зумурад барин.

«Пришла весна, из зелени земли...

Все стало прекрасным, как изумруд».

«Посмотрите, какой из этих двух стихов», – говорит А. Мунзим, – легче и ближе к пониманию публики. Тот, кто пишет таджикскую литературу, не использует «баҳор омад» («пришла весна») и говорит на каком-то языке «нузули рабеъ». Никто не понимает форму «бадеъ», кроме некоторых, знающих арабский язык. Если любители иранского языка, – продолжает А. Мунзим, – не считают простоту необходимой и не учитывают интересы публики, они совершат много ошибок» [51, с. 401].

Таким же образом А. Мунзим поддерживает идею в вопросах таджикского литературного языка о том, что таджикский литературный язык должен быть простым, лёгким и свободным от непонятных слов и фраз, и доступным для широких масс таджиков.

В седьмом подразделе второго раздела второй главы рассматривается тема **«Бахриддин Азизи и его позиция в дискуссиях 20-30-х годов XX века»**.

Одна из первых статей Б. Азизи, посвящённых вопросу таджикского языка, была опубликована под названием «О региональном делении» «Ба таксимоти минтақагӣ» [3]. В годы национально-территориального деления некоторые районы Худжандской (Согдийской) области были переданы Республике Узбекистан, где языком людей был таджикский, и национальность – таджик, как говорит Азизи: «Территория Конибадама и Исфары, оставшаяся в составе Республики Узбекистан, была вынуждена вести свои образовательные и экономические дела на своём языке и с соблюдением своих обычаев, поскольку все таджики были таджиками по расе, и их язык и обычаи были таджикскими» [3, с. 94].

Б. Азизи опубликовал статью под названием «Какой язык взять за основу для нового алфавита?».

Статья начинается с того, что в ноябре 1927 года в Самарканде состоялось собрание с участием части интеллигенции, на котором проект, подготовленный Фитратом, был в основном принят.

Мысли Б. Азизи в статье можно сгруппировать следующим образом:

1. До Октябрьской революции таджикский литературный язык был собственностью высшего класса и не выходил за пределы двора – дворца эмира и медресе. Книга, будь то поэзия или проза, писалась этим классом, а её чтение и понимание были достоянием этой общины. В школах и медресе, помимо освоения морфологии и синтаксиса арабского языка, не было и следа таджикской или персидской морфологии и синтаксиса.

2. Б. Азизи подчёркивает, что, подобно тому, как таджикские рабочие и крестьяне были лишены всех политических и национальных прав в феодальный и царский периоды, они были лишены и своей письменной литературы. После Октябрьской революции таджикская литература приобрела несколько иную форму, и наша пресса – приближение к массам.

3. Настало время приблизить нашу литературу к рабочим массам таджиков, привести литературный язык в определённую форму, полностью избавиться от формы, принятой в медресе, и соответствующим образом исправить таджикскую грамматику.

4. Согласно второй группе, которая считает приемлемым приблизить литературный язык к массам и опираться на местный стиль таджиков Центральной Азии, они расходятся во мнениях относительно определения региона: одна группа придерживается стиля горных таджиков, а другая – стиля города Бухары, и считает необходимым использовать опыт других мест.

5. Из иностранных терминов, вошедших в современный таджикский язык, необходимо брать все необходимое из любого языка, независимо от его происхождения, и адаптировать это к правилам таджикского языка.

Б. Азизи в тот период предпринял серьёзную попытку очистить и упростить таджикский язык, освободив его от нежелательных иноязычных элементов. Его взгляды существенно повлияли на последующее развитие лингвистической мысли в Таджикистане.

Восьмой подраздел второго раздела второй главы озаглавлен «**Бектош (Нарзулло Хайдари) и вопрос осовременном таджикском языкознании**» и

подробно рассматривает научную и литературную деятельность Бектоша. В 1920-х годах этот исследователь уделяет внимание вопросам алфавита, фонетическим особенностям таджикского литературного языка, терминологии, орфографии и другим лингвистическим проблемам. Он пишет статьи «Аз кухна ба нав» («От старого к новому»), «Тезис барои ташвиқотчиёни алифбои нави тоҷикӣ» («Тезисы для агитаторов нового таджикского алфавита») (1928), «Дар атрофи забони адабии тоҷик» («О таджикском литературном языке») (1930).

Кроме того, он участвовал в составлении и классификации «Луғати тоҷикӣ-русӣ» («Таджикско-русский словарь») (1932), который так и не был опубликован из-за политических обвинений.

Одно из серьёзных и важных исследований Бектоша называется «О таджикском литературном языке» [16] и посвящено вопросам литературного языка, его нормам и способам совершенствования языка. Н. Бектош писал: «В этом вопросе нет места для споров или сомнений, потому что эти два взаимосвязанных вопроса не были случайными, а возникли из требований и потребностей новой жизни трудящихся» [16, с. 530].

С этим мнением автора можно согласиться, поскольку популяризация литературного языка была выдвинута не «группой интеллектуалов» [16, с. 530], а скорее потребностями самих масс и социальными условиями.

Эти две формы одного и того же языка — литературный и разговорный несмотря на то, что происходят из одного источника, отличаются друг от друга, но некорректно разделять их по признаку литературности или нелитературности. Поскольку литературный язык развивается писателями и поэтами, а литературные произведения создаются, народный язык (разговорный) совершенствуется людьми, рассказчиками и сказителями.

Что касается разделения, сближения и утраты языков, автор считает, что язык народа делится на множество стилей и диалектов в зависимости от географического положения, образа жизни и других причин. В мире нет ни одной нации или народа, язык которых не претерпел бы изменений на протяжении своей жизни. Современные арийские языки, образующие большую семью на Земле, относятся к этому типу. Современные диалекты Ирана, Афганистана, Индии, Центральной Азии, даже современные языки Памира и т. д. также разделялись друг от друга таким образом.

Народы, которые на протяжении истории жили далеко друг от друга, по какой-то причине начинают жить в одном месте, их языки близки друг к другу, снова смешиваются, приобретают схожие характеристики и становятся одним языком. Автор приводит пример: «в результате сосуществования болгар со славянами, славянский язык вытеснил болгарский и стал общеупотребительным. Или местные бухарские евреи полностью утратили свой первоначальный семитский язык и говорят на таджикском. История часто становилась свидетелем подобных случаев» [16, с. 531].

Автор подчёркивает, что литературный язык должен быть беглым, простым и понятным. Он предостерегает от использования ненужных сложных и бесполезных иностранных слов и предлагает использовать больше таджикской лексики и её собственного богатства. Язык как средство коммуникации должен

выражать интересы народа, потребности его реальной жизни, и язык должен быть как можно ближе к повседневному языку людей. По его мнению, как содержание, так и форма должны совершенствоваться в соответствии с требованиями времени и научными стандартами. Он видел язык как центральный элемент культуры и главное средство выражения национальных ценностей. Литературный язык не должен быть «гордостью, полной отчуждения».

В статье утверждается необходимость устранения нетаджикских слов и укрепления таджикской языковой базы. Он выступал за использование исконной таджикской лексики и упрощение письменного стиля, стремясь сделать литературный язык понятным и максимально приближенным к живой народной речи. Большое значение Бектош придавал разработке конкретных языковых норм, опоре на научные исследования и использованию опыта других народов, в том числе европейских стран, в области кодификации литературного языка.

Итак, труды Бектоша заложили прочный фундамент для очищения и упрощения языка, теоретических исследований, возрождения национальных ценностей, литературных норм, адаптации алфавита, совершенствования норм, укрепления национального самосознания, а также научно-практических инноваций в развитии современной таджикской лингвистики и в адаптации языка к потребностям времени на данном этапе развития современной таджикской мысли.

«Бахром Ходжизода и его лингвистические взгляды» — так называется девятый подраздел второго раздела второй главы.

В большинстве научных работ, посвящённых важным вопросам таджикского синтаксиса 1950-1980-х годов, упоминается учебник М. Беленицкого и Б. Ходжизода «Наҳви забони тоҷикӣ» («Синтаксис таджикского языка») [17]. Это свидетельствует о том, что научные основы этого учебника более точны и надёжны, чем у аналогичных книг и пособий. Книга М. Беленицкого и Б. Ходжизода считается одним из лучших учебников по таджикской грамматике и написана латинским алфавитом.

Учебник «Синтаксис таджикского языка» [17] М. Беленицкого и Б. Ходжизода начинается с объяснения основной единицы речи — предложения. Авторы, вспоминая значение и статус предложения, то есть коммуникативную природу предложения, подтвердили свои рассуждения конкретными примерами и пришли к следующему выводу: «Слово или несколько связанных слов, которые объясняют мысль, называются предложением» [17, с.14].

В объяснении знаков препинания при приложениях в данном учебнике содержится важное указание, сохранившее свою актуальность и сегодня: если определяемое слово выражено местоимением, то приложение выделяется запятыми с двух сторон внутри предложения. Например: «Мо, зарбдорон, дастаи пешкадами муборизони план мебошем (Мы, ударники, являемся передовым отрядом борцов за план)» [17, с. 54].

К сожалению, в современном письме это же правило маркировки утверждений, которое было включено в учебник более 90 лет назад, не соблюдается.

Авторы учебника правильно разъяснили структурно-семантическую суть простого и сложного предложений, однако вместо термина «сложное предложение» (чумлаи мураккаб) они использовали понятие «союзное сложное предложение» (чумлаи пайваста). В частности, отмечается: «Предложения, которые можно вновь разделить на отдельные предложения, то есть образованные путем объединения отдельных предложений, называются союзными сложными предложениями» [17, с. 140].

В данном учебнике грамматическая сущность полных и неполных, назывных, неопределенно-личных предложений, а также предложений с однородными членами, обращений и знаков препинания при них разъяснена верно. В особенности подробно и тонко дифференцированы грамматические средства связи однородных членов, а правила постановки знаков препинания при них продемонстрированы четко и наглядно.

В целом, учебник «Синтаксис таджикского языка» М. Беленицкого и Б. Ходжизода имеет важное значение для воссоздания истории формирования таджикской лингвистической мысли в 40–50-х годах XX века и для последующего составления учебных пособий, отвечающих требованиям времени.

В десятом подразделе второго раздела второй главы рассматривается **«Хамид Бакозода и его место в становлении современной таджикской лингвистической мысли».**

Х. Бакозода было всего 17-18 лет. Он участвовал в научных кругах и идеологических дебатах вокруг таджикского языка, публиковал статьи в прессе. Этот момент ясно виден из статьи «Таджикские книги» («Китобҳои тоҷикӣ»).

В другой статье, озаглавленной «Вокруг нового таджикского алфавита», он обсуждает систему таджикских гласных фонем и выступает за 7-фонемную систему: е, о, а, у, ӯ, и, й.

Х. Бакозода спорит с теми, кто не принимает долгий звук «и» (по их терминологии, долгий звук), спрашивая: разве нет разницы в звучании между «гил» и «тартиб»? Конечно, есть. При произношении «гил» используется краткий субзвук, а при произношении «тартиб» - долгий субзвук. Короче говоря, долгий звук «и» должен оставаться на своём месте.

Аналогичные суждения Хамида Бакозода прослеживаются и относительно гласного звука «ӯ». Дискутируя с Алозода, автором статьи «Вокруг нового таджикского алфавита», он отвергает его утверждение: «Исключение из алфавита долгих форм "й" и "ӯ" целесообразно, так мы избежим путаницы», и возражает: «Подобная постановка вопроса неверна... Мы приняли гласные буквы (имеются в виду гласные звуки – В.Х.) для того, чтобы писать каждое слово в соответствии со звуковым строем языка; сама специфика звука указывает на то, где именно следует употреблять "ӯ". В целом, из 8 гласных букв следует исключить только "ӯ", а остальные необходимо принять» [14, с. 517]. Примечательно, что дискуссии вокруг звука «ӯ» продолжают и сегодня, поскольку в те годы этот спор так и не получил своего научно обоснованного завершения и остается открытым по сей день.

В учебнике «Морфология таджикского языка» [32] Т. Зехни и Х. Бакозода, посвященном вопросам грамматического строя таджикского языка, материал разделен на две части. Первая часть начинается с разъяснения важнейших аспектов фонетики, таких как органы речи, гласные и согласные звуки, классификация согласных звуков в зависимости от органов речи, чередование звуков, фонетические изменения в словах, переходящие звуки, слог, структура таджикского слога и ударение, что свидетельствует о высоком уровне лингвистической подготовки Хамида Бакозода.

В данном учебнике «Морфология таджикского языка» глагол как часть речи занимает важное место. Прежде всего, авторы дают следующее определение глаголу как самостоятельной части речи: «Глагол – это слово, которое обозначает действие, воздействие, движение и отвечает на вопросы (что сделал?, что делает?, что случилось?). Например: навишт (написал), хон (читай), меравад (идет), омада истодааст (идет/приходит). Глаголы отличаются от других групп слов наличием категории времени» [32, с. 134].

Несмотря на то, что данное руководство авторов было ориентировано на программу 5-го класса, в нем впервые детально и конкретно представлена система глагола, в определенной степени охватывающая все временные формы, а также продемонстрировано последовательное использование таджикской лингвистической терминологии.

Третья глава диссертации озаглавлена **«Становление современной таджикской лингвистической мысли в 40-50-е годы XX века»** и состоит из трёх разделов и трёх подразделов. Особенностью этого этапа развития современной таджикской лингвистической мысли является то, что в этот период, наряду с некоторыми российскими востоковедами и старшим поколением таджикских учёных и писателей, в область лингвистики также вошло множество перспективных молодых местных учёных и писателей.

В 40-50-е годы XX века многие исследователи, в том числе В. С. Расторгуева, Т. Зехни, О. Сухарева, Х. Бакозода, Б. Ходжизода, С. А. Арзуманов, С. Н. Нестеренко, Л. Бузургзода, Г. Каримов, А. Мирзоев, М. Гафуров, Ш. Ниёзи, Б. Ниязмухаммадов, А. Дехоти, Б. Рахимзода, Д. Таджиев, М. Фозилов, М. Исматуллоев, М. Эшонджонов и другие были очень активны.

В 40-е годы XX века был опубликован ряд научных статей и работ по различным разделам современной таджикской лингвистики, таких как: Л. Бузургзода «Чорбайтҳои халқӣ ва хусусиятҳои шеваи Конибодом» («Народные чорбайты и особенности канибадамского диалекта»); «Синтаксиси мухтасари забони тоҷик» («Краткий синтаксис таджикского языка») [18]; А. Мирзоев, Ш. Ниёзи, М. Гафуров «Грамматикаи забони тоҷикӣ» («Грамматика таджикского языка»).

В 40-е годы также проводились некоторые исследования в области таджикской диалектологии, результаты которых были представлены в виде научных статей и диссертаций.

В статье С. И. Климчицкого «Дарвазский фахлавиёт» приводится информация о дарвазском говоре. В 1948 году была опубликована статья В. С. Расторгуевой «Варзобский говор таджикского языка». В том же году было

опубликовано исследование А. Н. Болдырева «Бадахшанский фольклор», содержащее информацию о фонетических и морфологических особенностях регионального субдиалекта.

В эти годы большое внимание уделялось изучению диалектов таджикского языка.

В 1948-49 годах была организована диалектологическая экспедиция. Объектом исследования данной экспедиции становится изучение кулябского говора, а также бассейнов рек Кызылсу и Яхсу, территорий Ховалинга, Балджувана, Сари-Хосора, Кангурта, Муминабада, Шуроабада и Даштиджума.

Результаты этой экспедиции были опубликованы в статье В.С. Соколовой «Результаты Кулябской диалектологической экспедиции» в 1951 году. В 1949 году Л.В. Успенская защищает кандидатскую диссертацию на тему «Каратагский диалект таджикского языка».

Следует отметить, что в 1950-е годы особое внимание уделялось морфолого-синтаксической структуре таджикского языка. В этот период был опубликован ряд исследовательских работ лингвиста Д. Таджиева, таких как: «Слово «об» в современном таджикском языке» (1952); «Причастия в современном таджикском литературном языке» (1954); «Методы связи определения с определенным в современном таджикском литературном языке» (1955).

Были опубликованы работы Ш. Ниёзи «Исм ва сифат дар забони тоҷикӣ» («Существительное и прилагательное в таджикском языке») (1954), Б. Ниёзмухаммадова «Чумлаҳои сода дар забони тоҷикӣ» («Простые предложения в таджикском языке») (1956) и Н. Масуми «Очеркҳои оид ба инкишофи забони адабии тоҷик» («Очерки о развитии таджикского литературного языка») (1959), которые считаются надёжной основой для развития различных разделов современной таджикской лингвистики.

«Обзор научных работ некоторых лингвистов данного этапа современной таджикской лингвистики» - так называется первый раздел третьей главы, который состоит из трёх подразделов.

Первый подраздел первого раздела третьей главы называется **«Лутфулло Бузургзода и его вклад в изучение некоторых вопросов языкознания»**, в изучении которых Лутфулло Бузургзода сыграл видную роль в малоизученном разделе таджикской лингвистики — синтаксисе.

В 1942 году был опубликован учебник Л. Бузургзода «Краткий синтаксис таджикского языка» [18].

В своём учебнике Л. Бузургзода представляет относительно новую теоретическую информацию о классификации типов придаточных предложений в составе сложноподчинённого предложения. После пояснений и примечаний автор делит придаточные предложения на три группы: а) те, которые подобны второстепенным членам; б) те, которые подобны главным членам; в) те, которые не подобны членам предложения» [18, с. 32].

Такая классификация придаточных предложений, предложенная Л. Бузургзода, является первым и весьма логичным шагом. Однако исследователь отнёс придаточные предложения места, времени, причины, цели и следствия к

разрядам придаточных дополнительных (изъяснительных) предложений; в частности: «Косвенные придаточные дополнительные предложения по своему значению и функции делятся на следующие виды: а) придаточное дополнительное направления: Ту ба кучое, ки равй, ман хам ба он чо меравам (Куда бы ты ни пошёл, я тоже пойду туда) [5, с. 128]; б) придаточное дополнительное исходно-отделительное: Бозор аз кучое, ки гузарад, ман аз он чо мегузарам (Откуда бы ни проходил Бозор, я пройду оттуда же) [6, с. 132]; в) придаточное дополнительное места: Дар кучое ки шолй хаст, дар ончо курмак хаст (Где есть рис, там есть и сорняк) [6, с. 132]; г) придаточное дополнительное времени: Дар вакте ки офтоб ба болои сари Ятим расида буд, туркман аз кулбаи худ баргашта омад (В то время когда солнце поднялось над головой Ятима, туркмен вернулся из своей хижины) [5, с. 213]; д) придаточное дополнительное предела (конечной точки): Бо ҳар кучое ки хоҳй, то ба он чо бурда мерасонам (Куда бы ты ни пожелал, я доведу и доставлю тебя дотуда) [5, с. 232]; е) придаточное дополнительное причины: Аҳли маҷлис моро намешинохт, зеро ки ман ба ин район фақат ду рӯз аз ин пеш омада будам (Присутствующие на собрании нас не знали, потому что я приехал в этот район всего два дня назад) [85, с. 98]; ж) придаточное дополнительное цели: Ман омадам, ки шуморо бинам (Я пришёл, чтобы увидеть вас) [85, с. 145]; з) придаточное дополнительное следствия: Барф ки борид, хунук шуд (Пошёл снег, [и вследствие этого] похолодало)» [85, с. 67].

Таким же образом представлены придаточное предложение совместности и средства (орудийное), фразеологизированное (оборотно-синтаксическое) дополнительное предложение, а также придаточное дополнительное предела (конечной точки).

Л. Бузургзода выделяет большинство придаточных предложений, обозначив их как дополняющие друг друга. Конечно, все придаточные предложения: будь то придаточные предложения, относящиеся к общему содержанию главного предложения или к его части, то есть к отдельным элементам главного предложения, – имеют характер дополнения главного предложения, но различаются по структуре и содержанию грамматической связи.

Эта работа исследователя началась потому, что в те годы структурно-семантический метод классификации придаточных предложений не был широко распространён в русской грамматике, а существовали два метода или критерия: один основывался на классификации придаточных предложений по аналогии с элементами простого предложения, а другой – на классификации придаточных предложений с помощью относительных и союзных слов. Поэтому в этом смысле изучение сложных придаточных предложений и их классификация считались большой услугой с точки зрения тех лет.

Признавая сложноподчинённое предложение с придаточное предложение относительно полной грамматической единицей, точка зрения Л. Бузургзода ближе к современному пониманию. Например, Л. Бузургзода определяет сложноподчинённое предложение следующим образом: «Сложное предложение, образованное путем подчинения одного из простых предложений другому, называется сложноподчиненным предложением» [18, с.37].

Для определения сложноподчинённого предложения и уточнения его сущности и природы Л. Бузургзода вводит термин «главное предложение и придаточное предложение» и делит сложноподчинённое предложение на две части — главное предложение и придаточное предложение. «Главное предложение, которое подчиняет другое предложение, называется главным предложением. Предложение, которое подчиняется главному предложению и объясняет или дополняет его или один из его членов, называется придаточным предложением» [18, с.37].

Важно отметить, что Л. Бузургзода совершенно правильно определил сущность и функцию придаточного предложения: то есть, придаточное предложение в сложноподчинённом предложении подчинено объяснению любого члена, группы членов или всего главного предложения.

Интересно, что Лутфулло Бузургзода описывает 10 типов придаточных предложений с примерами, которые связаны с главным предложением без союза. Бузургзода определяет типы придаточных предложений на основе двух аспектов: значения и функции, что лежит в основе традиционного метода классификации придаточных предложений относительно членов простого предложения.

Сам Бузургзода утверждает, что большинство придаточных предложений похожи на члены предложения и отвечают на вопросы, на которые отвечают члены предложения.

Глубокое понимание Бузургзода видно из того факта, что он выразил эту идею в исчерпывающем школьном учебнике ещё в начале 1940-х годов.

Относительно осложнённых сложноподчинённых предложений также наблюдается глубокий и проницательный взгляд этого уникального учёного.

Если резюмировать взгляды этого лингвиста на понимание СПП, то они таковы:

1. Бузургзода правильно определяет семантические и структурные особенности СПП, основываясь на лингвистических представлениях тех лет, и в общей классификации этой модели предложения, он очень близок к современной теории.

2. На наш взгляд, он первым так точно и корректно объяснил термины «главное предложение» и «придаточное предложение» и включил их в учебник.

3. Он обосновал термин «подчинительные союзы», который использовался под разными названиями в предыдущих учебниках и книгах, и разделил придаточные предложения на два типа в зависимости от участия союзов: сложноподчинённые предложения с союзами и без союзов, в то время как сложноподчинённые предложения без союзов ещё не были научно определены в таджикской лингвистике.

4. Исследователь правильно классифицировал типы придаточных предложений, но при классификации он больше полагался на функцию и значение, игнорируя некоторые структурные особенности. В результате ряд придаточных предложений оказался смешанным. Именно поэтому большинство придаточных предложений, объясняющих ситуацию, относятся к придаточным дополнениям.

5. Лутфулло Бузургзода был первым в таджикской лингвистике, кто обосновал основные модели (три модели) СПП осложненного доказательствами и объяснил их примерами. Позже эта модель СПП (в 1966 году) была изучена таджикским грамматиком Д.Т. Таджиевым, и 40 их вспомогательных моделей представлены в этом приложении.

Второй подраздел первого раздела третьей главы называется **«Абдусалом Дехоти – исследователь вопросов таджикского языка»**.

Примечательно, что после первой конференции по новому таджикскому алфавиту Дехоти в течение года, с января по декабрь 1930 года, пишет несколько статей, в которых выражает интересные идеи о чистоте таджикского языка, создании литературного языка, его орфографии и терминологии. В частности, Дехоти рассматривает терминологию таджикского языка следующим образом: «Хотя таджикские слова распространены и понятны, зачем мы используем узбекские и арабские термины? Правильно ли говорить мусаллас (треугольник), мураббаъ (квадрат), мукааб (шестиугольник), хатути насиф (гладкие линии), ашколи мутасови (равные формы)?» [25, с. 674].

Эта статья стала ответом тем, кто пытался отдалить таджикский язык от масс, включив в лексический состав таджикской литературной речи всевозможные непонятные и сложные для понимания слова, и фразы. Одним из способов сделать язык беглым и понятным является упрощение и стандартизация терминологии. А. Дехоти, затрагивая этот аспект вопроса, отвергает идею некоторых товарищей, которые говорят, что терминологию следует использовать так, как она воспринимается в языке народа. Неправильно говорить «заимствовать термины из языка народа», потому что, согласно речи народа, мы должны писать «аэроплан» как «айроплон». В этом случае терминология будет выглядеть холодной. «Нам следует заимствовать политические и технические термины из языка европейцев» [26, с.310].

А. Дехоти в своей другой статье «Относительно орфографии и прописных (заглавных) букв» [26] («Дар хусуси имло ва ҳарфҳои калон») говорил о правописании заглавных букв и делал полезные выводы о соединительных союзах. Как учёный, он приводит следующие данные, основанные на материалах живого языка народа и периодической прессы: «Уже некоторое время в книгах и газетах суффиксы **-у**, **-ву**, **-ю** **-ро** пишутся отдельно от слов: чой **ӯ** нон **у** ош, себ **у** зардолу. Такое написание не имеет смысла. С другой стороны, оно делает предложение скучным. Например, гандум **у** чав **у** арзан, дег **у** табак, обратите внимание, что написание «**у**» отдельно испортило и нарушило тон предложения» [26, с.219].

Эти замечания А. Дехоти имеют высокую научную ценность, впоследствии были приняты на практике и до сих пор соблюдаются в таджикской лингвистике.

«К сожалению, некоторые писатели или ораторы, – замечает А. Дехоти, – по невежеству грабят богатство нашего языка и используют то или иное слово повсюду без всякой причины. Например, возьмём слово «мехнатдӯст». Оно означает рабочий. Если сравнить его с русским словом, то «мехнатдӯст» означает «трудолюбивый», а «мехнаткаш» означает «труженник». Сегодня наше радио с

утра до вечера передаёт только «трудолюбивый», игнорируя смысл. Например: «Мехнатдӯстони фалон кишлок, ду купруки вайронро дуруст карданд» (Трудолюбивые жители такой-то деревни починили два сломанных моста)). Хотя для починки моста не обязательно быть трудолюбивым, достаточно осознавать свой долг» [26, с. 223]. Замечания Дехоти весьма уместны и отражают реальность, поскольку подобные ошибки часто встречаются в современной прессе, на радио и телевидении.

А. Дехоти уделял внимание каждому художественному произведению с точки зрения стиля писателя, его взглядов и того, как он использовал возможности языка как основного средства художественного выражения. Например, в статье «Адабиётамонро ба омма наздик кунем» («Давайте приблизим нашу литературу к массе») он затрагивает язык и стиль стихов Сухайли и приводит примеры слов из двух его стихотворений, которые далеки от понимания обычных читателей. Например: *дай* (зима), *андалеб* (соловей), *фурӯғ* (сияние), *наҳхат* (благоухание), *машишота* (украшательница невесты), *аморӣ* (паланкин), *сано* (хвала), *нигин* (перстень), *минқор* (клюв), *ҳадиқа* (сад), *душ* (плечо; вчерашний вечер), *посух* (ответ), *далел* (доказательство), *саҷода* (молитвенный коврик), *бадр* (полная луна), *шиканҷ* (складка, локон), *мизмар* (флейта), *хильат* (халат, почетное одеяние), *чаъд* (кудри), *маъзар* (прошение, присутствие), *нисоб* (норма, ценз), *равза* (цветник, райский сад), *тарамбоа* (лесная малина), *хирқа* (рубище дервиша), *мушрид* (наставник, путеводитель), *фусун* (колдовство, чары) и другие. По мнению автора статьи, для понимания таких произведений каждому читателю необходим экземпляр «Ғиёс-ул-луғот».

А. Дехоти затрагивает этот аспект вопроса и отмечает в статье «Аввал андеша, в-он гоҳе гуфтор» (сначала думай, потом говори) (ответ Гаффару Мирзо): «Слово «ғамбемор», которое критик использует для обозначения человека, страдающего от болезни депрессии и печали, понятно и, как «ғамзада», может войти в норму литературного языка. Однако слово «хучбемор», которое использовалось сразу после «ғамбемор», далеко за пределами сферы литературного языка. Потому что слово «хуч» абсолютно непонятно большинству людей. Г. Мирзо описывает его как «пациент, который совсем не спит». Из этой интерпретации можно понять, что оно означало «человек, страдающий бессонницей». В то время как в кулябском диалекте это слово употребляли в значении «больной на ногах, переносящий болезнь на ногах (букв.: больной на две ноги), ходячий больной», в противоположность лежащему больному или человеку, лишившемуся возможности ходить.

Абдусалом Дехоти в своей другой статье «Кадомаш дуруст аст - «ту» ё «шумо?»» («Что правильно — «ту» или «шумо?» — говорит о степени использования местоимений «ту» и «шумо». «Прежде всего, — говорит Дехоти, — неправильно делить всех таджиков поровну на две части, утверждая, что на юге республики говорят «ту», а на севере — «шумо»» [26, с. 223].

Из такой интерпретации автора следует, что некоторые горцы также говорят «шумо» вместо «ту» из уважения и почтения. Однако А. Дехоти правильно объясняет, что дело не в том, как и каким образом используются эти

местоимения, а в том, что существует единый литературный язык для всех таджиков.

«**Лингвистические взгляды академика Абдулгани Мирзоева**» – так называется третий подраздел первого раздела третьей главы.

Вклад А. Мирзоева в формирование и развитие современной таджикской лингвистики в советскую эпоху весьма значителен. Ещё в 1930 году под названием «Дар гирди алифбои нави тоҷикӣ» [46] («О новом таджикском алфавите») он анализирует и рассматривает мнения ряда исследователей и читателей, выразив свои мысли следующим образом: «Уже некоторое время некоторые товарищи вступают в поле дискуссии вокруг нового таджикского (латинского) алфавита, выражая свои мысли и требования через пролетарскую прессу о сохранении или возвращении гласных в их первоначальной форме, изменении или сохранении «апострофа» в его первоначальной форме, о букве «ġ» и т. д., и не едины в своих мнениях, представляя свои доводы» [46, с.8].

В связи с этим вопросом А. Мирзоев, упоминая мнения коллег, выступивших в дискуссии, приводит суждение А. Бухоризода о том, что прописная (заглавная) буква якобы создаёт трудности в обучении, однако сам автор [А. Бухоризода], обозначив проблему, занимает нейтральную позицию: «Почему тот, кто понимает, что какая-то вещь создаёт трудности, остаётся безучастным к вопросу её принятия? При том что введение её [прописной буквы], пусть и создаст некоторые трудности в обучении, имеет огромное значение. Оно приносит много удобств на письме, в каллиграфии, при нахождении начала предложения, имён собственных, а также ввиду её необходимости в геометрии и других сферах» [46, с. 10].

Что касается «апострофа», они отвергают мнение полемистов Бухорои, Обида Исмат и Юлдошзодо об изменении формы «апострофа» и утверждают, что «по моему мнению, это некорректно, поскольку апостроф выполняет две функции в нашем правописании:

1. Обозначает звук хамзы, например, «а ʒло», «а ʒмо», «а ʒзам».
2. Разделяет слоги слова, например, «ма ʒул», «мас ʒул».

Также А. Мирзоев высказывает полезные идеи о гласных звуках в вопросе изменения некоторых букв, включая букву ġ.

Эта статья академика А. Мирзоева в те годы носила пропагандистский характер и цель состоит в том, чтобы каждый писатель в каждом уголке Таджикистана был знаком с идеями своих товарищей.

Как мы видим, А. Мирзоев, ещё будучи студентом, занимался исследованиями по теме «О палеонтологии языка» [47] и опубликовал её в 1935 году на латинском алфавите. Ещё одна работа академика А. Мирзоева – «Духтархона чист?» (Что такое духтархона?) [48]. Эта работа представляет собой лингвистико-историческое исследование, направленное на определение значения и грамматического положения сложного подчинительного слова «духтархона».

Этот краткий трактат А. Мирзоева также был рецензирован Айни, который, среди прочего, подчеркивал: «В этой книге лингвистическое исследование проводится в тесной взаимосвязи с социальными, экономическими

и историческими изысканиями. Для корректного решения проблемы автор, опираясь на очевидные факты и цитаты (выдержки – Х. В.) из трудов по исламскому праву (фикху), наглядно продемонстрировал точку зрения ислама на раба и невольницу, политико-экономическую сущность этой позиции, а также исторические события, послужившие фактором замены слова «каниз» на «духтархона». В результате ему удалось доказать наличие прочной взаимосвязи между лексемами «духтархона» и «каниз» и определить грамматический статус слова «духтархона» [48, с. 7].

Исследователь А. Мирзоев задаётся вопросом о том, что представляет собой лексема «духтархона» и какое значение она выражает. Сам он отвечает на это одним сложносочинённым предложением, утверждая, что данное слово выражает значение «каниз» (невольница, рабыня), а «духтархона» – это автохтонное (национальное) наименование рабыни. Однако эти два предложения не могут служить исчерпывающим объяснением семантики слова «духтархона», поскольку для полного раскрытия его смысловой структуры необходимо ответить на ряд вопросов, в частности, на следующие:

1. Если слово «духтархона» по своей семантике отличается от слов типа «нонхона» (пекарня, букв.: дом хлеба), то почему эти лексемы обнаруживают формальное и структурное сходство, и является ли структура слова «духтархона» идентичной структуре указанных слов со значением имени места (номинаций локатива)?

2. Почему «духтархона» выражает значение «каниз» и каким образом эта лексема вобрала в себя семантическую функцию понятия «невольница»?

Для решения проблемы приобретения словом «духтархона» нового значения и трансформации синтаксико-семантической функции лексемы «каниз» исследователь обращается к материалам, отражающим догматы исламского права, так как без анализа этих источников невозможно прояснить причины перехода функций слова «каниз» на долю лексемы «духтархона». В связи с этим автор привлекает обширный материал из мусульманских правовых источников и сопоставляет их содержание с функциональными обязанностями «духтархона», сведения о которых были получены из рассказов лиц, находившихся в этом статусе, либо видевших таких рабынь и беседовавших с ними. На этой основе он приходит к выводу, что всё то, что авторы исламских трудов по фикху позволяли в отношении «каниз», целиком и полностью применялось и в отношении «духтархона», то есть лексема «духтархона» аккумулировала в себе весь функционал, которым обладало слово «каниз».

В заключение, исследователь А. Мирзоев, опираясь на научные, исторические, лингвистические и этнографические материалы, всесторонне изучил семантическое значение слова «духтархона», его грамматическую структуру и функцию в контексте политики и экономики, общественной жизни и этапов развития общества.

Написав эти две работы, А. Мирзоев вносит значительный вклад в формирование семантического и палеонтологического разделов современной таджикской лингвистики.

Одно из его первых научных исследований в области лингвистики называется «Фарқҳои семантикаи суффикси «-ак»» («Различия в семантике суффикса «-ак»»).

Прежде всего, исследователь подчёркивает, что суффикс «-ак» не является элементом, характерным для таджикского языка. Этот суффикс, по мнению А. Мирзоева, является распространенным явлением в ряде языков народов Западной Азии (включая Центральную Азию) и Восточной Европы, которое возникает в результате социальных потребностей.

Исследователь А. Мирзоев, опираясь на источники, на примерах продемонстрировал грамматические и семантические функции форманта «-ак» в ряде языков: курдском, яфетическом, армянском, русском и некоторых других иранских языках.

В данном контексте он подчеркнул, что в таджикском языкознании сторонники «формальной морфологии» признают за ним преимущественно семантическую функцию уменьшительности, тогда как приверженцы «функциональной морфологии» отрицают уменьшительное значение, признавая лишь функции ласкательности и уничижительности (пренебрежительности). Исследователь справедливо отмечает, что они не видят предельно близкой взаимосвязи между этими тремя семантическими сферами и полагают, будто выделенные ими в отдельности семантические аспекты употребляются во всех соответствующих областях общественной жизни одинаково и без каких-либо различий.

А. Мирзоев предлагает следующий вывод о значениях этого слова: «Функции ласкательности, уменьшительности и уничижительности (пренебрежительности) суффикса «-ак»» находятся в предельно близких взаимоотношениях друг с другом; более того, при его употреблении в предложении их трудно отличить друг от друга, если не обращать внимания на социальные особенности – кем, по отношению к кому или чему и в связи с какими жизненными обстоятельствами он используется». После этого он приступает к семантическому анализу форманта «-ак», раскрывая ряд его функций и значений.

В заключение по данной статье можно сделать вывод, что не следует считать семантические различия суффикса «-ак» ограниченными лишь теми аспектами, которые продемонстрированы в настоящей работе. Помимо обозначенных здесь денотативных значений, данный формант может обладать и рядом других семантических сфер применения.

Таким образом, эта статья академика А. Мирзоева представляет собой важнейшее исследование в области семасиологии (семантики), морфологии и, в особенности, дериватологии (словообразования), сыгравшее фундаментальную роль в формировании и развитии современной таджикской лингвистической мысли.

Четвертая глава диссертации озаглавлена **«Вопросы современной таджикской лингвистики в 60-е годы XX века»** и состоит из двух разделов и трёх подразделов.

В первом разделе рассматриваются общие вопросы таджикской лингвистической мысли в 60-е годы XX века.

Также 60-е годы XX века рассматриваются как основной этап в развитии современной таджикской лингвистики. В этот период было написано и опубликовано множество всеобъемлющих работ по таджикским диалектам и различным разделам современной таджикской лингвистики.

Так, в 60-е годы XX века в современной таджикской лингвистике такими лингвистами, как Т. Зехни, В. С. Расторгуева, Б. Ниязмухаммадов, А. Мирзоев, Д. Таджиев, Н. Масуми, М. Фозилов, М. Бехбуди, Р. Л. Неменова, А. З. Розенфельд, А. Л. Хромов, Х. Хусейнов, М. Косимова, С. Халимов, Б. Камолиддинов, Р. Х. Додихудоев, Ш. Рустамов, А. Каримов, М. Мухаммадиев, Х. Маджидов и другие, занимались изучением различных лингвистических вопросов.

Первый раздел четвёртой главы диссертации **«Анализ научных работ ученых-лингвистов данного этапа современной таджикской лингвистики»** состоит из 8 подразделов, рассматриваются лингвистические взгляды Б.Н. Ниёзмухаммадова, Ш. Ниёзи, Д. Таджиева, Н. Масуми, Р. Гаффорова, Ш. Рустамова, Х. Хусейнова, М. Шукурова.

Первый подраздел первого раздела четвёртой главы посвящён **«Анализу научной деятельности таджикского лингвиста Бободжон Ниёзмухаммадова»**. Отмечается, что исследователь Б.Н. Ниёзмухаммадов, анализируя лингвистические вопросы, обращает внимание на два основных источника: «Классифицируя обширные языковые факты, он на их основе приходил к научным выводам и в то же время опирался на достижения общего языкознания, прежде всего, передовой русской науки» [56, с. 8]. Всестороннее влияние русского языка на совершенствование таджикского литературного языка, его стилистики, а также на подготовку научных кадров оценивается как весьма значительное.

Конечно, первым, кто изучал диалекты таджикского языка, был русский учёный В.В. Григорьев. Б. Ниёзмухаммадов также подчёркивает заслуги в этом направлении русских учёных А.А. Семёнова, М.С. Андреева и И. И. Зарубина, высоко оценивая научные труды этих учёных.

Б. Ниёзмухаммадов использует методы исследования русских учёных И. И. Зарубина и В.С. Расторгуевой в своём исследовании **«Шеваи Конибодони забони тоҷикӣ»** («Канибадамского диалекта таджикского языка»). В.С. Расторгуева пишет пятитомный труд по изучению и классификации диалектов таджикского языка **«Очерки по таджикской диалектологии»**, в котором при систематизации фонетических и грамматических фактов Канибадамского диалекта также использовались материалы научных работ в этом направлении Б. Ниёзмухаммадова и Л. Бузургзода.

Также академик Б. Ниёзмухаммадов затрагивает область терминологии в своих статьях **«Вазъияти забоншиносӣ ва вазифаҳои забоншиносони тоҷикӣ»** («Состояние лингвистики и задачи таджикских лингвистов») (1954) и **«Оид ба корҳои терминология дар Тоҷикистон»** и **«О терминологии в Таджикистане»** (1961, совместно с А.Л. Бухоризода и Я.И. Калонтаровым), ставя перед специалистами в этой области новые задачи. Изучение языка литературных произведений, статуса и положения писателей в формировании таджикского

литературного языка является одним из главных направлений научной деятельности Б. Ниёзмухаммадова.

В статьях академика Б. Ниёзмухамедова, посвящённых устоду Айни, примечателен тот факт, что устод Айни нанёс сокрушительный удар по врагам нации, в особенности по пантуркистам, которые не признавали таджиков как нацию, а таджикский язык не считали самостоятельным языком, обладающим собственным словарным составом.

Второй подраздел первого раздела четвёртой главы озаглавлен **«Вопросы науки о морфологии с позиции Шавката Ниёзи»** и рассматривает взгляды на проведённые автором исследования.

По сути, Ш. Ниёзи обобщает свои выводы, основываясь на соображениях работы В.С. Расторгуевой «Очерки по таджикской диалектологии». По мнению Ш. Ниёзи, в таджикском языке грамматические знаки, определяющие группировку слов на существительные и прилагательные, весьма ограничены, поскольку в таджикском языке есть слова, которые трудно разделить на существительные и прилагательные. Например, слова *зӯр*, *чавон*, *пеш*, *таг*, *пахлу*, *савор*, *далер*, *аспакӣ*, *пиёда* и др.

Автор называет эти слова существительными. Значение слов определяется только в предложении, при выражении синтаксической функции. Эти слова могут быть введены как подчинённые члены предложения при выполнении синтаксической функции. Кроме того, автор делит слова на две группы: первая – существительные, имеющие грамматические категории, а вторая – прилагательные, не имеющие самостоятельных грамматических категорий [54, с.23].

Автор добавляет, что первая группа – существительные – может быть включена во вторую группу, но прилагательное может переходить в существительное только при выполнении синтаксической функции. Например, слова «сурх» и «сафед». *Сурхҳо* омаданд, *сафедҳо* гурехтан [54, с.24]. (Красные пришли, белые убежали).

По мнению автора, грамматические категории каждого языка представляют собой продукт длительного исторического развития его грамматического строя. В грамматических категориях находит своё выражение грамматический строй конкретного языка. Именные части речи состоят не просто из лексических групп слов, а представляют собой лексико-грамматические разряды.

Исследователь-лингвист Ш. Ниязи в своём труде **«Имя существительное и имя прилагательное в таджикском языке»** [54] представил конкретные сведения о специфических лексических и деривационных (словообразовательных) особенностях, а также о грамматических категориях существительного и прилагательного в таджикском языке, занимающих особое место среди других самостоятельных частей речи.

Теоретические взгляды и соображения относительно существительного и прилагательного в таджикском языке приводят нас к выводу, что данные самостоятельные части речи, несмотря на имеющиеся между ними лексико-

грамматические различия, находятся в тесной грамматической взаимосвязи и соотношении.

Третий подраздел первого раздела четвёртой главы диссертации посвящён «Деятельности Д. Таджиева и его лингвистических взглядов» и рассматривает его научные работы.

Профессор Д. Таджиев под руководством профессора А.А. Фреймана занимался исследованием семантических и словообразовательных особенностей лексемы «об» (вода) в таджикском языке, а позже по рекомендации профессора И.И. Зарубина в Институте языкознания АН СССР подготовил диссертационное исследование на тему «Слово «об» – вода в современном таджикском языке» [68].

Исследователь выявил в таджикском языке более 170 лексем с компонентом «об», некоторые из которых в составе фразеологических единиц приобретают уникальные значения. Примечательно историческое совпадение: ещё в XIII веке таджикский ученый Шамс-и Кайси Рази в своем трактате «Ал-Муджам», указывая на словообразовательную (аффиксоидную) функцию компонента «об», привёл следующие 22 лексемы с данным элементом: гулоб (розовая вода), дулоб (водяное колесо), кудоб, селоб (селевой поток), гаркоб (пучина, водоворот), гирдоб (водоворот), захоб (подпочвенная вода), сароб (мираж), буноб, шӯроб (солончак / соленая вода), поёноб (низовье реки), тезоб (кислота), куроб, зардоб (сыворотка / желчь), хуноб (слезы кровавые / кровавая жидкость), симоб (ртуть), сапедоб (белила), хушоб (компот), душоб (фруктовый сироп), китъаоб, кузоб, панироб (сыворотка).

На наш взгляд, Д. Таджиев не знал об этой информации, но его глубокое понимание позволило ему осмыслить и критически изучить это важное лингвистическое явление. Молодой исследователь под руководством известного ираниста, профессора А. А. Фреймана серьёзно занялся изучением важнейшей синтаксической категории таджикского языка – определения. В 1951 году он защитил результаты данного исследования в качестве кандидатской диссертации, а в 1955 году этот его научный труд был опубликован под названием «Способы связи определения с определяемым в современном таджикском литературном языке».

Для конкретизации данного положения мы сопоставили взгляды профессора Дододжона Таджиева с концепцией Ходжи Хасана Нисори – выдающегося ученого в области филологических наук XVI века и автора учебного руководства «Чахор гулзор» [75].

Указанный ученый по сравнению с другими историческими источниками представил конкретное и исчерпывающее объяснение изафета, изначально разделив его на четыре типа:

1. Изафет пояснительный (рузи чумъа – день пятницы);
2. Изафет атрибутивный / определительный (сухани дурушт – грубое слово, мардуми кобил – способные люди);
3. Изафет метафорический / сравнительный (бахри илм – море знаний, кухи хилм – гора кротости);
4. Изафет метафорический / аллегорический (канори чахон – край света, чашми осмон – око неба).

При этом исследователь классифицировал описательный изафет на 7 типов.

Следует подчеркнуть, что среди всех исследований, опубликованных представителями современного таджикского языкознания и посвящённых грамматическим функциям изафета, наиболее полной, точной и близкой к традициям классической таджикской лингвистической мысли (включая систему, предложенную Ходжой Хасаном Нисори) является классификация профессора Д. Таджиева. Д. Таджиев систематизировал изафетные конструкции по трем основным разрядам:

1. Изафет качественный / атрибутивный (гули сурх – красный цветок, духтари зебо – красивая девушка);
2. Изафет принадлежности (китоби Ахмад – книга Ахмада, дафтари талаба – тетрадь ученика);
3. Изафет пояснительный (Хайрати шоир – поэт Хайрат, Каримови муаллим – учитель Каримов).

Как можно заметить, авторы обоих трудов с глубокой научной проницательностью подошли к изучению множества грамматических значений изафета. В целом, в классификации грамматических функций изафета – за исключением терминологических различий и некоторых частных видов конструкций – наблюдается очевидная общность, что свидетельствует о тонком аналитическом чутьё Д. Таджиева.

Другой темой в области морфологии, привлёкшей внимание профессора Д. Таджиева, стало причастие. Данное исследование было успешно завершено автором и опубликовано в 1954 году под названием «Причастие в современном таджикском литературном языке».

Действительно, профессор Д. Таджиев обладал высоким научным потенциалом в области морфологии и синтаксиса, и в особенности – в сфере синтаксических исследований. Именно поэтому с 60-х годов XX века он полностью посвятил себя изучению синтаксического строя современного таджикского литературного языка, создав в этом разделе лингвистики фундаментальные труды.

Первые результаты этих систематических изысканий исследователя стали доступны научной общественности благодаря его монографии «Многочленные сложные подчинённые предложения».

Профессор Д. Таджиев продолжал свои изыскания в области синтаксиса и в последующие годы: в 1981 году в свет вышел его труд «Сложноподчинённые предложения в современном таджикском литературном языке» [72], который до настоящего времени не утратил своей высокой научной ценности.

Четвёртый подраздел первого раздела четвёртой главы диссертации озаглавлен **«Маъсуми Носиржон как исследователь языка и стиля писателей»**.

Каждое десятилетие изучения современной таджикской лингвистической мысли отличается своими особенностями.

И.В. Сталин в своей работе «Марксизм и проблемы лингвистики» подчёркивает, что: «главная задача лингвистики – изучение внутренних законов развития языка» [67, с.43].

Эта идея тогдашнего лидера И.В. Сталина стала ориентиром в изучении внутренних законов языков братских народов. Под влиянием этого показателя лингвисты начали обращаться к вопросам грамматической структуры и лексического состава языка и публиковали статьи и работы. Авторы пытались выразить свои взгляды и идеи по этим вопросам.

Ярким примером данных взглядов и концепций Н. Маъсуми в области сложноподчинённого предложения служат два его труда: «Нишондодҳои методӣ ва супоришҳо аз забони модарӣ» («Методические указания и задания по родному языку») [43] и «Очеркҳои оид ба инкишофи забони адабии тоҷик» («Очерки по развитию таджикского литературного языка») [44].

Первая работа Н. Маъсуми – «Нишондодҳои методӣ ва супоришҳо аз забони модарӣ» («Методические указания и задания по родному языку») – представляет собой учебное пособие, охватывающее преимущественно синтаксические темы таджикского языка. Данный факт свидетельствует о том, что в 40-х годах XX века сложное предложение ещё не подвергалось глубокому научному исследованию. Эта тема рассматривалась лишь на уровне учебных программ общеобразовательных школ и в соответствующем объёме включалась в учебники и методические руководства.

Поскольку структурно-семантические особенности сложноподчинённых предложений в таджикском языкознании до 70-х годов XX века не были всесторонне изучены и исследованы, Н. Маъсуми в своем труде «Очеркҳои оид ба инкишофи забони адабии тоҷик» («Очерки по развитию таджикского литературного языка») рассматривает некоторые типы придаточных предложений в смешанном виде. Например, помещая два различных типа придаточных в один ряд, он квалифицирует их как сложноподчинённые предложения с придаточными образа действия:

1. Бо ин шаклу шамоил намуди зоҳирии ноиб ба ҳуволи гандум монанд буд, ки даҳони вайро як қабза қарда, бо даҳанбанд баста буданд [5, с. 23] («С таким видом и очертаниями внешность наиба походила на мешок пшеницы, горловину которого собрали в горсть и завязали завязкой»).

2. Булбулон, чи тавре ки парвона ба гирди шамъ мегардида бошад, ба гирди сари мо чарх мезаданд [5, с. 65] («Соловьи кружились над нашими головами точно так же, как мотылек кружится вокруг свечи»).

В первом сложноподчинённом предложении субъект сравнения, объект сравнения и показатель сравнения находятся в составе главного предложения, тогда как состояние объекта сравнения выражено в придаточном предложении. То есть придаточное предложение эксплицирует внешний вид «мешка пшеницы», и именно через содержание придаточного конкретизируется внешний облик субъекта сравнения – внешность наиба. Иными словами, в структуре главного предложения представлены субъект, объект и маркер сравнения, однако основание сравнения зафиксировано в придаточном предложении. Семантика главного предложения заключается в уподоблении внешности наиба полному

мешку пшеницы. При этом сочетание «чуволи пургандум» выполняет синтаксическую функцию косвенного дополнения, а пропозиция (содержание) придаточного предложения раскрывает внешний признак данного дополнения главного предложения – существительного «чувол» (мешок).

На основании всех этих факторов данное придаточное предложение невозможно квалифицировать как придаточное образа действия или сравнения. Напротив, эти критерии указывают на то, что оно является атрибутивно-сравнительным придаточным предложением (придаточным муайянкунандаи монандӣ-ташбеҳӣ).

Во втором сложноподчинённом предложении содержание пропозиции утверждает действие субъекта (подлежащего) главного предложения и локализацию этого действия, в то время как семантика придаточного заключается в уподоблении действия субъекта главного предложения действию субъекта придаточного. Следовательно, данное придаточное является классическим придаточным образа действия, которое раскрывает действие агенса главного предложения посредством компаративного сопоставления.

Следует отметить, что наличие компаративного оттенка (оттенка уподобления) у данного типа атрибутивных придаточных предложений привело к тому, что в некоторых научных трудах, посвящённых исследованию сложноподчинённых предложений, и в учебниках по синтаксису таджикского языка этот вид придаточных ошибочно относили к разряду придаточных образа действия и сравнения, приводя в качестве примеров следующие конструкции: *Ӯ монанди чакраи муме, ки аз шамъи афрӯхта мечакад, фаврӣ ях баста монда буд* [7, с. 178] («Подобно капле воска, которая капает с зажжённой свечи, он мгновенно застыл»). *Абрӯҳои хурд монанди моҳиҳои хокистаранг, ки дар баҳри васеи шаффоф сайр карда гарданд, дар ҳавои соф шино мекарданд* [7, с. 234] («Маленькие облака, подобные серым рыбкам, что плавают в бескрайнем прозрачном море, плыли в чистом небе»).

Н. Масуми, написав ценные работы, внес значительный вклад в развитие и совершенствование малоизученных вопросов в области таджикской лингвистики.

Пятый подраздел первого раздела четвёртой главы посвящён теме **«Раззок Гаффоров и вопросы языкознания»**.

Безусловно, изучение языка и стиля литературного произведения имеет большое значение для совершенствования литературного мастерства писателей и развития молодых авторов, а также для совершенствования одной из областей лингвистики – стилистики.

В таджикской лингвистике проделана большая работа в этой области, одной из которых является стилистический труд Р. Гаффорова «Забон ва услуби Раҳим Чалил» [21] («Язык и стиль Рахима Джазила»), сыгравший важную роль в развитии современной стилистики и современного таджикского литературного языка.

Автор попытался проанализировать богатство языка данного произведения, учитывая необходимый материал всего творчества писателя в сравнении с языком произведений других таджикских прозаиков. Описание

грамматических особенностей романа тесно связано с главной целью исследователя – выявлением грамматических средств, улучшающих родной язык, уточнением грамматических форм и методов стилистического значения, выяснением индивидуальных особенностей и особого отношения писателя к использованию грамматических форм и средств литературного и народного таджикского языка и его стилистических ветвей.

Автор изучает язык романа «Вечные люди» (Одамони ҷовид), как основную часть языка писателя и сделал научные выводы на основе фактов о языке писателя относительно отдельных морфологических и синтаксических категорий.

На наш взгляд, иногда автор затрагивает общие грамматические вопросы, которые не нуждаются в упоминании. Однако такой метод анализа во многих случаях неизбежен, поскольку таким образом постепенно и на научной основе объясняются особенности языка писателя, его достижения, а иногда даже недостатки языка его произведений.

На основе анализа лексических, фразеологических, грамматических и художественных средств романа автор не только выявляет литературное мастерство и индивидуальный стиль писателя, но и подчёркивает его вклад в развитие литературного языка, развитие языка и стиля современной таджикской прозы.

Лингвист Р. Гаффоров продолжает эту тему и пишет еще одну работу по этому вопросу под названием «Писатель и язык» (Нависанда ва забон) [23], которая призвана ответить на существующие проблемы в этой области и помочь исследователям в их решении.

Основой языка и стиля каждого произведения является современный литературный язык, его стилистические нормы, которые представляют собой величайшее духовное богатство народа. Это объясняется тем, что стилистические особенности в прозе проявляются именно в рамках норм современного литературного языка. Приведённые выше слова не означают, что все писатели создают произведения по одному шаблону, в одном и том же единообразном и общем стиле. Нет, это совсем не так. Поле литературного языка очень широко. Каждый писатель может играть в нем по-своему, в зависимости от своих способностей и темперамента. Именно поэтому наши знаменитые писатели сегодня, хотя все они используют современный литературный язык, имеют свой собственный индивидуальный стиль, свой собственный способ выражения. Они продемонстрировали индивидуальный подход к использованию литературного языка своего времени и его эстетических возможностей.

Вопрос соблюдения норм литературного языка и формирования индивидуального стиля в художественной литературе является одним из важнейших требований, стоящих перед высшей стадией языковой стилистики – художественным стилем. В противовес такому обязательному правилу иногда можно услышать утверждения о том, что писатель свободен в использовании языка, имеет право действовать в этой области по своему усмотрению и нарушать некоторые правила. Также изменения в общественной жизни приводят к серьёзным изменениям в нормах литературного языка.

В этот период блестящий писатель, как гений своей эпохи, критически исследует стилистическое богатство, традиции, адаптирует его возможности к новым условиям, умело испытывает и применяет все новые элементы, возникшие в связи с требованиями новой среды, и тем самым задаёт новое направление в развитии языка, – подчеркивает исследователь стилистики Р. Гаффоров [23, с.8].

Название шестого подраздела первого раздела четвёртой главы – **«Шарофиддин Рустамов и его место в становлении современной таджикской лингвистики»**.

Ш. Рустамов вошёл в науку современного таджикского языкознания в конце 50-х годов XX века. Занявшись исследованием темы «Чумлаи мураккаби тобеъ бо пайрави сабаб дар забони адабии ҳозираи тоҷик» («Сложноподчинённое предложение с придаточным причины в современном таджикском литературном языке») [61], он в 1964 году защитил по ней кандидатскую диссертацию, которая в 1968 году была опубликована в виде монографии.

Следует отметить, что Ш. Рустамов, начав свою научную деятельность с изучения синтаксиса, в дальнейшем полностью посвятил свои труды морфологии таджикского языка. Поскольку его научная деятельность активно продолжалась и в последующие годы, теоретический анализ и обобщение научного наследия профессора Ш. Рустамова мы представим в пятой главе.

Седьмой подраздел первого раздела четвёртой главы диссертации озаглавлен **«Худойдод Хусейнов – исследователь сложноподчинённых предложений»**.

Хотя изучение структурно-семантических особенностей сложноподчинённых предложений кратко встречается в наших прошлых научно-методических работах в связи с логическими случаями и объяснениями словесных и духовных искусств, в современной таджикской лингвистике, то есть в таджикской лингвистике советской эпохи, оно в настоящее время началось на основе составления учебников по таджикскому языку.

Одним из серьёзных исследований в этом направлении является работа лингвиста Х. Хусейнова под названием «Сложноподчинённые предложения с придаточным времени в современном таджикском литературном языке» [84]. Фактически, эта исследовательская работа стала основой для изучения сложных предложений с различными придаточными предложениями, и к 80-м годам XX века все типы придаточных предложений с их главными предложениями были изучены.

В результате написания этой работы были уточнены и определены многие неясные моменты структурно-семантических особенностей СПП, их лексико-грамматические факторы, а также признаки распознавания этого типа сложных предложений, и она стала основной для изучения других типов сложноподчинённых предложений. Например, впервые в таджикской лингвистике в этой работе были конкретно сформулированы структурно-семантические особенности СПП: «В составе СПП все простые предложения взаимосвязаны как по структуре, так и по смыслу, в некоторой степени теряют своё самостоятельное значение, и одно становится подчинённым другому, именно отсюда и происходит особый тип СПП» [84, с. 10].

Из приведённой выше цитаты становится ясно, что автор работы уже был знаком со структурно-семантическим методом, появившимся в русской лингвистике в начале 1950-х годов. В исследованиях лингвиста Х. Хусейнова также применим критерий классификации придаточных предложений по аналогии с членами простого предложения, что видно из следующего утверждения исследователя: «Все придаточные предложения подобны в указании синтаксической функции членам простых предложений (сказуемых или придаточных предложений). Поэтому при построении сложного предложения (СПП) они выполняют совершенно одинаковую функцию, независимо от того, какую функцию выполняет член простого предложения» [84, с.11].

По нашему мнению, выражение «айнан» (точно) в приведенном выше обсуждении некорректно, поскольку синонимичные фразы придаточных предложений никогда не могут быть идентичными друг другу. Это различные грамматические единицы, которые иногда становятся синонимами при выражении описательного и пояснительного содержания и имеют большее стилистическое значение. Придаточное предложение является предикативной единицей речи, а словосочетания – номинативной, поэтому в этом отношении недопустимо считать эти две единицы идентичными.

Все идеи, высказанные автором при понимании СПП, хотя и были ошибочны с точки зрения современной общей лингвистики и современной таджикской лингвистики, рассматривались как серьёзный шаг с точки зрения времени, когда критерии классификации придаточных предложений в общей лингвистике ещё не были установлены. Например, автор приводит следующее обоснование при понимании придаточного предложения времени: «Главная синтаксическая задача придаточного предложения времени – указать, в общем или конкретном смысле, время наступления действий и обстоятельств главного предложения» [84, с. 12].

Таким образом, исследовательская работа лингвиста Х. Хусейнова «Сложно-подчиненное предложение с придаточным времени в современном таджикском литературном языке» считается одним из первых серьёзных специальных исследований в современной таджикской грамматике, а лингвист Х. Гусейнов, помимо этого ценного трактата, написал также несколько других книг и трактатов, внося важный вклад в развитие современной таджикской лингвистики.

«Мухаммаджон Шукуров (Шакури) и его роль в чистоте таджикского литературного языка» – название восьмого подраздела первого раздела четвёртой главы.

В 60-х годах серьёзное внимание уделялось культуре речи и её формированию в современной таджикской лингвистике, и было опубликовано множество статей по вопросам норм литературного языка, красоты выражения, соответствия правилам литературного языка, стилистических особенностей языковых единиц, орфографии и знаков препинания.

Как подчёркивает М. Шакури, шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые годы были периодом развития новых тенденций в развитии

литературного языка, усилий по избежанию вульгарности, повышения внимания к народным и классическим нормам и оригинальности речи [87].

М. Шакури писал статьи и труды главным образом о культуре речи, языке прессы, правильном использовании речи, её месте и статусе. Например, в статье «Важное средство развития культуры речи» он утверждал: «Одним из важных средств развития культуры речи является язык радио. Радио должно иметь ясный, чистый и беглый язык. Только в этом случае высокое содержание его материалов может дойти до слушателей и оказать влияние, но язык радио в республике до сих пор во многом не может соответствовать этим требованиям» [87, с. 37].

Также в статье «Шаммае аз аҷоиботи забони матбуот» («Пример из чудес языка прессы») [88] утверждается, что слепое использование слов означает, что люди используют слова, не понимая их значения. Большинство таких недоразумений вызвано переводчиками. Например: «Ҳайати вакилон ташрифи дӯстона оварданд» и т.д. (Делегация совершила дружеский визит). Такое использование слова «ташриф» сейчас встречается часто, что некорректно. Почему? Потому что «ташриф» происходит от «шараф», и его значение – чтить, превозносить и высоко ценить» [87, с. 254]. Шакури подчёркивает, что это вина журналистов, они должны быть точными.

Таким образом, М. Шакури, наряду с написанием литературных произведений, посвящает себя исследованию и обсуждению аспектов лингвистики. Сначала М. Шакури анализирует и представляет свои теории на основе ряда лингвистических книг и статей, а затем выпускает книги «Забони мо ҳастии мост» (Язык наш – наша сущность) и «Ҳар сухан ҷоеву ҳар нукта мақоме дорад» [90] (Каждое слово имеет своё место, и каждая точка имеет своё положение).

Пятая глава диссертации называется «Взгляды ученых-лингвистов в 70-е годы XX века» и состоит из двух разделов и двенадцати подразделов.

Первый раздел пятой главы называется «Этапы обобщения результатов исследования и анализа разделов лингвистической науки».

В данном разделе анализируется этап обобщения результатов исследований в различных областях таджикского языкознания в 70-х годах XX века.

В этот период таджикские лингвисты активно создавали учебники, методические пособия, научные статьи и монографии, охватывающие самые разные аспекты современного таджикского языкознания.

Наряду с этим, заметный импульс получает сравнительно-сопоставительное изучение различных проблем таджикской лингвистики.

В первой половине 70-х годов, наряду со старшим поколением лингвистов, ряд молодых учёных под руководством опытных преподавателей занимались изучением различных лингвистических тем, и было опубликовано несколько сборников статей молодых лингвистов. Например: Ш. Кабиров «Предложения без членов в современном таджикском литературном языке», Г. Талбакова «Использование слов, обозначающих профессии и ремесла (шитье) в романе Р. Джалила «Сердечная боль», К. Каландаров «Формирование и развитие

сложно-подчиненных предложений в таджикском литературном языке», П. Курбонов «Тип придаточного предложения в современном таджикском литературном языке», Ш. Исмоилов «Использование лексики местного диалекта в обучении литературному языку», З. Рахмонова «Некоторые соображения об использовании архаичных слов в современной таджикской прозе», С. Собирджонов «Вопросительные предложения», А. Солиев «О предложных именных группах в современном таджикском литературном языке».

Так, в 70-е годы ряд таджикских лингвистов, таких как Т. Зехнӣ, Р. Хошим, Б. Ниёзмухаммадов, Д. Таджиев, Н. Маъсумӣ, Р. Ғаффоров, А. Халилов, Р. Х. Додихудоев, А. Каримов, А. Мирзоев, Ш. Рустамов, С. Хушенова, М. Эшнӣёзов, Б. Сиёев, С. Ҳалимов, Х. Хусейнов, М. Косимова, С. Рахматова, Т. Хаскашев, М. Муҳаммадиев, Х. Раупов, Н. Шарофов, М. Исматуллоев, Ф. Зикриёев, П. Курбонов, Х. Мачидов, Б. Камолитдинов, Абдусаттор Мирзоев, С. Атобуллоев, Д. Хоҷаев, С. Сабзаев, А. Юнусов и др. занимались исследованием и обобщением актуальных вопросов языкознания и оставили ценные труды.

Этот этап считается периодом развития и совершенствования таджикской лингвистики советской эпохи. С одной стороны, малоизученные вопросы подвергались окончательной обработке, с другой – исследованные вопросы обобщались, и делались выводы.

Результатом коллективной исследовательской работы стало издание фундаментальной «Грамматики современного таджикского литературного языка» («Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик», 1977). До реализации этого масштабного проекта был подготовлен и опубликован вузовский учебник «Грамматика таджикского языка. Синтаксис. Учебник для высших учебных заведений. Ч. 2» («Грамматикаи забони тоҷикӣ», Синтаксис. Китоби дарсӣ барои мактабҳои олии Қ. 2. – Душанбе, 1970). Также были опубликованы отдельные работы по различным разделам таджикской лингвистики.

В разделе, посвященном лексике таджикского литературного языка, в 1972 году была опубликована работа Н. Шарофова «Калимаҳои русию интернационалӣ дар забони адабии тоҷик» («Русские и интернациональные слова в таджикском литературном языке»), в которой изложены соображения автора о путях развития лексики таджикского литературного языка в советский период, заимствовании русских и интернациональных слов, фонетических особенностях некоторых лексем, а также о их роли и вкладе в словообразование. В работе также показаны способы отражения русских и интернациональных лексем в двуязычных словарях.

По истории лексикографии выходит в свет труд Х. Рауфова под названием «Фарҳанги Ҷаҳонگیرӣ» как источник таджикско-персидской лексикографии» (1972).

В области морфологии в этот период особое место занимают труды профессора Ш. Рустамова: «Классификация частей речи и место существительного» («Таснифоти ҳиссаҳои нутқ ва мавқеи исм», 1972), «Словообразование существительных в современном таджикском литературном языке» («Калимасозии исм дар забони адабии ҳозираи тоҷик», 1972) и

«Существительное» («Исм», 1981), о лингвистической ценности которых мы подробно поговорим в отдельном разделе.

Первый подраздел первого раздела пятой главы посвящён теме **«Дододжон Таджиев и вопросы исследования сложноподчинённых предложений»**.

Профессор Д. Таджиев до публикации своего содержательного научного труда «Чумлаҳои мураккаби тобеъ дар забони адабии ҳозираи тоҷик» («Сложноподчинённые предложения в современном таджикском литературном языке») [72] представил вниманию читателей и исследователей множество статей, пособий и книг о сложноподчинённых предложениях. В 1966 году выходит в свет его работа «Чумлаҳои мураккаби тобеи сартарикаи» [71] («Многочленные сложноподчинённые предложения»), которая служила руководящим пособием в распознавании данной модели сложноподчинённого предложения. Д. Таджиев считает роль средств связи крайне важной в вопросе классификации и группировки типов придаточных предложений, поэтому он на протяжении нескольких лет серьёзно занимался исследованием средств связи придаточных предложений с главным. Результаты своих изысканий он изложил в очень зрелой и логичной форме, без многословия и велеречивости, которые иногда встречаются в некоторых исследованиях, и скрупулёзно показал значение и вклад грамматических средств связи придаточных предложений с главным в монографии «Воситаҳои алокаи чумлаҳои мураккаби тобеъ дар забони адабии тоҷик» («Средства связи сложноподчинённых предложений в таджикском литературном языке»).

Таким образом, Д. Таджиев оставил полсе себя фундаментальные труды во всех областях современного таджикского языкознания. Особое значение имеют его исследования в области синтаксиса: разработанные им теоретические аспекты сложноподчинённого предложения получили признание как в советской, так и в мировой лингвистике.

Второго подраздела первого раздела пятой главы озаглавлен **«Раззок Гаффаров и вопросы исследования диалектологии»** и посвящён вкладу Р. Гаффарова в изучение синтаксиса южного диалекта таджикского языка.

В 70-е годы XX века Р. Гаффаров серьёзно занимался исследованием синтаксиса простого предложения в южном говоре таджикского языка, опубликовав в 1979 году по этой теме исследовательскую монографию «Синтаксиси ҷумлаи сода. Шеваи ҷанубии забони тоҷикӣ» (Синтаксис простого предложения. Южный говор таджикского языка) [22]. В данной работе весьма подробно рассмотрены вопросы различий в структуре словосочетаний, диалектных особенностей в форме сказуемого; простых глагольных сказуемых, различий в простых глагольных сказуемых, выраженных простыми и сложными глаголами, диалектологических различий в простых глагольных сказуемых усложнённой структуры, составных сказуемых, основных форм именных сказуемых, диалектных различий в предикативном употреблении причастий, выражения сказуемого формой причастия прошедшего времени, выражения сказуемого формой причастия настоящего времени, выражения сказуемого формой причастия будущего времени, сказуемых усложнённой структуры,

выраженных причастием, различий в оформлении различных дополнений, прямого дополнения, косвенного дополнения, диалектологических различий в выражении обстоятельств (обстоятельства места, времени, причины, цели, образа действия, меры и степени, сравнения, уступительного) и различий в структуре предложения.

Исследователь писал: «В говорах южного диалекта, как и в говорах других таджикских диалектов и в литературном языке, встречаются все типы словосочетаний. Однако наблюдаются и различия, которые в основном проявляются в структуре средств связи и степени их употребления. В южном диалекте данные особенности рельефнее всего прослеживаются в организации именных словосочетаний» [22, с. 103].

Согласно исследованию автора, выражение глагольных сказуемых в говорах таджикского языка по своей структуре делится на два типа: простые и составные. Другой вопрос, поднятый автором монографии в разделе о главных членах предложения, касается разграничения глагольных и именных сказуемых. Исследователь отмечает: «Два типа сказуемых – именные и глагольные – кардинально отличаются друг от друга как по своему синтаксическому содержанию, так и по грамматическим средствам выражения. Однако в иранском языкознании, в том числе в исследованиях, посвящённых таджикскому и персидскому языкам (точнее, синтаксису простых предложений таджикского и персидского литературных языков – Х. В.), тончайшие особенности и структура глагольных и именных сказуемых не раскрыты» [22, с. 108].

Таким образом, научная работа лингвиста Р. Гаффорова «Синтаксис таджикских говоров в сравнительном освещении (Простое предложение)» считается важным достижением таджикской диалектологии 1970-х годов.

Подраздел 5.1.3 пятой главы озаглавлен **«Шарофиддин Рустамов и исследование словообразования»**.

В четвёртой главе диссертации мы в определённой степени уже рассмотрели научные труды начального этапа деятельности этого лингвиста и отметили, что его первая исследовательская работа была посвящена сложноподчинённому предложению с придаточным причины. Однако позже внимание исследователя привлекают вопросы морфологии таджикского языка, в частности, существительное, его категории, а также словообразование этой самостоятельной именной части речи. По этой причине до выхода в свет цельного фундаментального исследования о существительном он публикует множество статей в различных изданиях, выступает с докладами на республиканских и международных конференциях, знакомя широкий круг учёных с данной проблематикой. Эта тема была рассмотрена им в таких статьях, как «Исмшавии сифат» («Субстантивация прилагательных»), «Як қолиби калимасозии исм» («Одна модель словообразования существительных»), «Калимасозии факки изофат» («Словообразование путем опущения изафета») и «Калимасозӣ ва услуб» (Словообразование и стиль), которые были опубликованы в различных журналах и сборниках.

В 1972 году он защитил докторскую диссертацию на тему «Существительное в современном таджикском литературном языке», которая

позже была опубликована на таджикском языке в 1981 году под названием «Существительное» [63].

Исследователь справедливо считает, что в современной таджикской лингвистике, хотя тема существительного была предметом многочисленных исследований, многие его сложные и трудные вопросы остались нерешенными, поэтому его фундаментальное и всестороннее изучение стало необходимым, поскольку существительное, наряду с глаголом, является одной из важнейших и основных частей речи.

Первая глава посвящена изучению и исследованию существительного в таджикской лингвистике. Ш. Рустамов ссылается на словари «Фарханги Джахонгири», «Фарханги Рашиди», а в «Бурхони котеъ» приводит примеры образования множественного числа существительных с суффиксами множественного числа «-он», «-ҳо»; словообразовательными и стилистическими суффиксами. Например, исследователь приводит следующие примеры из девятого «оин»-а «Фаранги Джахонгири»: -манд (хирадманд, донишманд), -ванд (Худованд), -гор (хидматгор, омӯзгор, созгор), -вар (точвар, хунарвар), -ур (ганчур, ранчур, муздор, дастур), -лох (санглох, девлох, рудлох), -сор (намаксор, шохсор, кӯхсор), -зор (гулзор, сабззор), -бор (дарёбор, хиндбор, рудбор), -(и)стон (бистон, гулистон, сангистон), -гар (косагар, шишагар), -бон (филбон, дарбон), -вон (уштурвон, астарвон), -ор (харидор, фурухтор, рафтор, кирдор, гуфтор), -иш (дониш, омӯзиш).

К сожалению, автор начинает историю вопроса лишь со словаря «Фарханги чахонгирӣ», в то время как она уходит корнями в гораздо более глубокое прошлое. Так, ещё до появления «Фарханги чахонгирӣ», в таких лексикографических трудах, как «Адот-ул-фузало» Казихона Бадра Мухаммада Дехлави (год составления 1419), «Шарафномаи Аҳмади Мунари» Ибрахима Кавамиддина Фаруки (год составления 1473–74) и «Муайид-ул-фузало» Мухаммада Лода (год составления 1519), уже содержатся краткие грамматические сведения, в том числе касающиеся формообразующих суффиксов. В этой главе монографии Ш. Рустамов подробно останавливается на истории изучения и исследования существительного в персидском и таджикском языкознании, делясь своим видением научной ценности этих трудов; к примеру, он отмечает, что в диссертации опирался на выводы таких исследователей структуры персидского языка, как В. С. Расторгуева, Л. С. Пейсиков, Ю. А. Рубинчик, И. К. Овчинникова, Н. З. Хатами, Ж. Лазар и другие.

Во второй главе монографии Ш. Рустамов рассматривает классификацию частей речи и положение существительного в системе частей речи таджикского языка. Основываясь на ряде работ российских лингвистов, изложивших свои взгляды на вопрос классификации частей речи в разных языках, он приходит к выводу, что вопрос частей речи является одним из важнейших, наиболее сложных и нерешенных грамматических вопросов не только в современной таджикской лингвистике, но и во всей мировой лингвистике.

В третьей главе монографии исследуется и обсуждается вопрос грамматических категорий существительных.

Категория числа выступает в качестве основного признака грамматической категории, отличающей существительное от прилагательного.

Исследователь объясняет суффиксы множественного числа классического, арабского и современного таджикского языков и приходит к выводу, что основными и наиболее широко используемыми средствами для обозначения множественного числа в таджикском языке являются суффиксы множественного числа «-ҳо» и «-он».

В действительности, в истории таджикской лингвистической мысли наши учёные в прошлом рассматривали суффикс «-он» как для одушевленных существительных, так и неодушевленных существительных, так и суффикс «-ҳо» для существительных в качестве суффикса множественного числа.

В четвёртой главе монографии Ш. Рустамов исследует и рассматривает вопрос словообразования существительных. При исследовании этого вопроса он опирается на идеи известного исследователя истории языка, профессора В.А. Лившица, утверждавшего, что «словообразование является основным средством обогащения лексического состава таджикского языка, и таким образом лексический состав пополняется новыми словами» [62, с. 70].

В действительности, словообразование на всех этапах развития таджикского языка было одним из наиболее продуктивных способов улучшения лексического состава таджикского языка, обеспечивающих развитие таджикского языка, его беглость и изящество, и авторысловарей прошлых лет, труды, посвящённые науке о литературных триадах, сделали полезные замечания по этому вопросу.

Ш. Рустамов выделяет 5 способов словообразования существительных:

1. Морфологический способ: а) суффиксальное образование существительных; б) префиксальное образование существительных; в) префиксно-суффиксальное образование существительных.

2. Синтаксически-морфологический способ (словосложение): а) «чистое» словосложение; б) префиксно-суффиксальное словосложение.

3. Сокращение

4. Аббревиация

5. Переход одной части речи в другую [63, с. 75].

Наконец, пятая глава монографии Ш. Рустамова называется «Синтаксические функции существительного», и, как подчёркивает сам исследователь, этот вопрос был полностью решён в современной таджикской лингвистике в 70-х годах XX века.

Так, в 70-е годы Ш. Рустамов написал множество статей и несколько других книг и монографий. Но монография, которую мы рассмотрели, сыграла особую роль на этом этапе развития современной таджикской лингвистической мысли, и в частности, оказала большое влияние на появление ряда научных трудов по словообразованию в последующие годы.

«Рассмотрение вопросов языкознания с точки зрения Абдулгани Эшонджонова» составляет содержание четвёртого подраздела первого раздела пятой главы.

Начиная с конца 50-х годов, А. Эшонджонов наряду с методической работой и составлением учебников и руководящих пособий занимается исследованием малоизученных вопросов таджикского языкознания, таких как: «Феълҳои тасрифшаванда дар мақои хабарҳои номӣ» («Спрягаемые глаголы в функции именных сказуемых»), «Именное сказуемое в современном таджикском литературном языке», «Именное сказуемое и способы его выражение в таджикском литературном языке», «Хабарҳои номии маъмул» («Распространённые именные сказуемые»), «Хабарҳои номӣ ва тарзи ифодаёбии онҳо дар забони адабии тоҷик» («Именные сказуемые и способы их выражения в таджикском литературном языке»), «Чумлаи пайрави муайянкунанда ва хусусиятҳои он дар забони адабии ҳозираи тоҷик» («Придаточное определительное предложение и его особенности в современном таджикском литературном языке»), «Аъзоҳои ҷидаи ҷумла дар забони ҳозираи тоҷик» («Однородные члены предложения в современном таджикском языке»), «Чумлаҳои ҷидааъзо ва баъзе хусусиятҳои грамматикӣ он» («Предложения с однородными членами и некоторые их грамматические особенности»).

В 1959 году А. Эшонджонов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Хабарҳои номӣ дар забони адабии ҳозираи тоҷик» («Именные сказуемые в современном таджикском литературном языке») [91], а в 1969 году опубликовал её в виде отдельной книги.

Эта работа считается одним из лучших исследований в области синтаксиса простого предложения. Как отмечает автор в предисловии к своему труду, им был собран обширный фактический материал, иллюстрирующий выражение именного сказуемого посредством существительного, субстантивированных понятий, прилагательного и его разрядов, числительного, местоимения и его разрядов, наречия, масдара (инфинитива), причастия, предложных конструкций, а также устойчивых и свободных словосочетаний.

По мнению исследователя, в формировании именных сказуемых наиболее активную роль играют существительное, прилагательное, числительное и наречие. Кроме того, в функции именного сказуемого могут выступать и другие части речи со значением качественного признака или предметности, а также причастия. «В современном таджикском литературном языке необходимо также отметить тот языковой факт, что выполнение функции сказуемого именем собственным (одушевлённым и неодушевлённым) чаще выражается не с помощью вспомогательных глаголов, а самостоятельно или посредством глагольных энклитик (сказуемостных суффиксов): Ҳамин ҷавон Абуали ибни Синост (Этот юноша – Абуали ибн Сино). Яке аз шахрҳои қадими Осиёи Миёна Бухорост (Один из древних городов Средней Азии – Бухара). Ин дарё Сир аст (Эта река – Сырдарья)» [91, с. 97].

Используя данный метод, автор приводит многочисленные примеры по всем разрядам существительных, попутно подчёркивая их особенности в выполнении функции именного сказуемого и демонстрируя их структуру и состав.

Исследователь темы именных сказуемых А. Эшонджонов также не отрицает наличия в них категорий лица, числа и времени. По этому поводу в

указанной монографии он рассуждает следующим образом: «Согласование сказуемого с подлежащим в лице, числе и форме представляет собой прямую связь между этими двумя главными членами предложения. В данном аспекте роль сказуемого чрезвычайно велика, поскольку оно как формально, так и содержательно воплощает в себе субъект и предикат (суждение), и это явление особенно характерно для глагольных сказуемых» [91, с. 101].

Таким образом, данная монография лингвиста А. Эшонджонова считается одним из важнейших исследований в области синтаксиса простого предложения в современном таджикском языкознании 70-х годов XX века.

Пятый подраздел первого раздела пятой главы посвящён теме **«Мукаррама Косимова и вопросы исследования истории языка»**.

Научная деятельность М. Косимовой началась в 60-е годы XX века, и в 1962 году под руководством профессора Д. Таджиева она защищает кандидатскую диссертацию на тему «Чумлаи пайрави шартӣ дар забони адабии тоҷик» (Придаточное условное предложение в таджикском литературном языке) [40].

До написания данной монографии автор изложила результаты своих изысканий в нескольких статьях, представив их вниманию исследователей.

Одно из преимуществ данной работы молодого учёного заключается в том, что, в отличие от некоторых исследователей, для подтверждения своих тезисов она стремилась приводить примеры преимущественно из современной прозы, а если и обращалась к поэтическим образцам, то выбирала их из современной поэзии, хотя также в изобилии использовала классические поэтические произведения.

Такой исследовательский подход подкрепляет историческую истину о том, что современный таджикский литературный язык является прямым продолжением того самого таджикского литературного языка дари, который полностью сформировался ещё в X веке и функционировал в тех же стилях письменности.

Сравните:

Гар бар сари нафси худ амирӣ, мардӣ

Бар куру кар ар нукта нагирӣ, мардӣ [60, с. 74].

Если держишь свой норов в узде - ты мужчина!

Если не потешаешься над ущербными - ты мужчина!

(перевод Саид Сангина)

Халки хиндуи ситамкашро расон аз мо салом,

Эй суруди ман, агар дорӣ ту ҳам болу паре [73, с. 53].

Угнетенному индийскому народу передай от нас привет, О песня моя, если и у тебя есть крылья. **(Дословный перевод)**

Обратите внимание, что в поэзии двух таджикских поэтов, один из которых творил в X веке, а другой – в XX, оформление придаточного условного предложения не имеет сколько-нибудь заметных различий.

Начиная со второй половины 70-х годов М. Н. Косимова переходит к исследованию синтаксических особенностей памятников классической таджикской литературной письменности. В этот период она публикует целый ряд

статей, сборников текстов для практической проработки синтаксических тем, а также учебных пособий, среди которых: «Очеркҳо оид ба синтаксиси ҷумлаҳои содаи асри XI» [38] («Очерки по синтаксису простых предложений XI века») (1976), «Практикум аз забони адабии тоҷик» («Практикум по таджикскому литературному языку») (1976), «Хат ва имлои матни классикии тоҷик» («Графика и орфография классического таджикского текста»), «Маҷмуаи машқҳо оид ба синтаксиси забони тоҷикӣ» («Сборник упражнений по синтаксису таджикского языка») (1976), а также «Принципы написания учебника «Исторический синтаксис таджикского языка»» (1978).

В шестом подразделе первого раздела пятой главы рассматривается тема **«Саид Халимов – исследователь истории языка».**

В 60–70-е годы XX века С. Халимов своими трудами внёс достойный вклад в становление современного таджикского языкознания. В течение этих двух десятилетий, помимо нескольких учебных пособий для взрослых, он опубликовал следующие работы: «С. Айни – лексикограф» (1964), «Забони адабии ҳозираи тоҷик» («Современный таджикский литературный язык») (именные части речи, в соавторстве с К. Шукуровой, 1973), «С. Айни ва баъзе масъалаҳои инкишофи забони адабии тоҷик» («С. Айни и некоторые вопросы развития таджикского литературного языка») (1973), «Таърихи забони адабии тоҷик (асрҳои IX – X)» («История таджикского литературного языка (IX–X вв.))» (1979).

Работа С. Халимова под названием «С. Айни – лексикограф» [82] состоит из введения и таких разделов, как: «Мухтасар дар бораи қорҳои лексикографии С. Айни» (Кратко о лексикографических трудах С. Айни), «Чараҳои қори лексикографии С. Айни» (Процесс лексикографической работы С. Айни), «Тарзҳои муайян намудани маънои қалимаҳо» (Способы определения значений слов), «Дар бораи баъзе вариантҳои фонетикии қалимаҳо» (О некоторых фонетических вариантах слов), «Шарҳи грамматикӣ қалимаҳо» (Грамматический комментарий к словам), «Қайдҳои этимологии Айни дар луғат» (Этимологические заметки Айни в словаре), «Сарчашмаҳои лексикографии луғати ҷопнашудаи С. Айни» (Лексикографические источники неопубликованного словаря С. Айни).

Устод Айни, как справедливо отмечает С. Халимов: «обладал феноменальной памятью, знал наизусть огромное количество лексем со всеми их толкованиями и тонкостями, однако никогда не позволял себе фиксировать слово без предварительной проверки и обращения к авторитетным источникам – разумеется, если речь шла о слове, значение которого до конца не ясно». С. Халимов, развивая свою мысль, отмечает, что «значение каждого слова, даже если Айни его знал, он всё равно перепроверял по словарям и настоятельно рекомендовал поступать так же остальным» [82, с. 76].

Кандидатская диссертация С. Халимова посвящена исследованию лингвистических взглядов устода Айни, и в ней всесторонне и глубоко проанализированы все аспекты языковедческой деятельности устода Садриддина Айни.

Первая глава диссертации, озаглавленная «С. Айни дар бораи рохҳои инкишофи забони тоҷикӣ» (С. Айни о путях развития таджикского языка), разделена на такие параграфы, как «С. Айни дар бораи муносибати байни забони тоҷикӣ ва форсӣ» (С. Айни о взаимоотношении таджикского и персидского языков), «С. Айни дар бораи рохҳои инкишофи забони адабии тоҷикӣ» (С. Айни о путях развития таджикского литературного языка) и «Муборизаи С. Айни барои тозагии забони тоҷикӣ» (Борьба С. Айни за чистоту таджикского языка). Все эти вопросы, поднятые устомом Айни сквозь призму собственных научно-теоретических воззрений и получившие лингвистическую оценку в монографии С. Халимова, не утратили своей актуальности и по сей день. В первом параграфе первой главы автор так резюмирует взгляды устода Айни на взаимоотношение таджикского и персидского языков: «До Октябрьской революции таджикские и персидские поэты и писатели на протяжении долгого времени создавали свои произведения на едином общем литературном языке, который именовался дари, форси или порси-и дари» [82, с. 11].

В третьей главе своей работы «С Айни о языке дореволюционной классической литературы» С. Халимов анализирует труды Айни об особенностях языка произведений классических таджикских писателей: Рудаки, Фирдавси, Абу Али ибн Сино, Саади, Камола, Васифи, Навои, Бедия, Ахмад Дониша. Изучение трудов С. Айни, относящихся к лингвистике, в исследовании С. Халимова показывает, что вклад С. Айни был очень значительным на первом этапе формирования современной таджикской лингвистики.

Четвертая глава научной работы С. Халимов посвящена изучению лексикографической деятельности Айни. Исследователь делит эту главу диссертации на три части:

1. Кратко о лексикографических трудах устода Айни;
2. Лексикографическая работа устода Айни над толковым словарём;
3. Лексикографические источники опубликованного толкового словаря устода Айни.

Учёный-востоковед Е. Э. Бертельс считал непосредственное участие устода Айни в этой работе крайне необходимым и важным, отмечая следующее: «Для участия в составлении этого словаря должны быть привлечены крупнейшие учёные, в том числе товарищ Айни. У нас в мире нет большего знатока таджикского языка, чем Айни, и его участие в составлении этого словаря абсолютно неизбежно» [82, с. 17].

Об этой монографии можно дискутировать часами, однако мы бы хотели подытожить наш обзор выводами профессора Д. Ходжаева касательно данного труда лингвиста С. Халимиёна (Халимова), которые действительно весьма поучительны: «Таким образом, лингвистические взгляды устода Айни охватывают все направления современного таджикского языкознания, и их исследование в форме кандидатской диссертации, предпринятое в 60-е годы XX века проникательным и обладающим тонким научным вкусом языковедом, покойным устомом Саидом Халимовым, являлось очень благородным шагом, и ценность этого исследования не снизилась и сегодня» [79, с. 149].

Седьмой подраздел первого раздела пятой главы диссертации называется **«Мухаммади Исмаилов и некоторые вопросы синтаксиса таджикского языка»**.

М. Исмаилов в 70-е годы XX века принимает активное участие в исследовании синтаксических тем таджикского языка. Проведя масштабную работу в области изучения обстоятельств, в 1971 году он публикует первую часть своего труда под названием «Очеркҳо оид ба ҳолшарҳкунандаҳо дар забони адабии ҳозираи тоҷик» (Грамматические очерки об обстоятельствах в современном таджикском литературном языке) [35], посвящённую обстоятельствам места и времени; вторая же часть этих очерков выходит в свет уже в 80-е годы XX века.

В результате исследования и анализа материала таджикского литературного языка лингвист М. Исмаилов, опираясь на тезис русского языковеда Н. Никитина о том, что грамматический строй языка и средства его синтаксического выражения не могут быть полностью отражены в рамках традиционной классификации второстепенных членов предложения, расширяет классификацию обстоятельств с традиционных 9 до 14 разрядов. В частности, он выделяет 5 новых типов обстоятельств: обстоятельство ситуации (*ҳоли вазъиятӣ*), обстоятельство состояния (*ҳоли ҳолат*), обстоятельство сравнения (*ҳоли қиёс*), обстоятельство функции/назначения (*ҳоли вазифа*) и обстоятельство соответствия (*ҳоли мутобиқат*). Впрочем, если взглянуть на этот вопрос более глубоко и точно, все выделенные им новые разряды концептуально укладываются в рамки классических 9 типов обстоятельств.

Заслуга лингвиста М. Исмаилова в исследовании обстоятельств места и времени заключается в том, что он устраняет те пробелы и недостатки в определении обстоятельства места, которые бытовали в учебниках таджикского языка, достаточно чётко очерчивает дифференциальные признаки данного разряда обстоятельств и демонстрирует его синтаксическое отличие от дополнения.

Подраздел 5.1.8. пятой главы **«Фарход Зикриёев и его вклад в исследование синтаксиса таджикского языка»** посвящён научной деятельности Фархода Зикриёева и его вкладу в исследование синтаксиса таджикского языка.

Под руководством Н. Маъсуми Фарход Зикриёев занимался исследованием сложноподчинённых предложений с придаточными образа действия и сравнения. В 1970 году он защитил эту работу в качестве кандидатской диссертации, и в дальнейшем она была опубликована под названием «Чумлаҳои пайрави тарзи амал ва монандӣ дар забони адабии ҳозираи тоҷик» (Придаточные предложения образа действия и сравнения в современном таджикском литературном языке) [33].

В данной монографии содержится ряд оригинальных и ценных научных наблюдений. Так, одной из дискуссионных проблем синтаксиса сложноподчинённого предложения в те годы оставалось определение статуса соотносительных слов. Опираясь на достижения советского языкознания и детально проанализировав существующие лингвистические концепции, молодой

синтаксист подробно рассмотрел сущность и синтаксическую роль соотносительных слов в структуре сложноподчинённого предложения. С помощью конкретных фактов и примеров он детально, в пяти пунктах, обосновал необходимость их функционирования, тем самым подкрепив теорию данной синтаксической категории, предложенную в современном таджикском языкознании профессором Д. Таджиевым.

Интересное суждение высказано автором и относительно другого средства связи придаточного предложения с главным – многофункционального (чисто синтаксического) союза «*ки*» на примере сложноподчинённых предложений с придаточными образа действия: «Придаточное предложение образа действия связывается с главным при помощи союза «*ки*» лишь в том случае, если в структуре главного предложения присутствует соотносительное слово. В подобных синтаксических конструкциях придаточные предложения всегда следуют за главным. Особенность таких придаточных заключается в том, что они соотносятся с различными словосочетаниями» [76, с. 43].

В девятом подразделе первого раздела пятой главы приводится рассуждение на тему **«Хомид Маджидов и рассмотрение вопросов фразеологии современного таджикского литературного языка»**.

Профессор Х. Маджидов до защиты кандидатской диссертации представил на суд лингвистического сообщества ряд статей, посвящённых различным аспектам фразеологических единиц, среди которых: «Ибораҳои фразеологӣ дар романи Раҳим Ҷалил «Одамони ҷовид» («Фразеологические обороты в романе Рахима Джалила «Бессмертные люди»») [42], «К вопросу о классификации фразеологических единиц таджикского языка», «Некоторые вопросы фразеологии современного таджикского языка», «Сабабҳои бавучудой, роҳҳои ташаккул ва инкишофи минбаъдаи вохидҳои фразеологии феълии забони ҳозираи тоҷик» («Причины возникновения, пути формирования и дальнейшего развития глагольных фразеологических единиц современного таджикского языка»), «Аломатҳои фарқкунандаи вохидҳои фразеологии забони тоҷикӣ» («Дифференциальные признаки фразеологических единиц таджикского языка») и «Ибораҳои фразеологии феълӣ» («Глагольные фразеологические обороты»).

В дальнейшем в центре внимания Х. Маджидова оказывается фундаментальное исследование фразеологических единиц таджикского языка. Он продолжает масштабные изыскания в этой области и в 70-е годы публикует ещё один цикл статей, охватывающих неизученные и дискуссионные аспекты таджикской фразеологии.

Продолжая систематическое изучение данной проблематики в 80–90-е годы, исследователь таджикской фразеологии Х. Маджидов в 1995 году опубликовал монографию под названием «Фразеологическая система современного таджикского литературного языка».

Десятый подраздел первого раздела пятой главы посвящен теме **«Некоторые вопросы таджикского языка с точки зрения Пулуда Курбонова»**

Тематика исследований П. Курбонова сосредоточена вокруг синтаксического статуса и функционирования приложений. По данной

проблематике им был опубликован цикл статей, в том числе: «Дар бораи баёнияҳои изофӣ» («Об изафетных приложениях»), «Дар бораи баёнияи истисноӣ» («Об исключительных приложениях»), «Дар бораи баёния» («О приложении»), «Як типӣ нави ҷумлаи пайрав дар забони адабии ҳозираи тоҷик» («Новый тип придаточного предложения в современном таджикском литературном языке») и «Ифода ёфтани муносибати баёниягӣ ба воситаи ҷумлаи пайрав» (Выражение аппозитивных отношений посредством придаточного предложения)).

В 1974 году П. Курбонов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Баёния дар забони адабии ҳозираи тоҷик» («Приложение в современном таджикском литературном языке») [41].

Одиннадцатый подраздел первого раздела пятой главы посвящен теме **«Бахриддин Камолиддинов – исследователь-стилист».**

С первых своих шагов на научном поприще Б. Камолиддинов обращается к изучению языковых особенностей произведений Хакима Карима – одного из писателей-новаторов таджикской художественной прозы. Результатом многоаспектного анализа стала успешная защита в 1966 году кандидатской диссертации на тему «Забон ва услуби ҳикояҳои Ҳақим Карим» («Язык и стиль рассказов Хакима Карима») [36].

В дальнейшем внимание Б. Камолиддина всё больше привлекают проблемы синтаксической науки. Он приступает к разработке одной из наименее изученных тем – синтаксической синонимии. Посвятив этому направлению 18 лет глубоких изысканий, в 1988 году он защищает докторскую диссертацию под названием «Муродифоти наҳвӣ дар забони адабии ҳозираи тоҷикӣ» («Синтаксическая синонимия в современном таджикском литературном языке») [37]. В данной монографии подробно рассмотрены следующие ключевые вопросы:

1. Понятие синтаксической синонимии:

- как различные синтаксические единицы (предложения, словосочетания, грамматические структуры) могут выражать тождественные или близкие значения.

2. Виды синтаксической синонимии в таджикском языке:

- синонимия простых и сложных предложений;
- синонимия глагольных, именных словосочетаний и других конструкций;
- различные структурные формы выражения одной и той же мысли.

3. Грамматические и стилистические средства формирования синонимии:

- транспозиция (перестановка) членов предложения;
- функционирование союзов, служебных слов и глагольных форм;
- взаимотрансформация простых и придаточных предложений.

4. Роль синтаксической синонимии в культуре речи и стилистическом изяществе:

- как выбор адекватной синтаксической структуры влияет на плавность, точность и экспрессивность речи.

5. Стилистические особенности синтаксических синонимов:

- специфика их употребления в художественном, научном, публицистическом и разговорном стилях.

В последующие годы ученый опубликовал целый цикл учебных пособий и статей, посвященных стилистике, культуре речи и выразительности художественного слова. Результаты научно-исследовательской деятельности этого проницательного лингвиста стали особенно весомыми и заметными в 80-е годы XX века.

В двенадцатом подразделе первого раздела пятой главы анализируется тема **«Абдусаттор Мирзоев в исследовании словосочетаний таджикского языка»**.

Профессор Абдусаттор Мирзоев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Ибораҳои феълии замони дар забони адабии ҳозираи тоҷик» («Глагольные временные словосочетания в современном таджикском литературном языке») [49] и докторскую диссертацию на тему «Масъалаҳои ибора дар забони тоҷикӣ» («Проблемы словосочетания в таджикском языке») [50]. Его исследования отличаются научной новизной, глубиной теоретического осмысления и привлечением обширной источниковедческой базы. Именно эти качества упрочили его авторитетное положение в истории становления современного таджикского языкознания.

Особенно ценных результатов профессор А. Мирзоев достиг в области синтаксиса словосочетания. Данному разделу грамматики посвящены его фундаментальные труды, в числе которых: «Ибораҳои феълии замони дар забони адабии тоҷик» (1971), «Луғати имло» («Орфографический словарь») (1991), «Масъалаҳои ибора дар забони тоҷикӣ» (2002), а также учебник «Забони тоҷикӣ» («Таджикский язык») для 6-го класса учреждений общего среднего образования (в соавторстве) и др. Особое внимание в своих изысканиях он уделял типологии словосочетаний, средствам грамматической связи, структуре глагольных словосочетаний, нормам таджикской орфографии и методике преподавания языка.

В своей научно-исследовательской деятельности профессор А. Мирзоев успешно применял метод системного анализа. Данный методологический подход позволил с высокой точностью и глубокой научной объективностью исследовать специфику функционирования и закономерности развития современного таджикского литературного языка. Как результат, сформировалась его самобытная научная школа, внесшая достойный вклад в развитие таджикской лингвистики.

Начиная с первой половины 70-х годов XX века плеяда молодых таджикских языковедов под влиянием научно-теоретических воззрений профессора Д. Таджиева, в особенности его концепции сложноподчинённого предложения, обратилась к детальному анализу отдельных типов придаточных частей. В частности, талантливый лингвист С. Атобуллоев исследовал сложноподчинённые конструкции с придаточными подлежащими и сказуемыми, опубликовав результаты своего труда в виде отдельной монографии под названием «Чумлаҳои пайрави мубтадо ва хабар дар забони

адабии тоҷик» («Придаточные предложения подлежащие и сказуемые в таджикском литературном языке»).

Другой исследователь К. Каландаров проводит исследования сложных предложений и в 1977 году защищает кандидатскую диссертацию на тему: «Сложноподчинённые предложения в таджикском литературном языке XV-XVI веков» (на основе материала «Бадаъ аль-вакаъ» Васифи).

В области изучения сложноподчинённых предложений к анализу, осмыслению и исследованию данных синтаксических конструкций приступает ещё целый ряд молодых, ищущих и перспективных исследователей.

Так, Р. Асоев посвящает свои изыскания сложноподчинённым предложениям с придаточными меры и степени, представив по результатам работы следующие статьи: «Чумлаи пайрави микдору дараҷа бо маънои иловагии шарт» («Придаточное предложение меры и степени с дополнительным условным значением») и «Чумлаи пайрави микдору дараҷа ё натиҷа?» («Придаточное предложение меры и степени или следствия?»).

Разработкой темы сложноподчинённых предложений с придаточными определительными под научным руководством профессора Д. Таджиева занимается Д. Ходжаев, опубликовавший в этот период следующие статьи: «Калимаҳои ҳамнисбат ва чумлаи пайрави муайянкунанда» («Соотносительные слова и придаточное определительное предложение») // Вопросы таджикской филологии (Сборник статей аспирантов). – Душанбе, 1976; «Таълими чумлаи пайрави муайянкунанда дар синфи VIII» («Обучение придаточным определительным предложениям в VIII классе») // Мактаби советӣ, 1979, №7; «Тобишҳои маънои иловагии чумлаи пайрави муайянкунанда» («Дополнительные смысловые оттенки придаточного определительного предложения») // Мактаби советӣ, 1976, №10; «Як хели чумлаи пайрави муайянкунанда дар «Ғуломон»-и устод Айни» («Об одном типе придаточного определительного предложения в романе «Рабь» устода Айни») // Теоретические и практические вопросы преподавания таджикского языка и литературы. – Душанбе, 1977.

Д. Ходжаев защищает итоговые результаты исследования сложноподчинённого предложения с придаточным определительным в качестве кандидатской диссертации на тему «Сложноподчинённые предложения с придаточными определительными в современном таджикском литературном языке».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате анализа и рассмотрения темы исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Из исследований, проведённых в годы независимости, следует, что таджикская лингвистическая мысль имеет длинную историю, восходящую к периоду до арабского Халифата, но первый этап формирования современной таджикской лингвистической мысли начинается в 40-х годах XIX века, то есть во времена царской России. Одним из таких факторов является составление лингвистами и востоковедами краткой грамматики под названием «Грамматика персидского языка» («Краткая грамматика персидского языка» Аббаскули Ага Бакиханова, «Краткая грамматика персидского языка» Мирзо Джафара, «Краткая грамматика персидского языка» К. Г. Залемана и В. А. Жуковского), которая внесла вклад в развитие современной таджикской лингвистической мысли. Эти грамматики объясняют основы персидской грамматики, и большинство обсуждаемых тем также применимы к грамматическим особенностям классического и современного таджикского литературного языка [24-А].

2. В рамках таких исследований, до Октябрьской революции, особое внимание востоковедов царской России, наряду с всесторонним изучением обычаев и традиций таджикского народа, культуры, образа жизни и других социальных особенностей, было также направлено на систематическое и углублённое изучение изменений в таджикском языке. Поэтому в результате таких исследований они написали ряд ценных научных работ, пособий и методических рекомендаций на таджикском языке, которые повлияли на формирование современной таджикской лингвистической мысли до Октябрьской революции [24-А].

3. В этот период, несмотря на политические, научные и социальные ограничения того времени, были написаны некоторые методические пособия и очерки на основе прогрессивных идей видных исследователей и востоковедов, которые сыграли важную роль в формировании и развитии современной таджикской лингвистической мысли, в частности, в составлении относительно полных учебников.

Таджикские диалекты впервые были изучены профессором Казанского университета В.В. Григорьевым на основе мемуаров Мирзо Шамси Бухорои под названием «Пример диалекта таджиков Бухары», а позже другие лингвисты проводили научные исследования в этой области. Эта работа В. В. Григорьева заложила основу таджикской лингвистики, и на последующих этапах изучения таджикских диалектов лингвисты ссылались на эту работу как на первое исследование [24-А].

4. Изучение персидского и таджикского языков во времена царской России было направлено на изучение этих языков русскими гражданами, тем самым знакомя их с культурой, обычаями и традициями этих народов и открывая широкий путь для торговли с этими территориями [24-А].

5. Составление многочисленных учебников по персидскому языку, большинство из которых также отражало правила и законы таджикского языка, также было одной из целей авторов этих грамматик, способствуя последующему

развитию таджикского языка и, в этом контексте, формированию новой таджикской лингвистической мысли [24-А].

6. Публикация этнографического труда П. К. Кузнецова под названием «О таджиках Ташкентского уезда» (1900), наряду с этнографическими сведениями, содержит важные комментарии относительно лексики таджиков Ташкента и влияния узбекского языка на данный таджикский говор.

В другой работе этого же исследователя — «Сравнительный грамматический очерк таджикского и сартовского наречий» — впервые в истории таджикской диалектологии таджикские говоры были разделены на две группы: равнинные (долинные) говоры и говоры горной зоны [24-М].

7. Влияние русской лингвистической мысли на таджикскую языковедческую науку во второй половине XIX века прослеживается нами прежде всего через призму учебной литературы. Именно в процессе составления учебников исследователи, обращаясь к интерпретации и объяснению различных фонетических, морфологических, лексических и синтаксических явлений, активно использовали опыт русских языковедов, что по праву считается одним из ключевых факторов формирования современного таджикского языкознания [24-А].

8. Доказано, что после Октябрьской революции таджикский литературный язык вступил в новый этап развития. Тенденция к упрощению, начатая представителями литературного сообщества конца XIX века, в последующие годы заложила основу для расширения демократического направления литературного языка. Исследователи и специалисты в этой области, учитывая эту точку зрения, разделили историю развития современного таджикского литературного языка на три этапа: 1) 20-е годы; 2) 30-е, 40-е и 50-е годы; 3) 60-е, 70-е и 80-е годы XX века [5-А; 6-А; 7-А; 8-А; 9-А; 10-А; 11-А; 12-А; 13-А; 14-А; 15-А; 16-А; 17-А; 18-А; 20-А; 23-А; 24-А].

9. После Октябрьской революции вопросы развития таджикского литературного языка и его глубокой демократизации были возведены в ранг важнейших политических и государственных задач, оказавшись в центре внимания власти и академического сообщества. Новый общественный строй, а также кардинально изменившиеся политические, экономические и культурные условия способствовали постепенному расширению социальных функций таджикского литературного языка, качественно изменив его содержание и внутреннюю сущность по сравнению с предшествующей эпохой.

В условиях форсированного развёртывания культурной революции в Таджикистане, стремительного подъёма национальной литературы, периодической печати и системы народного образования литературный язык претерпел серьёзную эволюцию. При сохранении своего базисного основного словарного фонда и незыблемости грамматического строя, он вобрал в себя качественно новые элементы в области лексического состава, грамматических правил и стилистических особенностей. Опираясь на собственную традиционную основу, язык стал активнее ассимилировать общенародные языковые черты, приобретая подлинно общенародный характер.

В данный период широкие перспективы открылись перед изучением и академическим исследованием стиля художественной литературы. Это позволило лингвистам глубже изучить и нагляднее показать, как формировался и развивался литературный язык в целом, а также язык художественной литературы [21-А].

10. Ситуация в таджикской лингвистике в начале XX века была очень сложной и запутанной. Период с начала XX века до 20-х годов XX века считается временем смены старых и новых взглядов и идей. В этот период был написан ряд учебников, авторами которых были представители местного населения или выпускники местных русских школ.

Это были просветители, целью которых было продвижение русской науки и культуры, а также системы образования на родном языке, то есть таджикском. В эту группу входили авторы учебников по персидскому языку Мирзосайд Абдусалом, Мухаммадрасул Расули, Махмуд Ходжа Бехбуди, Исмагулло Рахматуллозода и ряд других. Эти исследователи сыграли важную роль в формировании современной таджикской лингвистической мысли [13-А; 21-А].

11. Переход от арабской письменности к латинскому алфавиту, а затем к таджикской кириллице считается одним из важных этапов исторического развития таджикской письменности. Анализ таджикских историко-лингвистических материалов доказывает, что этот процесс происходил на фоне политических, социальных и культурных изменений в советском обществе и оказал значительное влияние на формирование и совершенствование норм таджикского литературного языка [6-А; 7-А; 8-А].

12. Переход к новому алфавиту, наряду с укреплением связей между народами и расширением единого культурно-образовательного пространства, а также широким доступом к большему количеству информации, создал благоприятную основу для дальнейшего развития таджикского образования, прессы, культуры и науки. Поэтому этот вопрос можно оценить, как один из важных факторов дальнейшего развития таджикского литературного языка в советский период [6-А; 7-А; 8-А].

13. После разделения национальных территорий в Центральной Азии в 1924 году и признания Таджикистана автономной республикой в составе Узбекистана изучение таджикского языка вступило в новый этап. В этот период исследовательский подход был сосредоточен главным образом на двух аспектах:

а). Подготовка и переход к новому алфавиту, а именно латинскому алфавиту (1924-28 гг.).

б). Определение норм таджикского литературного языка и способов его приближения к массам [7-А; 8-А].

14. Дискуссии 20-30-х годов XX века вокруг таджикского языка, хотя и были в основном обусловлены политическими интересами, также имели специализированную и научную сущность и ценность. Многие учёные-профессионалы поднимали важные научные вопросы, но большинство из них остались нерешёнными. Эти дискуссии, наряду с составлением учебников и методических пособий по основам грамматики таджикского языка, заложили

благоприятную основу для развития лингвистической науки нового таджикского периода, то есть новой таджикской лингвистики в советскую эпоху [5-А; 6-А].

15. В размышлениях ряда таджикских исследователей относительно положения таджикского языка в 20-е и 30-е годы XX века поднимается несколько ключевых аспектов. Главным среди них является то, что устод Айни, А. Мухиддинов и их последователи считали разработку критериев и норм академического признания литературного языка первостепенной задачей. Действительно, если бы в те годы научно обоснованные стандарты кодификации таджикского литературного языка получили должное развитие, сегодня потенциал языка был бы значительно шире, а его грамматические основы реже подвергались бы критике [5-А; 6-А].

16. В дискуссиях 20-х и 30-х годов XX века участвуют многие писатели, учёные, педагоги и исследователи. Каждый из них выражает собственное мнение по языковым вопросам и рассуждает с политической или профессиональной позиции. Круг тем дискуссий 20-х и 30-х годов вокруг таджикского языка был очень широк, но ясно одно, что именно на основе этих дискуссий закладывается фундамент новой таджикской лингвистической науки [5-А; 5-А; 13-А].

17. Если классифицировать по тематическому принципу ключевые вопросы дискуссий 20–30-х годов XX века и повестку дня Первого съезда таджикских языковедов (проходившего 23–28 августа 1930 года), то полученный систематизированный перечень охватит практически все разделы и аспекты формирующегося таджикского языкознания. Данная тематическая классификация включает в себя следующие направления: 1. Таджикский литературный язык и теоретико-практические проблемы его функционирования. 2. Вопросы латинизации графики и принятия нового алфавита. 3. Разработка и внедрение новых правил таджикской орфографии. 4. Проблемы терминологии и принципы терминотворчества. 5. Морфологический и синтаксический строй (грамматика) таджикского языка. 6. Принципы создания и издания учебной литературы. 7. Специфика и нормы языка периодической печати. 8. Вопросы изучения и статуса таджикской разговорной речи. 9. Проблема сближения таджикского литературного языка с народными говорами (демократизация языка). 10. Фундаментальные теоретические проблемы таджикского языкознания.

Вокруг этих ключевых проблем на страницах газет и журналов того периода было опубликовано огромное количество статей. Большинство их авторов выступали как квалифицированные специалисты, которые подходили к решению насущных лингвистических задач с позиций передового для того времени научно-теоретического видения [6-А; 8-А; 13-А].

18. В начале 1930-х годов, наряду с С. Айни, А. Лохути, Э. Бертельсом, Т. Зехни, С. Ализодей, Р. Хошимом, А. Фитратом, Бектошем, А. Мунзимом, Б. Азизи, Х. Бакозодой, Б. Ходжизодой, ряд выдающихся писателей и учёных со свежим взглядом поддержали С. Айни и внесли свой вклад в развитие современной таджикской лингвистической мысли в те годы. В эту группу входят А. Дехоти, А. Мирзоев и Л. Бузургзода [7-А; 10-А; 11-А; 14-А].

19. 40–50-е годы XX века стали тяжелейшим периодом в жизни народов Советского Союза. Тем не менее, именно на этом этапе был дан мощный импульс академическому изучению таджикского языкознания, диалектологии и созданию базовых учебников по грамматике для различных ступеней образования.

Весомый вклад в развитие лингвистической науки в этот сложный период внесла целая плеяда отечественных и зарубежных исследователей, среди которых: В. С. Расторгуева, Л. Бузургзода, А. Мирзоев, Ш. Ниёзи, М. Гафуров, Н. Маъсуми, О. Джалолов, Б. Ниёзмухамедов, Д. Т. Таджиев, А. З. Розенфельд и другие.

Эти исследователи, с одной стороны, принимали активное участие в составлении учебников для различных ступеней образования, а с другой – занимались изучением и исследованием различных проблем разделов таджикского языкознания [4-А; 14-А; 15-А; 18-А].

20. В 60-е годы XX века такие лингвисты, как Т. Зехни, В.С. Растаргуева, А. Мирзоев, Б. Ниёзмухаммадов, Д.Т. Таджиев, Н. Масуми, М. Фозилов, М. Бехбуди, Р.Л. Неменова, А.З. Розендфельд, А.Л. Хромов, Х. Хусейнов, М. Косимова, С. Халимов, М. Исмагуллоев, Б. Камолиддинов, Р.Х. Додихудоев, Ш. Рустамов, А. Каримов, М. Мухаммадиев, Х. Маджидов, А. Мирзоев, П. Курбонов и другие занимаются исследованием различных вопросов современного таджикского языкознания [14-А; 15-А; 16-А; 18-А; 20-А].

21. 1970-е годы в современной таджикской лингвистике считаются этапом подведения итогов исследований и изучения отраслей лингвистики. Именно в этот период были подготовлены и опубликованы все достижения таджикских лингвистов в виде пособий и учебников для различных уровней образования, словарей, а также обобщающих научных работ. В 70-х годах группа лингвистов, таких как Т. Зехни, Р. Хошим, Б. Ниёзмухаммадов, Д. Таджиев, Н. Масуми, Р. Гаффоров, М. Исмагуллоев, А. Халилов, Р. Х. Додихудоев, А. Каримов, А. Мирзоев, Ш. Рустамов, С. Хушенова, М. Эшниёзов, Б. Сиёев, С. Халимов, Х. Хусейнов, М. Косимова, С. Рахматова, Х. Меджидов, Т. Максудов, М. Мухаммадиев, Б. Камолиддинов, Х. Раупов, Н. Шаропов, Т. Хаскашев, А. Абдукодиров, П. Курбонов, С. Атобуллоев, Ф. Зикриёев и другие занимаются комплексным исследованием актуальных проблем современного таджикского языкознания. В 70-е годы XX века в таджикском языкознании назрела объективная необходимость создания академической «Научной грамматики современного таджикского литературного языка», и в этот период началась активная разработка её проекта. Инициатором данного масштабного исследования выступил Институт языка и литературы имени Рудаки Академии наук Таджикской ССР (ныне Национальная академия наук Таджикистана).

В 1977 году в Душанбе издательством «Дониш» был опубликован предварительный проект, получивший название «Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик» («Грамматика современного таджикского литературного языка»), в подготовке которого принял участие коллектив ведущих отечественных лингвистов. Итогом этой многолетней коллективной работы стал выпуск фундаментального трехтомного академического издания, увидевшего свет в 1985–1989 годах.

Несмотря на колоссальную научно-теоретическую значимость данной «Грамматики», ряд актуальных лингвистических проблем остался за рамками исследования. Во-первых,

Во-первых, некоторые теоретические аспекты грамматической системы не получили достаточно чёткого и глубокого разрешения. В частности, на надлежащем уровне не были детально рассмотрены дискуссионные вопросы синтаксиса словосочетания. Во-вторых, анализ и описание языкового материала базировались преимущественно на синхронном срезе современного таджикского литературного языка, в то время как богатейший иллюстративный материал из классической таджикско-персидской литературы практически не привлекался [3-А; 4-А; 10-А; 14-А; 15-А; 16-А; 18-А; 20-А; 21-А].

22. Во второй половине 1970-х годов XX века, наряду со старшим и средним поколением, к исследованиям различным вопросам разделов современного таджикского языкознания обращается, и группа талантливых молодых ученых публикует свои первые научные статьи в журналах и сборниках [3-А; 4-А; 13-А; 18-А].

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ПРИМЕНЕНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основании анализа и выводов по теме исследования можно представить следующие практические рекомендации:

1. Систематизированный материал исследования и его научно-теоретическая значимость создают надежную базу для дальнейшего изучения эволюции таджикской лингвистической мысли на последующих этапах её развития;

2. Определение лингвистической ценности данного материала с позиций современного языкознания, а также выявление персонального вклада отдельных исследователей составляют ещё один важный аспект актуальности данной темы;

3. Диахроническое описание поэтапного формирования и развития новейшей таджикской лингвистической мысли может способствовать разработке научной периодизации её истории;

4. Анализ исследованного материала свидетельствует о том, что, несмотря на существование определённых трудов, в области изучения таджикской лингвистической мысли всё ещё остаётся широкий круг нерешённых задач;

5. Результаты данной темы могут предоставить полезный материал для разработки энциклопедии таджикского языкознания;

6. Исследование дискуссионных вопросов новейшей таджикской лингвистической мысли, получивших оценку в диссертации, создаст благоприятную основу для развития современного таджикского языкознания;

7. Научная методология, избранная для выполнения данной работы, позволяет более глубоко и всесторонне изучить новейшую таджикскую лингвистическую мысль;

8. Выводы и теоретические положения, полученные в диссертации по современной таджикской лингвистической мысли, могут быть использованы при разработке и составлении учебников, монографий, диссертационных исследований, а также учебно-методических пособий.

9. Результаты данного исследования могут послужить материалом для пересмотра многих вопросов новейшего таджикского языкознания;

10. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при составлении фундаментального (комплексного) академического руководства по таджикскому языку.

РҶҲАТИ АДАБИЁТИ ИСТИФОДАШУДА / СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абуалӣ ибни Сино. Махориҷ-ул-хуруф [Матн] // Осори мунтахаб. – Душанбе: Ирфон, 1983. – Ҷ. 2. – 560 с.
2. Азизӣ, Б. Ба забони дарӣ дурри суханро суфтан меҳоҳем / Б. Азизӣ // Забони тоҷикӣ дар мабной мувоҳисаҳо. – Душанбе, 2007. – С. 357–363
3. Азизӣ, Б. Ба муносибати тақсимои минтақагӣ [Матн] / Б. Азизӣ // Забони тоҷикӣ дар мабной мувоҳисаҳо. – Душанбе, 2007. – С. 94–96.
4. Азизӣ, Б. Ба алифбои нав забони кучоро асос гирифта шавад [Матн] / Б. Азизӣ // Забони тоҷикӣ дар мабной мувоҳисаҳо. – Душанбе, 2007. – С. 272–276.
5. Айни, С. Кулӣёт [Матн] Ҷилди 1 / С. Айни. – Душанбе: Нашрдавтоҷ, 1958. – 360 с.
6. Айни, С. Дохунда [Матн] / С. Айни. – Душанбе, 2017. – 381 с.
7. Айни, С. Дар атрофи забони тоҷикӣ ва форсӣ / С. Айни // Забони тоҷикӣ дар мабной мувоҳисаҳо. – Душанбе, 2007. – С. 62–65.
8. Айни, С. Масъалаи таърихӣ дар гирди алифбои нави тоҷикӣ / С. Айни // Забони тоҷикӣ дар мабной мувоҳисаҳо. – Душанбе, 2007. – С. 211–215.
9. Айни, С. Оид ба вазъияти забоншиносии тоҷик / С. Айни // Шарқи Сурх. – 1952. – № 6. – С. 3–8.
10. Айни, С. Тақриз ба китоби «Сарфу наҳви тоҷикӣ»-и Сайидризо Ализода / С. Айни // Овози тоҷик. – 1926. – 16 август.
11. Ализода, С. Сарфу наҳви тоҷикӣ / С. Ализода. – Душанбе: 2006. – 88 с.
12. Аминзода, А. Масъалаи лотинӣ кардани алифбо / А. Аминзода // Забони тоҷикӣ дар мабной мувоҳисаҳо. – Душанбе, 2007. – С. 126–129.
13. Бакиханов, Аббас-Кули Ага. Краткая грамматика персидского языка / А. Бакиханов. – Тифлис, 1841. – 97 с.
14. Бақозода, Ҳ. Дар гирди алифбои нави тоҷикӣ [Матн] / Ҳ. Бақозода // Забони тоҷикӣ дар мабной мувоҳисаҳо. – Душанбе, 2007. – С. 517–519.
15. Бартольд, В. В. К вопросу о языках согдийском и тохарском / В. В. Бартольд. – [Б. м.], [б. г.]. – с. 70
16. Бектош, Н. Дар атрофи забони адабии тоҷикӣ [Матн] / Н. Бектош // Забони тоҷикӣ дар мабной мувоҳисаҳо. – Душанбе, 2007. – С. 529–530.
17. Белинитский, А.М. Наҳви забони тоҷикӣ: барои синфҳои VI–VII. Ҷ. 2 / А.М. Белинитский, Б. Ҳочизода. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, Шӯъбаи таълимӣ-педагогӣ, 1936. – 140 с.
18. Бузургзода, Л. Синтаксиси мухтасари забони тоҷикӣ / Л. Бузургзода. – Сталинобод: 1942. – 142 с.
19. Вочидалии Мучмалӣ. Матлаъ-ул-улум ва маҷмаъ-ул-фунун [Матн]. – Калкутта: Нувалкишур, 1913. – 437 с.
20. Григорьев, В. В. Обзорение диалектических отличий, употребительных у бухарских таджиков персидского языка / В. В. Григорьев. – Казань, 1861. – С. 53.
21. Гаффоров, Р. Забон ва услуби Раҳим Чалил: (дар асоси материали романи «Одамони ҷовид») [Матн] / Р. Гаффоров. – Душанбе: Дониш, 1966. – 225 с.

22. Ғаффоров, Р. Синтаксиси ҷумлаҳои сода [Матн] / Р. Ғаффоров // Шеваи ҷанубии забони тоҷикӣ: (проспект). – Душанбе: Дониш, 1973. – С. 98–138.
23. Ғаффоров, Р. Нависанда ва забон [Матн] / Р. Ғаффоров. – Душанбе: Ирфон, 1977. – 203 с.
24. Ғозиуддин Ҳайдар Подшоҳи Ғозӣ, Ҳафт қулзум [Матн]: (ҷ. 1-7). – Лахнава, 1822. – 1280 с.
25. Дехотӣ, А. Дар бораи имло, алифбо, истилоҳ ва забони адабии тоҷикӣ / А. Дехотӣ // Забони тоҷикӣ дар мабнӣ мувоҳисаҳо. – Душанбе, 2007. – С. 672 – 678.
26. Дехотӣ, А. Кулӣёт [Матн]. Ҷилди V / А. Дехотӣ. – Душанбе: Нашрдавтоҷ, 1965. – 464 с.
27. Забони тоҷикӣ дар мабнӣ мувоҳисаҳо. – Душанбе: 2007. – 583 с.
28. Залеман, К. Г. Краткая грамматика новоперсидского языка / К. Г. Залеман, В. А. Жуковский. – Санкт-Петербург, 1890. – 108 с.
29. Зеҳнӣ, Т. Забони «Овози тоҷик» / Т. Зеҳнӣ // Забони тоҷикӣ дар мабнӣ мувоҳисаҳо. – Душанбе, 2007. – С. 179 – 184.
30. Зеҳнӣ, Т. Мувоҳиса дар бораи забон ва адабиёт / Т. Зеҳнӣ // Забони тоҷикӣ дар мабнӣ мувоҳисаҳо. – Душанбе, 2007. – С. 81–92.
31. Зеҳнӣ, Т. Маслиҳатҳои ман дар бораи забон / Т. Зеҳнӣ // Забони тоҷикӣ дар мабнӣ мувоҳисаҳо. – Душанбе, 2007. – С. 431–443.
32. Зеҳнӣ, Т. Сарфи забони тоҷикӣ / Т. Зеҳнӣ, Ҳ. Бақозода. – Душанбе: Ирфон, 2010. – 152 с.
33. Зикриёев, Ф. Ҷумлаҳои пайрави тарзи амал ва монандӣ дар забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн] / Ф. Зикриёев. – Душанбе, 1977. – 43 с.
34. Иқромӣ, Б. Дар гирди масъалаи забони матбуоти тоҷикӣ [Матн] / Б. Иқромӣ // Забони тоҷикӣ дар мабнӣ мувоҳисаҳо. – Душанбе, 2007. – С. 349–357.
35. Исмаилюев, М. Ф. Очеркҳои грамматикӣ оид ба ҳалшарҳкунандаҳо дар забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн]. Ҷ. 1: (ҳоли макон ва замон) / М. Ф. Исмаилюев. – Душанбе : Маориф, 1986. – 276 с.
36. Камолиддинов, Б. Забон ва услуби Ҳаким Карим [Матн] / Б. Камолиддинов. – Душанбе : Ирфон, 1967. – С. 127–163.
37. Камолетдинов, Б. Синтаксическая синонимия в современном таджикском литературном языке: автореф. дис. ... доктора филол. наук [Текст] / Б.. Камолетдинов – Душанбе, 1988. – 46 с.
38. Касимова, М. Н. Синтаксис простого предложения таджикской прозы XI в.: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук [Текст] / М. Н. Касимова. – Душанбе, 1979. – 41 с.
39. Кузнецов, П. Е. Сравнительный грамматический очерк таджикского и сартовского наречий / П. Е. Кузнецов // Известия Туркестанского отдела Русского географического общества. – Ташкент, 1915. – Т. XI, вып. 2, ч. 1. – С. 26–44.
40. Қосимова, М. Н. Ҷумлаи пайрави шартӣ дар забони адабии тоҷик [Матн] / М. Н. Қосимова. – Сталинобод: Нашриёти АФ Тоҷикистон, 1962. – 77 с.
41. Қурбонов, П. Баёния дар забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн] / П. Қурбонов. Душанбе, 1974. – 154 с.

42. Мачидов, Ҳ. Ибораҳои фразеологи дар романи Раҳим Чалил «Одамони ҷовид» / Ҳ. Мачидов // Сборник докладов межвузовской научной конференции вузов Средней Азии и Казахстана. – Душанбе, 1963. – С. 206–213.
43. Маъсумӣ, Н. Нишондодҳои методӣ ва супоришҳо аз забони модарӣ [Матн]. Қисми 2 / Н. Маъсумӣ. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1949. – 94 с.
44. Маъсумӣ, Н. Очеркҳои оид ба инкишофи забони адабии тоҷик [Матн] / Н. Маъсумӣ. Сталинобод: Нашр. давл. Тоҷ., 1959. – 353 с.
45. Мирза Джафар. Краткая грамматика персидского языка / Мирза Джафар. – Казань, 1884. – 109 с.
46. Мирзоев, А. Дар гирди алифбои нави тоҷикӣ [Матн] / А. Мирзоев // Забони тоҷикӣ дар мабной мувоҳисаҳо. – Душанбе, 2007. – С. 583–590.
47. Мирзоев, А. Дар атрофи палеонтологияи забон [Матн] / А. Мирзоев. – Ленинград, 1936. – 56 с.
48. Мирзоев, А. Духтархона чист? тадқиқоти лингвистӣ-таърихӣ барои муайян кардани мафҳум ва мавқеи грамматикӣ ин калима / А. Мирзоев. – Сталинобод, 1940. – 70 с.
49. Мирзоев, А. Ибораҳои феълии замонӣ дар забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн] А. Мирзоев. – Душанбе, 1972. – 123 с.
50. Мирзоев, А. Масъалаҳои ибора дар забони тоҷикӣ [Матн] А. Мирзоев. – Душанбе: Деваштич, 2002. – 308 с.
51. Мунзим, А. Дар бораи забони адабии тоҷикӣ [Матн] / А. Мунзим // Забони тоҷикӣ дар мабной мувоҳисаҳо. – Душанбе, 2007. – С. 400–406.
52. Муҳиддинов, А. Фикрҳои мо дар бораи забони адабии тоҷикӣ / А. Муҳиддинов // Забони тоҷикӣ дар мабной мувоҳисаҳо. – Душанбе, 2007. – С. 400–406.
53. Набавӣ, А. Баҳсҳои илмӣ ва мафкуравӣ оид ба забони тоҷикӣ дар солҳои 20-ум / Абдуҳолиқи Набавӣ // Забони тоҷикӣ дар мабной мувоҳисаҳо. – Душанбе, 2007. – С. 11.
54. Ниёзӣ, Ш. Н. Исм ва сифат дар забони тоҷикӣ [Матн] / Ш. Н. Ниёзӣ // Очеркҳои оид ба грамматикаи забони тоҷикӣ. – Сталинобод, 1954. – 40 с.
55. Ниёзмӯҳаммадов, Б. Н. Очеркҳои оид ба баъзе масъалаҳои забоншиносӣ тоҷик / Б. Н. Ниёзмӯҳаммадов. – Сталинобод, 1960. – с. 77.
56. Ниёзмӯҳаммадов, Б. Н. Вазъияти забоншиносӣ ва вазифаҳои забоншиносони тоҷик [Матн] / Б. Н. Ниёзмӯҳаммадов // Баъзе масъалаҳои забони адабии ҳозираи тоҷик. – Душанбе, 1965. – 219 с.
57. Расторгуева, В. С. Изучение таджикского языка в СССР / В. С. Расторгуева // Очерки по истории изучения иранских языков. – М.: 1962.
58. Расули, М. Масъалаи алифбо ва имлоро ба зудӣ ҳал кардан даркор [Матн] / М. Расули // Забони тоҷикӣ дар мабной мувоҳисаҳо. – Душанбе, 2007. – С. 678–684.
59. Раҳими Мим. Мирзо Фатҳолӣ Охундов / Раҳими Мим // Забони тоҷикӣ дар мабной мувоҳисаҳо. – Душанбе, 2007. – С. 149–155.
60. Рӯдакӣ, Абуабдуллоҳ Ҷаъфар ибни Муҳаммад. Девон. [Матн] Абуабдуллоҳ Ҷаъфар ибни Муҳаммад Рӯдакӣ. – Душанбе: Бухоро, 2015. – 388 с.

61. Рустамов, Ш. Чумлаи мураккаби тобеъ бо пайрави сабаб дар забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн] / Ш. Рустамов. – Душанбе : Дониш, 1968. – 165 с.
62. Рустамов, Ш. Калимасозии исм дар забони адабии ҳозираи тоҷик / Ш. Рустамов. – Душанбе, 1972. – 70 с.
63. Рустамов, Ш. Исм [Матн] / Ш. Рустамов. – Душанбе: Дониш, 1981. – 220 с.
64. Рустамов, Ш. Забоншиносии тоҷик дар даврони советӣ / Ш. Рустамов // Мактаби советӣ. – 1982. – № 12.
65. Сабзаев, С. Забон ва услуби шоирони маорифпарвар [Матн] / С. Сабзаев. – Душанбе : Маориф, 1991. – 80 с.
66. Семёнов, А. А. Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. Вып. 1–2 / А. А. Семёнов. – Москва, 1900–1901. – 189 с.
67. Сталин, И. В. Марксизм ва масъалаҳои забоншиносии / И. В. Сталин. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1951. – 121. С. 34-35.
68. Таджиев, Д. Т. Слово “об” – вода в современном таджикском языке [Текст] / Д. Таджиев // Труды ИЯ АН СССР. – М., 1952. – Т.1. – С. 42-60.
69. Терентьев, М. Грамматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская / М. Терентьев. – Санкт-Петербург, 1875. – 118 с.
70. Тоҷиев, Д. Т. Сифати феълӣ дар забони адабии тоҷик [Матн] / Д. Т. Тоҷиев. – Сталинобод, 1954.
71. Тоҷиев, Д. Т. Чумлаҳои мураккаби тобеи сертаркиба [Матн] / Д. Т. Тоҷиев. – Душанбе: Ирфон, 1966. – 140 с.
72. Тоҷиев, Д. Т. Чумлаҳои мураккаби тобеъ дар забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн] / Д. Т. Тоҷиев. – Душанбе, 1981. – 215 с.
73. Турсунзода, М. Баро, ситораи ман. [Матн] Мирзо Турсунзода. – Душанбе: Адиб, 2015. – 480 с.
74. Фитрат, А. Қоидаҳои забони тоҷик / А. Фитрат. – Сталинобод; Тошканд, 1930. – 65 с.
75. Хоҷа Ҳасани Нисорӣ. Чаҳор гулзор [Матн] – Душанбе, 1998. – 116с.
76. Хоҷаев, Д. Чумлаи мураккаби тобеъ бо пайрави муайянкунанда дар забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн] / Д. Хоҷаев. – Душанбе, 2021. – 140с.
77. Хоҷаев, Д. Ба ҷойи пешгуфтор ба китоби «Сарфу нахви тоҷикӣ»-и С. Ализода [Матн] / Д. Хоҷаев. – Душанбе, 2006. – С. 3–8.
78. Хоҷаев, Д. Таърихи афкори забоншиносии тоҷик [Матн] / Д. Хоҷаев, О. М. Додаров. – Душанбе, 2022. – 303 с.
79. Хоҷаев, Д. Афкори забоншиносии устод Айни дар таҳқиқи Сайид Ҳалимиён / Д. Хоҷаев // Забон – рукни тоат. – 2022. – № 13. – С. 17.
80. Хоҷаев, Д. Назари устод Айни дар бораи афкори забоншиносии гузаштаи тоҷик [Матн] / Д. Хоҷаев // Гуфтори наку куҳан нагардад. – Душанбе, 2011. – С. 96–99.
81. Халимов, С. Айни как языковед: автореф. дис. канд. филол. наук [Текст] / С. Халимов. – Душанбе, 1964. – 24 с.
82. Халимов, С. С. Айни – лексикограф” [Матн] / С. Халимов. – Душанбе, 1964. – 162 с.
83. Ҳофизӣ Шерозӣ. Куллийёт [Матн] – Душанбе: Адиб, 2008. – 346 с.

84. Ҳусейнов, Х. Ҷумлаҳои мураккаби тобеъ бо ҷумлаи пайрави замон дар забони адабии ҳозираи тоҷик / Х. Ҳусейнов. – Сталинобод: Нашриёти АФ Тоҷикистон, 1960. – 121 с.
85. Ҷалил, Р. Асарҳои мунтахаб [Матн] Ҷ. 1: Шӯроб / Р. Ҷалил. – Душанбе: Адиб, 1988. – 304 с.
86. Шакурӣ, М. Ном ва табиати нозукписанди забон / М. Шакурӣ // Масоили сохтмони забони тоҷикии адабӣ дар солҳои 20–90-уми садаи XX.
87. Шакурӣ, М. Як воситаи муҳими инкишофи маданияти нутқ / М. Шакурӣ // Масоили сохтмони забони тоҷикии адабӣ дар солҳои 20–90-уми садаи XX. Китоби III. Ҷ. 1 (солҳои 50–70). – Хучанд: Нури маърифат, 2013. – С. 37.
88. Шакурӣ, М. Шаммас аз аҷоиботи забони матбуот [Матн] / М. Шакурӣ // Масоили сохтмони забони тоҷикии адабӣ дар солҳои 20-90-уми садаи XX. Китоби III. Ҷ. 1. – Хучанд: Нури маърифат, 2013. – 343 с.
89. Шарифова, Ф. Х. Составление персидских грамматик в XIX веке в России / Ф. Х. Шарифова. Словесность.– Душанбе, 2022. – С. 6-15.
90. Шукуров, М. Ҳар сухан ҷоеву ҳар нукта мақоме дорад [Матн] / М. Шукуров. – Душанбе, 1985. – 458 с.
91. Эшонҷонов, А. Хабарҳои номӣ ва тарзи ифодаҳои онҳо дар забони адабии тоҷик / А. Эшонҷонов // Маҷмуаи илмӣ Институти давлатии педагогии ба номи Т. Г. Шевченко. – Сталинобод, 1959. – Ҷ. 18. – 124 с.

ПУБЛИКАЦИЯ НАУЧНЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

I. Монография:

[1-A]. Вализода, Х.С. Ташаккули забоншиносии навини тоҷик дар солҳои 20-30-юми асри XX. Монография [Текст] / Х.С. Вализода. – Душанбе, 2026. -120с.

II. В рецензируемых журналах ВАК при Президенте Республики Таджикистан:

[2-A]. Вализода, Х.С. Баъзе мулоҳизаҳо оид ба истифодаи аъзои истисноӣ дар повести «Одина»-и устод Айнӣ [Текст] / Х.С. Вализода // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2008. – №2 (48). – С. 9-11.

[3-A]. Вализода, Х.С. Маъно ва муносибати синтаксисии аъзоҳои истисноии ҷумла бо аъзоҳои асосӣ дар забони тоҷикӣ [Текст] / Х.С. Вализода // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2008. – №8. – С. 43-52.

[4-A]. Ходжаев, Д., Вализода, Х.С. Синтаксическая концепция профессора Д.Т. Таджиева о сложноподчиненных предложениях [Текст] / Д. Ходжаев, Х.С. Вализода // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). Серия филологических наук. – Душанбе, 2015. – №3 (50). – С. 236-241.

[5-A]. Вализода, Х.С. Нахустин таҳқиқ оид ба ҷумлаи мураккаби тобӣ дар забоншиносии навини тоҷикӣ [Текст] / Х.С. Вализода // Международный журнал «Сияние науки» (Фуруғи илм). – Душанбе, 2024. – №001 (1). – С. 189-198.

[6-A]. Вализода, Х.С. Мубоҳисаҳои солҳои 20-30-юми асри XX дар атрофи забони тоҷикӣ ва арзиши забоншиносии онҳо [Текст] / Х.С. Вализода // Международный журнал «Сияние науки» (Фуруғи илм). – Душанбе, 2024. – №2 (). – С. 180-190.

[7-A]. Вализода, Х.С. Сайидризо Ализодаи Самарқандӣ ва афкори забоншиносии ӯ [Текст] / Х.С. Вализода // Международный журнал «Сияние науки» (Фуруғи илм). – Душанбе, 2024. – №3 (3). – С. 231-237.

[8-A]. Вализода, Х.С. Баъзе мулоҳизаҳо оид ба андешаҳои Лутфулло Бузургзода дар китоби дарсии «Синтаксиси мухтасари забони тоҷикӣ» [Текст] / Х.С. Вализода // Международный журнал «Сияние науки» (Фуруғи илм). – Душанбе, 2024. – № 4 (04). – С. 160-166.

[9-A]. Вализода, Х.С. «Қоидаҳои забони тоҷик» (сарфу наҳв)-и Абдуррауфи Фитрат ва мақоми он дар илми забоншиносии тоҷик [Текст] / Х.С. Вализода // Вестник Университета языков. Серия филологических, педагогических и исторических наук. – Душанбе, 2024. – №4 (56). – С. 36-42.

[10-A]. Вализода, Х.С. Китоби дарсии «Наҳви забони тоҷикӣ»-и М. Беленитский, Б. Ҳочизода ва ҷойгоҳи он дар таърихи афкори забоншиносии навини тоҷикӣ [Текст] / Х.С. Вализода // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2024. – №9. – С. 20-24.

[11-А]. Вализода, Х.С. Доир ба арзиши забоншиносии ду таҳқиқи академик Абдулғанӣ Мирзоев [Текст] / Х.С. Вализода // Вестник Кулябского государственного университета имени Абуабдуллох Рудаки. Серия исторические и археологические, педагогические и филологические науки. –Куляб, 2025. – №1. – С. 211-219.

[12-А]. Вализода, Х.С. Пасвандаки «-ак» дар таҳқиқи академик Абдулғанӣ Мирзоев ва арзиши забоншиносии он [Текст] / Х.С. Вализода // Словестность: Научный журнал Института языка и литературы НАНТ. – Душанбе, 2025. – №2 (51). – С. 64-71.

[13-А]. Вализода, Х.С. Арзиши забоншиносии як китоби дарсӣ [Текст] / Х.С. Вализода // Международный журнал «Сияние науки» (Фуруғи илм).– Душанбе, 2025. – №2 (06). – С. 307-314.

[14-А]. Вализода, Х.С. Саҳми Бектош дар илми забоншиносии тоҷик [Текст] / Х.С. Вализода // Международный журнал «Сияние науки» (Фуруғи илм).- Душанбе, 2025. - №3 (07). – С. 187-193.

[15-А]. Вализода, Х.С. Баъзе мулоҳизаҳо оид ба афкори забоншиносии академик Бобочон Ниёзмӯхаммадов [Текст] / Х.С. Вализода // Международный журнал «Сияние науки» (Фуруғи илм). – Душанбе, 2025. – № 4 (08). – С. 346-353.

[16-А]. Вализода, Х.С. Саҳми Носирҷон Маъсумӣ дар рушди афкори забоншиносии навини тоҷикӣ дар солҳои 40-70-уми асри ХХ [Текст] / Х.С. Вализода // Вестник Университета языков. Серия филологических, педагогических и исторических наук. – Душанбе, 2025. – №5 (56). – С. 36-42.

[17-А]. Вализода, Х.С. Таърихи ташаккули забони адабии тоҷик аз назари академик Абдулғанӣ Мирзоев [Текст] / Х.С. Вализода // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2025. – № 8. – С. 15-21.

[18-А]. Вализода, Х.С. Абдулвоҳиди Мунзим ва нақши ӯ дар мувоҳидаҳои солҳои 20-30-юми асри ХХ дар атрофи забони тоҷикӣ [Текст] / Х.С. Вализода // Вестник Кулябского государственного университета имени Абуабдуллох Рудаки. Серия исторические и археологические, педагогические и филологические науки. –Куляб, 2026. – №1 (42). – С. 285-290.

[19-А]. Вализода, Х.С. Саҳми профессор Додочон Тоҷиев дар рушди илми забоншиносии навини тоҷик [Текст] / Х.С. Вализода, Д. Ходжаев // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2026. – №3. – С. 5-11.

III. В других сборниках и изданиях:

[20-А]. Вализода, Х.С. Абдусалом Деҳотӣ ва нақши ӯ дар таҳқиқи баъзе масъалаҳои забони адабии тоҷикӣ [Текст] / Х.С. Вализода // Материалы республиканской научно-практической конференции посвящённой Дню государственного языка на тему “Язык на пути Независимости: проблемы и перспективы”. – Душанбе, 2025. – С. 12-21.

[21-А]. Вализода, Х.С. Додочон Тоҷиев ва ташаккули забоншиносии навини тоҷикӣ [Текст] / Х.С. Вализода // Материалы республиканской научно-практической конференции посвящённой Международному дню родного языка

на тему “ Независимость, родные языки и уважение к ним”. – Душанбе, – С. 23-30.

[22-А]. Вализода, Х.С. Накши Худойдод Хусейнов дар шаклгирии забоншиносии навини тоҷик [Текст] / Х.С. Вализода // Материалы республиканской научно-теоретической конференции, посвящённой 35-летию Государственной независимости Республики Таджикистан и 95-летию Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни, на тему «Родной язык и национальная независимость», приуроченной к Международному дню родного языка. – Душанбе, 2026. – С. 45-52.

[23-А]. Вализода, Х.С. Андешаҳои забоншиносии Нарзуллоҳ Ҳайдарӣ дар китоби «Дар атрофи забони адабии тоҷик» [Текст] / Х.С. Вализода // Материалы международной научно-практической конференции на тему «Актуальные проблемы восточной филологии и языково-литературных связей в условиях глобализации». – Душанбе, 2026. – С. 61-72.

[24-А]. Вализода, Х.С. Баҳридин Азизӣ ва мавқеи ӯ дар мувоҳисаҳои солҳои 20–30-юми асри XX дар атрофи забони тоҷикӣ [Текст] / Х.С. Вализода // Материалы международной научно-практической конференции на тему «Актуальные проблемы восточной филологии и языковых и литературных связей в условиях глобализации». – Душанбе, 2026. – С. 11-21.

[25-А]. Вализода, Х.С. Шаклгирии афкори забоншиносии навини тоҷик то Инқилоби Октябр [Текст] / Х.С. Вализода // Материалы международной научно-практической конференции «XXX Славянские чтения», посвящённой 35-летию Государственной независимости Республики Таджикистан, 30-летию Российско-Таджикского (Славянского) университета и Дню таджикской науки. – Душанбе, 2026. – С. 67-73.

АННОТАТСИЯИ

диссертатсияи Вализода Ҳокимхон Сафолиён дар мавзуи “Ташаккули забоншиносии навини тоҷик ва марҳилаҳои рушди он (солҳои 1840-уми асри XIX то замони бозсозӣ)” барои дарёфти дараҷаи илмӣ доктори илми филология аз рӯйи ихтисоси 6.2.2 – Назарияи забон

Калидвожаҳо: ташаккул, забон, забоншинос, муҳаққиқ, мавзуъ, мақола, мубрамият, муҳиммият, имло, алифбо, ғӯйишҳо (лаҳҷаю шева), чумла, афкор, пажухиш, сарчашма, рисолаю дастур, омузиш, меъёрҳо, марҳила, рушд.

Мавзуи диссертатсияро таҳқиқи ташаккули забоншиносии навини тоҷикӣ ва марҳилаҳои рушди он (солҳои 1840-уми асри XIX то замони бозсозӣ) ташкил медиҳад.

Ҳадафи асосии таҳқиқ ин муайян кардани омилҳо ва марҳилаҳои асосии шаклгирӣ ва рушди афкори забоншиносии навини тоҷик, махсусан, дар нимаи дуюми асри XIX ва нимаи аввали асри XX мебошад.

Муҳиммият ва аҳаммияти назариявӣ амалии масъала дар ин аст, ки таърихи ташаккул ва рушди афкори забоншиносии навини тоҷик то ҳол ба таври яклухт ва системанок таҳқиқ нагардида, зинаҳои рушд, омилҳои таъсиргузор, ҳамчунин нуқсонҳо ва дастовардҳои ин бахши илм ба таври мукамал баррасӣ нашудаанд.

Барои ноил шудан ба ҳадафҳои таҳқиқ ҳалли вазифаҳои зерин пешбинӣ мегардад:

- таҳлили амиқи асосҳои назариявии забоншиносӣ ва мафҳуми афкори забоншиносӣ;

- муайян кардани марҳилаи оғози ташаккули забоншиносии навини тоҷикӣ;

- ошкор намудани заминаҳо, омилҳо ва ҳадафҳои ташаккули афкори забоншиносии навини тоҷик;

- омузиш ва таҳлили марҳилаҳои асосии ташаккули афкори забоншиносии навини тоҷик;

Навгони таҳқиқ ин аст, ки бори нахуст ба сурати яклухту бунёди ташаккули забоншиносии навини тоҷик аз марҳилаи оғози он то замони бозсозӣ баррасӣ ва таҳлил гардида, аз нигоҳи замон муҳтаво, марҳилаҳои ташаккул ва рушди афкори забоншиносии навини тоҷик ба ду давра: давраи то Инқилоби Октябр ва давраи пас аз Инқилоби Октябр ҷудо карда шудааст.

Нуктаҳои ба ҳимоя пешниҳодшаванда аз таҳлили андешаҳои донишмандони гузашта, таҳқиқоти шарқшиносони Русияи подшоҳӣ ва ҳам шарқшиносони замони шуравӣ, таҳияи дастуру раҳнамоҳо барои омузиши ин забон, вазъи забоншиносии тоҷик дар нимаи аввали асри XX, дастурнигорӣ баъди забони тоҷикӣ ва дар ин замина ташаккули афкори забоншиносии навини тоҷикӣ дар марҳилаҳои гуногун ва дар ин давра таълифу нашр шудани бисёр асарҳои ҷамъбасти дар бораи шеваю ғӯйишҳои мардумӣ ва бахшҳои гуногуни забоншиносии навини тоҷик иборат мебошад.

Аз таҳқиқоти дар солҳои мавриди назар баанҷомрасида бармеояд, ки афкори забоншиносии тоҷик таърихи тулонӣ дошта, ҳарчанд ки он ба давраи қабл аз Сосониён рост меояд, аз солҳои 1840-уми асри XIX, яъне аз замони Русияи подшоҳӣ шуруъ шудааст. ки дар шаклгирӣ ва инкишофи афкори забоншиносии навини тоҷикӣ саҳм гузоштаанд.

Хулосаҳо ва нукоти назарие, ки дар диссертатсия оид ба ташаккули забоншиносии навини тоҷикӣ ба даст омадааст, метавон дар таҳия ва тадвини китобҳои дарсӣ, монографияҳо, таҳқиқоти диссертатсионӣ ва дастурҳои таълимӣ-методӣ истифода кард.

АННОТАЦИЯ

диссертации **Вализода Хокимхона Сафолиёна** на тему **«Формирование (становление) современного таджикского языкознания и этапы его развития (с 1840-х годов XIX века до эпохи перестройки)»** на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 6.2.2. Теория языка.

Ключевые слова: формирование, язык, лингвист, исследователь, тема, статья, актуальность, значимость, орфография, алфавит, говоры (диалекты), предложение, идеи (мысль), исследование, первоисточник, трактаты и руководства, изучение, нормы, этап, развитие.

Тема диссертации: Исследование формирования современного таджикского языкознания и этапов его развития (1840–до эпохи перестройки).

Основная цель исследования заключается в определении факторов и основных этапов формирования и развития современной таджикской лингвистической мысли, особенно во второй половине XIX и первой половине XX веков.

Теоретическая и практическая значимость и важность вопроса состоит в том, что история формирования и развития современной таджикской лингвистической мысли до сих пор не исследована комплексно и систематически; не были в полной мере рассмотрены ступени развития, влияющие факторы, а также недостатки и достижения этой области науки.

Для достижения целей исследования предусмотрено решение следующих задач:

- глубокий анализ теоретических основ лингвистики и концепции лингвистической мысли;
- определение начального этапа формирования современного таджикского языкознания;
- выявление предпосылок, факторов и целей формирования современной таджикской лингвистической мысли;
- изучение и анализ основных этапов становления современной таджикской лингвистической мысли.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые комплексно и фундаментально рассматривается и анализируется формирование современного таджикского языкознания от его истоков до периода перестройки. По времени, содержанию и этапам развития лингвистическая мысль разделена на два периода: дооктябрьский и послеоктябрьский.

Положения, выносимые на защиту, включают в себя: анализ трудов ученых прошлого; исследования востоковедов царской России и советского периода; разработку учебных пособий и руководств по изучению языка; состояние таджикского языкознания в первой половине XX века; последующее составление грамматик таджикского языка и формирование на этой основе лингвистической мысли на разных этапах; а также издание в этот период обобщающих трудов по народным диалектам и различным разделам современного таджикского языкознания.

Из проведенных исследований следует, что таджикская лингвистическая мысль имеет длительную историю, и хотя её корни уходят в досасанидский период, современный этап (внесший вклад в нынешнее формирование) берет начало с 40-х годов XIX века, то есть со времен царской России.

Выводы и теоретические положения, полученные в диссертации, могут быть использованы при подготовке и составлении учебников, монографий, диссертационных исследований и учебно-методических пособий.

ANNOTATION

of the dissertation by **Valizoda Hokimkhon Safoliyon** on the topic “**The Formation of Modern Tajik Linguistics and the Stages of its Development (from the 40s of the 19th century–to the Perestroika era)**” submitted for the degree of Doctor of Philological Sciences in the specialty 6.2.2 – Theory of Language.

Keywords: formation, language, linguist, researcher, topic, article, relevance, significance, orthography, alphabet, dialects, sentence, thoughts (ideas), research, source, treatises and manuals, study, norms, stage, development.

Thesis Topic: Investigation of the formation of modern Tajik linguistics and the stages of its development (1850 – to the Perestroika era).

The main goal of the research is to identify the factors and key stages in the formation and development of modern Tajik linguistic thought, particularly in the second half of the 19th and the first half of the 20th centuries.

The theoretical and practical significance of the issue lies in the fact that the history of the formation and development of modern Tajik linguistic thought has not yet been studied in a comprehensive and systematic manner; the stages of development, influencing factors, as well as the shortcomings and achievements of this branch of science, have not been fully examined.

To achieve the research goals, the following tasks are envisaged:

- A deep analysis of the theoretical foundations of linguistics and the concept of linguistic thought;
- Identifying the initial stage of the formation of modern Tajik linguistics;
- Revealing the background, factors, and goals behind the formation of modern Tajik linguistic thought;
- The study and analysis of the main stages in the evolution of modern Tajik linguistic thought.

The scientific novelty of the research is that, for the first time, the formation of modern Tajik linguistics is examined and analyzed comprehensively and fundamentally from its inception to the era of perestroika. Based on chronology and content, the stages of the development of modern Tajik linguistic thought are divided into two periods: the pre-October Revolution period and the post-October Revolution period.

Points for defense consist of: the analysis of the ideas of past scholars; research by orientalists of both Tsarist Russia and the Soviet era; the development of manuals and guides for language study; the state of Tajik linguistics in the first half of the 20th century; subsequent Tajik grammar writing; and the resulting formation of modern Tajik linguistic thought through various stages, including the publication of many comprehensive works on folk dialects and different branches of modern Tajik linguistics.

The research concludes that Tajik linguistic thought has a long history. Although it dates back to the pre-Sasanian period, the specific formation and development of modern Tajik linguistic thought began in the 1840s during the Tsarist Russian era.

The conclusions and theoretical points obtained in the dissertation regarding the formation of modern Tajik linguistics can be utilized in the preparation and compilation of textbooks, monographs, dissertation research, and educational-methodological manuals.